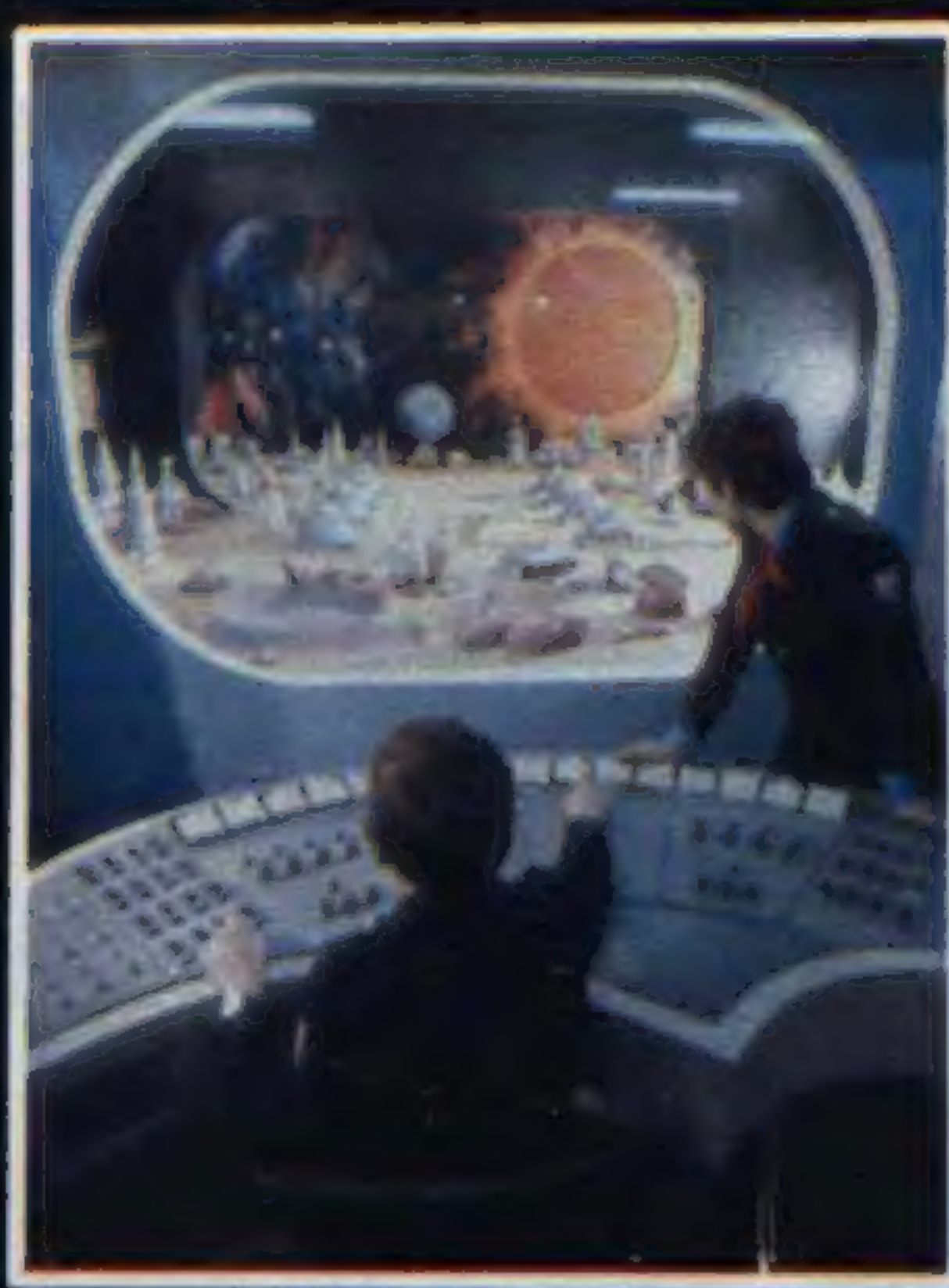

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 17 АПРЕЛЬ 1988

КОСМОНАВТЫ
РОЖДАЮТСЯ НА ЗЕМЛЕ

ЗА ОПЫТОМ —
К СОСЕДЯМ

У СЕСТРЫ
ТУХАЧЕВСКОГО

РУССКИЙ АВАНГАРД

ОСТАНОВИТЕ!
ОСТАНОВИТЕ!
ОСТАНОВИТЕ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 17 (3170)

23—30 АПРЕЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор
В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
В. В. ГЛОТОВ

(ответственный секретарь),

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель главного редактора),

К. А. ЕЛЮТИН,

Н. А. ЗЛОБИН,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

А. Б. СТУКОВ,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,

В. Б. ЧЕРНОВ,

В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Фотоплакат Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных
приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 04.04.88. Подписано к печати 19.04.88. А 00330. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 780 000 экз. Заказ № 2190.

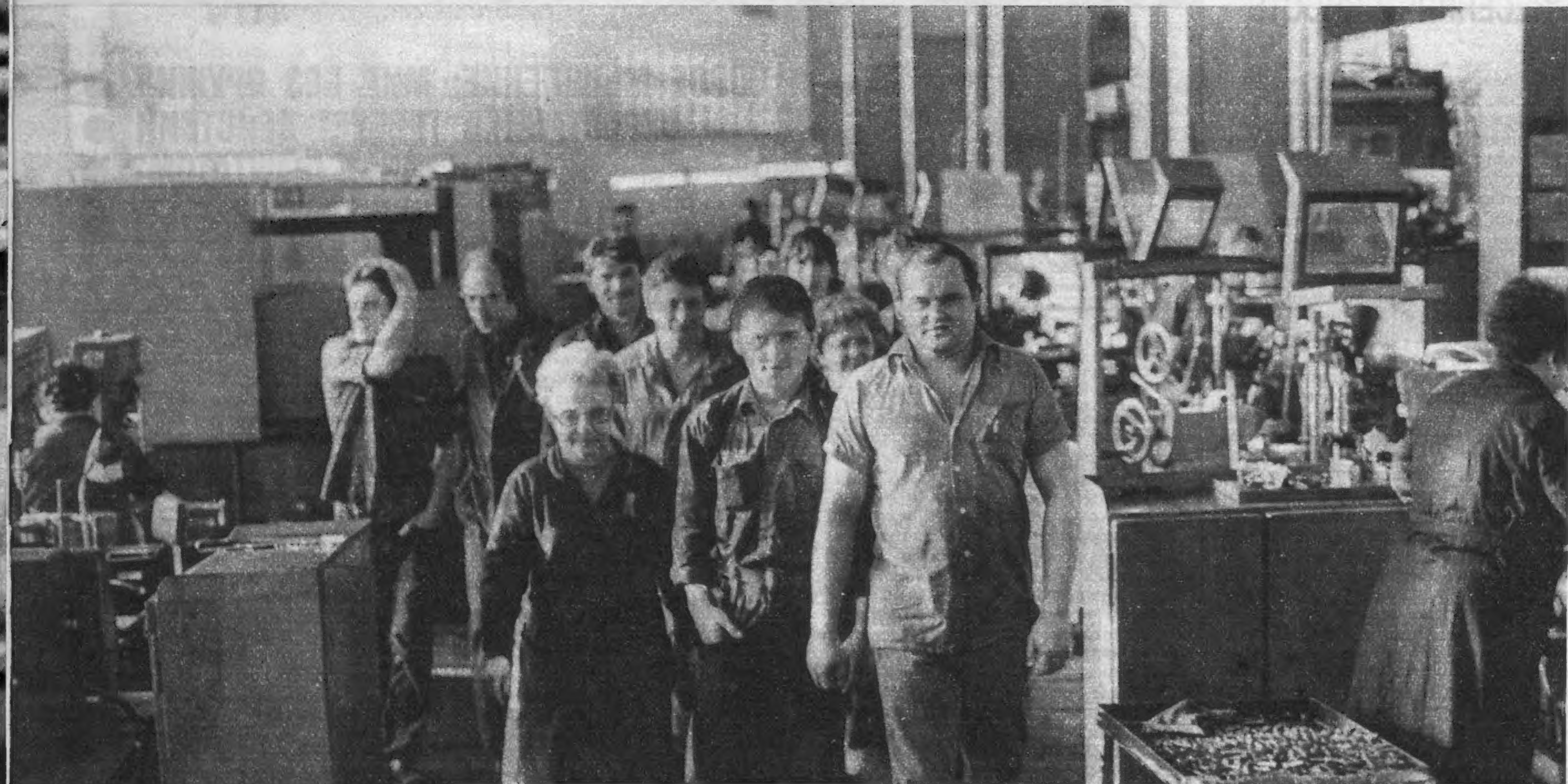
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

**Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.**

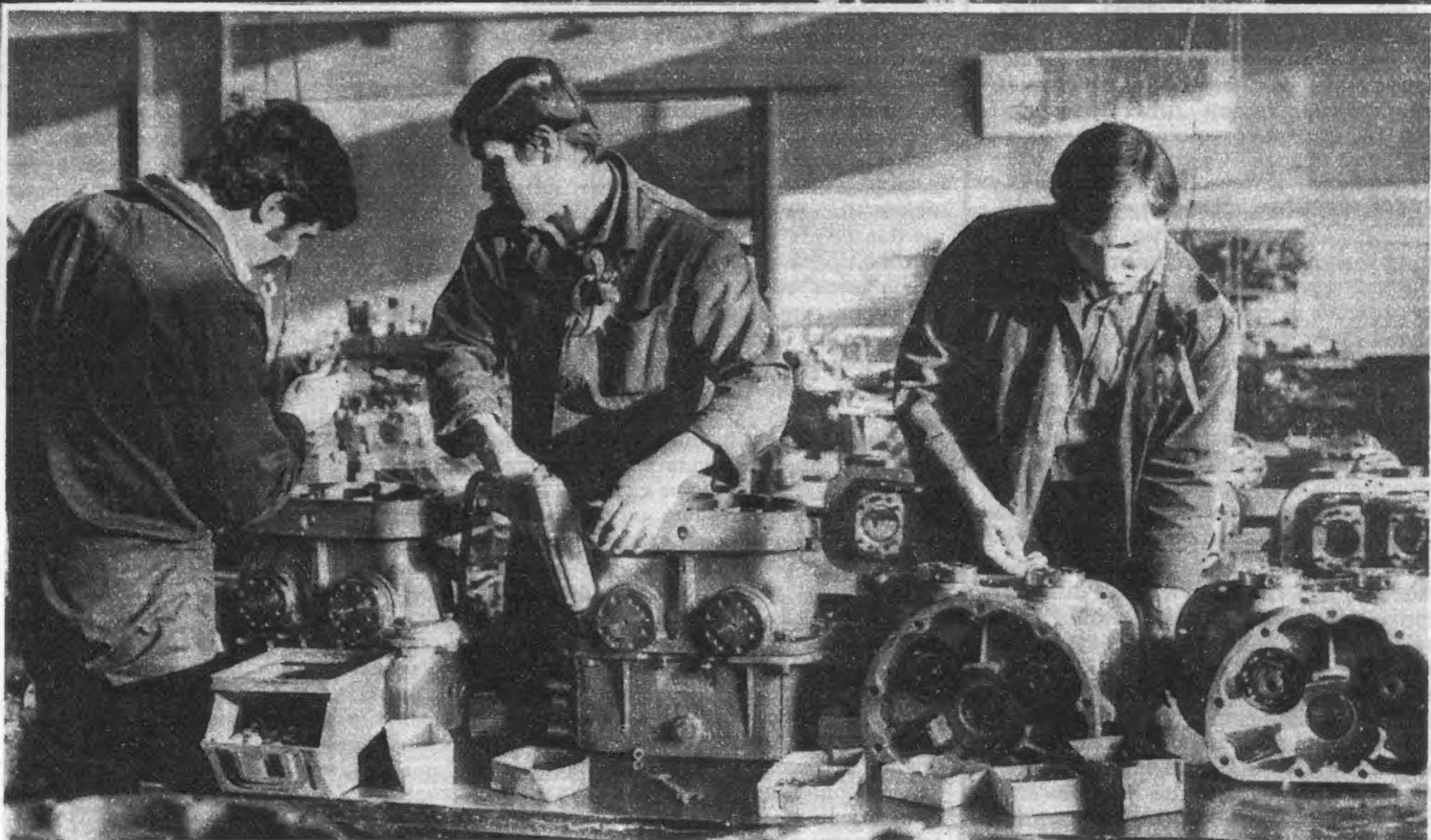

Товарищи!
Все силы на перестройку,
демократизацию
общества
и радикальную
экономическую
реформу!

Из Призывов ЦК КПСС
к 1 Мая 1988 года

**Борис ЕРМАКОВ,
Анатолий БОЧИНИН (фото)**

Именно так, не иначе, сообща творить перемены в жизни цеха своего и завода. А значит, и всей страны. Подобное настроение выносишь после встречи с производственным объединением «Московский машиностроительный завод имени Калинина». Не исключено, что тому способствовала приподнятая обстановка коммунистического субботника. При чем ей соответствовали чисто внешние и необыденные атрибуты праздника труда — экспресс-ярмарка после работы, а вечером — концерт и фильм для семей тружеников предприятия. Однако эти небольшие события не производили впечатления показухи. По сути, шел обычный рабочий день.

Во всяком случае, таким он был для всего коллектива, в том числе и токаря коммуниста Александра Ромашкина. Красная суббота для него оказалась поводом для того, чтобы к ежедневной прибавке к заданию приплюсовать еще некоторый процент. При неизменном пилю к предстоящей XIX Всесоюзной партийной конференции. Уже сегодня его задел настолько основателен, что ни у кого в цехе не вызывает сомнения,

что свое обещание станочник выполнит еще до открытия форума. Впрочем, здесь немало таких, кто тоже готовит подобные подарки конференции.

— Многое у нас на заводе меняется буквально на глазах, — сказал Александр, — и хочется делать больше. И не только мне — климат одинаков для всех. Вот, к примеру, мой напарник Альберт Каспаров. Мы с ним на единый наряд работаем. И прежде на одном станке были два сменщика. Но отношение к труду было иным. Теперь за несколько минут до прихода Альберта я перестраиваю станок для его операции. Он готовит рабочее место для меня. Пустяк будто, а выгода немалая. Минута час бережет. Вот так понемногу, конкретно на своем месте осуществляем перестройку. А ее приметы везде в нашем цехе. Получаем станки с числовым программным управлением, ждем новое оборудование. Все это поможет нам сделать еще более современной технологию.

— Вы член совета трудового коллектива?

— Нет, я по профсоюзной части. А член СТК вот он, рядом — Виктор Григорьевич Переяславский. Если возникают какие-нибудь производственные проблемы — к нему гораздо ближе, чем по вертикали — к начальству. Коллектив теперь сам хозяин...

Так-то оно так. Переход предприятия на хозрасчет, а в дальнейшем на работу по конечному результату совпадает с возрастающим интересом к его продукции. Производственное объединение выпускает гидравлическое оборудование для различной строительной и сельскохозяйственной техники. Эти узлы требуют высокой чистоты обработки деталей, а значит, и постепенного технического перевооружения. В цехах готовятся к этому — повышают квалификацию, учатся активно участвовать в управлении производством. Для того и создан совет трудового коллектива. Он-то и утвердил возможности предприятия перед тем, как послать разработанные предложения в свое ведомство. Но в Минстройдормаше, видимо, по старой укоренившейся

привычке не стали размышлять над заводскими расчетами, а слегка подкорректировали их — в сторону увеличения. И государственный заказ превысил возможности предприятия. Вот так, без затей. Формируя себе задание, завод не забывал ни о государственных потребностях, ни о своих производственных мощностях, ни о своем хозрасчете, а стало быть, о выгоде. Словом, считали честно. А в результате — хоть надорвись, а выполни. Подскочит с натугой производительность труда, расценки, глядишь, срежут. Зарплата, понятно, снизится. Вот тебе, бабушка, и материальная заинтересованность. Уж какое тут соучастие в перестройке.

— В министерстве, — пояснил секретарь парткома М. Гушин, — вероятно, заботились о размещении заказа на гидравлику с учетом возможностей своей структуры. Завод имени Калинина тянул, мол, прежде, потянет и теперь. И это вместо того, чтобы задуматься о создании социалистической конкуренции и разместить часть продукции на других предприятиях.

ВЕСЕННЯЯ ЯСНОСТЬ

Со всей неотвратимостью наступила весна. Ежегодно мы как бы заново переживаем борьбу тепла с холодом, понемногу привыкаем к переменам в природе и, хоть признаем весну задолго до последнего снега, постоянно опасаемся за ее судьбу.

Весной люди нескрывтнее, естественнее. А приближающаяся Всесоюзная партийная конференция особенно обострила дискуссии, ускорила бег времени. Время взыскательно; оно совершенствует нас, напоминает о том, что в условиях гласности надо жить в открытую, четко предъявлять и отстаивать свои взгляды. А спорить есть о чем. В минувшем марте, месяце сталинской смерти, были угрожающе четко заявлены позиции сторонников административных методов руководства, решительных поклонников покойного вождя и его антинародного, террористического стиля правления. Известная статья Нины Андреевой в «Советской России» исподволь вызревала у противников перестройки, формулируясь ими как платформа. Прекрасно, что в апреле, месяце ленинского рождения, антиперестроечные настроения получили столь четкую отповедь в «Правде», были с высокой и достойной политической убежденностью парированы на множестве партийных собраний, в тысячах писем.

Перестройка необратима. Весна, однажды начавшись, отступать не должна. Поражение перестройки недопустимо: оно было бы трагедией социальной, бедой для Советской власти, для революции; противостоять этой угрозе — наш долг.

Все будет в порядке. Просто надо работать лучше, активнее; самим создавать ситуации, а не выжидать «для верности». Вот-вот, думаю, «Литературная газета» по-настоящему заметит в своих публикациях недавнюю острейшую партийную дискуссию, не заставит нас удивляться тому, что писатели прежде всего получили возможность выступить в осуждение упомянутой антиперестроечной статьи где угодно, но не у себя в газете. Впрочем, злого умысла, думаю, в позиции «ЛГ» не было; хоть последними, но опубликовали все-таки... Не надо видеть злые умыслы там, где их нет. Текстуальные совпадения опубликованной нами в № 46 ленинградской речи редактора журнала «Молодая гвардия» А. Иванова с недавней статьей ленинградской преподавательницы Н. Андреевой наверняка случайны, * так же как ряд повторяющихся тезисы упомянутого автора «Советской России» статей в апрельских номерах «Молодой гвардии» и «Нашего современника». Ну нельзя же на самом деле полагать, что это умышленно: одновременная публикация нескольких «охранительных» статей со старыми угрюмыми формулировками, где выражение вроде «экстремистские неорепубликанцы» — основа аргументации.

Настала весна. Давайте верить в лучшее. Весь мир жаждет обновления, мир верит нам.

Никто не поможет нам, кроме нас самих. Сегодня — время великой ясности, когда все понятнее позиции каждого. Третий год минул с исторического апрельского Пленума ЦК. Мы многого с той поры достигли и не имеем права терять ни одного завоевания перестройки. Так важно, чтобы в труде умножались сила наша, решительность и принципиальность.

Виталий КОРОТИЧ

Я преподаю политэкономии в институте, расположенном по соседству с вузом, в котором работает Н. Андреева, автор статьи «Не могу поступаться принципами» в газете «Советская Россия». Поскольку в ней содержится обращение к преподавателям общественных наук, то я имею все основания полагать, что оно адресовано и мне. Сразу хочу заявить: занимаю, отстаиваю и пропагандирую позицию, прямо противоположную позиции Н. Андреевой. Поэтому публикацию в «Правде» от 5 апреля «Принципы перестройки: революционность мышления и действий» воспринял как праздник, как торжество революционной справедливости.

Десталинизация — единственный путь развития нашего общества, способный вдохнуть в него жизнь после многих лет застоя. Сталинизм возвел зло в добродетель, объявил, по существу, зло нормой социализма, коварно упрятав его за ширмой замаскированной у марксизма терминологии. Наш народ строил и побеждал не благодаря Сталину, а несмотря на Сталина и его приспешников. Сейчас стоит задача очищения социализма от сталинизма. Ибо основоположниками марксизма начертано «...свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Десталинизация требует определенных действий, долг преподавателя общественных наук сегодня — не допустить социальную чуму сталинизма в XXI век, привить студентам надежный иммунитет против взглядов современных поклонников «великого и мудрого». Я считаю своей прямой профессиональной обязанностью развенчивать канонизацию административно-приказной системы управления экономикой, раскрывать ее пороки, ее несовместимость с подлинно гуманными целями социализма. Очень хорошо, что в журнале «Коммунист» появились статьи О. Лациса и В. Белкина, дающие преподавателям великолепный фактический материал для такой работы. Но пока подобных публикаций крайне мало, нужны глубокие научные исследования «белых пятен» экономической системы сталинизма. Мифы о ее эффективности, десятилетиями внедрявшиеся в массовое сознание, нельзя до конца разрушить даже самой эмоциональной публицистикой. Требуются тщательные научные разработки, впечатляющие статистические данные. После IV Всесоюзного съезда колхозников я жду появления работ, где всесторонне анализировались бы антиленинские методы сталинской коллективизации и ее катастрофические экономические последствия.

В апреле мои студенты завершают курс политэкономии социализма, на последнем семинарском занятии я решил организовать конференцию по статье Г. Попова «С точки зрения экономиста» («Наука и жизнь»,

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ: МИР БЕЗ ОРУЖИЯ ПЕРЕСТРОЙКА ТРЕБУЕТ ДЕЙСТВИЙ КТО СТАНЕТ ДЕПУТАТОМ? ЧИТАТЬ ЛИ ИНЖЕНЕРУ ГАЗЕТЫ?

1987, № 4). На сегодняшний день она демонстрирует образец объективного раскрытия механизма функционирования административной системы и неизбежности ее последовательной деградации. Предстоящее обсуждение, на мой взгляд, — самый лучший ответ тем, кто до сих пор пытается привить идолопоклонство нашей молодежи. Я надеюсь, что мои студенты не понесут цветы на могилу «отца народов» и тем более не встанут навзрыд перед деспотом, о чем так мечтает Н. Андреева.

А. П. ЗАОСТРОВЦЕВ,
доцент кафедры политэкономии
Ленинградского механического
института

и парадных фотографий, народ мало что видит.

Большое значение имеет личность руководителя Совета. Их выборы проходят как-то келейно. Более демократичными были бы прямые выборы руководителей Советов на всех уровнях.

Работающий, а не только голосующий Совет народных депутатов мог бы поприветствовать и бюрократов, и взяточников, и волюнтаристов любого ранга, серьезно заняться экологией. А нынешние Советы не помогли ни Байкалу, ни Ладоге, ни Аралу.

Е. С. ЗАВОЛЖЕНСКИЙ
Астрахань.

Большинство из нас радуются перестройке, происходящим сейчас в стране. Беспокоит одно: нет твердых конституционных гарантий их необратимости. Простого повторения слов «гласность и перестройка» мало, наша история не дает нам права успокаиваться. Необходимы изменения в Конституции СССР, в законодательстве.

Мне кажется, должна появиться статья, запрещающая (без всяких исключений!) занимать выборные должности в государственных органах более двух сроков. Неоправданно большой процент среди наших депутатов составляют начальники: управляющие, директора, министры — как раз те лица, деятельность которых и должна быть объектом контроля Советов. Разумеется, будет неэтично запрещать избирать людей в зависимости от занимаемого поста, но если ввести в Конституцию статью об оставлении депутатом прежней работы на все время полномочий, то многие подумают, прежде чем дать согласие баллотироваться.

Основная функция депутата — отстаивать интересы избирателей. Защита Родины — профессия, в суде наши интересы защищают профессиональные адвокаты, а защита интересов избирателей почему-то ведется на любительском уровне, по совести.

Депутатам надо платить содержание из госбюджета в размере средней по стране зарплаты плюс 25—50 процентов, в зависимости от уровня Совета, плюс бесплатный проезд на транспорте — в пределах необходимости. Средства на это можно найти, введя «депутатский» налог — не более одного рубля в месяц с семьи.

Думаю, что эти перемены приведут к тому, что в наших Советах будут действительно слуги народа. Стенограммы заседаний должна публиковать местная печать, а сессии Верховных Советов республик широко освещаться по телевидению. Сейчас же, кроме речей по бумажке, единогласного голосования

Еще несколько лет назад все мероприятия у нас были настолько организованы, что даже митинги, демонстрации, связанные с проявлением доброй воли нашего народа к миру, проводились формально, по раз и навсегда заведенному порядку. Скажем честно: мы отвыкли от личного участия в общественных процессах. Поэтому очень важным мне кажется стремление Советского комитета защиты мира привлечь как можно больше людей к активной деятельности, к обсуждению вопросов внешней политики, чтобы сделать ее в большей степени достоянием гласности, чем до сих пор.

С провозглашением перестройки стало ясно: надо считаться с мнением общественности и по внешнеполитическим проблемам, полнее информировать людей о различных точках зрения. И, конечно, недопустимо положение, когда советскую ракету «РСД-10» мы долгое время знали под названием, принятым на западе, — «СС-20».

Комитет защиты мира, по-моему, нашел правильную форму — сотрудничество с неформальными группами, которые хотят заниматься миротворчеством. Разве это не замечательно, что уже осуществились некоторые акции, предложенные народными дипломатами? Например, «Всемирная волна мира», которая прошла в октябре прошлого года по всей планете.

Но все-таки народная дипломатия пока отстает от государственной внешней политики — инициативной, стремительной и привлекательной. Всем нам надо повышать свою политическую культуру, ибо безграмотный человек стоит вне политики. Дискуссионный клуб «Мир и права человека», действующий в Советском комитете защиты мира, может многое дать в этом плане. И главное — привить вкус к собственной активности в вопросах мира и политического сотрудничества. Хотелось бы, чтобы пресса больше писала об этом.

В. КУЗНЕЦОВ,
инженер
Ленинград

* И верится в подпись А. Иванова под коллективным письмом в «Правде» от 19 апреля!

Только что завершилось XI ежегодное собрание Американско-советского торгово-экономического совета, которое привлекло 500 представителей деловых кругов от 130 американских компаний. На Ленинских горах в столице уже продают американскую пиццу. Канадская фирма «Макдональд» собирается взять на себя обеденную индустрию, кормить нас обедом за считанные минуты. Английский аукционный дом «Сотби» готовит первую международную распродажу современного советского искусства. Ленинградские обувщики в паре с западногерманской «Саламандрой» готовы предложить удобные и красивые сапоги, туфли, мокасины. Соседка уже шьет и вяжет для всей семьи по «Бурда моден». Тут уж каждый из нас становится соучастником экономического и торгового сотрудничества. Более разумный подход для оздоровления экономической обстановки и придумать трудно.

Но вот читаю в газетах, как много помех в деятельности совместных предприятий возникает из-за нашей десятилетиями накатанной бюрократической машины, с которой сами мы постыдно свыклись. Индийцы из советско-индийского ресторана «Дели», например, не могут понять, почему у нас на самый, казалось бы, пустяк нужен разрешающий документ, и он чаще всего опаздывает. Предприниматели США из фирмы «Ралекс» предложили создать совместное советско-американское предприятие, причем с нашей стороны это созданный в прошлом году кооператив «Такт», который обслуживает персональные компьютеры и составляет прикладные программы. Президент «Ралекса» гарантирует, что если будет соответствующая реклама в США, то ежедневно они получат сто заказов от американцев. Но самое интересное — да, вы угадали, — никто из «Внешторггрекламы» и «Фильмрекламы» пока согласия на нее не дал. Без прибыли же в валюте никто с нами работать не хочет.

Узнаю обо всем этом и думаю: да они нам просто необходимы, эти совместные предприятия! Помогут кое-какие барьеры преодолеть. Конечно, нам нужен опыт зарубежных бизнесменов, но еще больше — их деловой подход, чтобы быстрее справиться с пороками собственной административной системы.

Те, кто хочет с нами работать, заинтересованы в обстановке благоприятствования и дружелюбия — это самый мудрый способ жить в мире. Не сомневаюсь, что новое мышление в экономическом сотрудничестве очень скоро принесет ощутимые плоды.

В. АСАДИКОВ
Ташкент.

Обращаемся к вам за помощью от имени наших читателей — работников ведомственных библиотек. В связи с приказом министра связи СССР от 13.07.87 года № 360 ведомственная подписка на газеты и журналы на 1988 год сокращена на 30 процентов. Это серьезно ударило по научно-техническим библиотекам, справочно-информационным фондам предприятий и организаций. Дело в том, что местные отделения «Союзпечати», руководствуясь указанным документом, начали сами опре-

делять, что научным и техническим библиотекам можно выписывать, а что нет. В иных случаях дошли до того, что запретили подписку на газеты «Правда», «Известия», журналы «Коммунист», «Политическая агитация». В список запрещенных попали издания, предназначенные для работников науки и техники, производства: «Экономическая газета», «Труд», «Социалистическая индустрия», научно-популярные журналы, пользующиеся спросом у молодых рабочих, изобретателей и рационализаторов: «Радио», «Техника — молодежи», «Наука и жизнь».

Решение отнять у трудящихся право просмотреть свежие газеты и журналы в своей библиотеке кажется нам ошибочным. Подписка недешева, и каждый не может выписать всего, а прочитать те или иные статьи просто необходимо, чтобы быть в курсе политических и экономических преобразований в стране. Библиотеки борются за то, чтобы инженеры, рабочие читали, были знающими, культурными, всесторонне развитыми людьми, а Министрство связи их от чтения отлучает.

Экономия на политической, воспитательной работе может обернуться невосполнимыми потерями. Сейчас, когда в центральной прессе широко печатаются материалы об опыте перестройки, предлагаются для всенародного обсуждения проекты законов, диктат «Союзпечати» выглядит просто нелепым. «Как можно пропагандировать политику партии и правительства, не имея под рукой даже центральных газет? — пишет нам директор НТБ из Балашихи. — Кому-то очень нужно, чтобы мы поменьше читали и не думали над происходящими событиями».

Подписная кампания 1988 года закончилась, но нельзя допустить, чтобы подобное повторилось. Между тем, как сообщили нам в Главном управлении «Союзпечати», приказы, аналогичные приказу № 360, будут возобновляться ежегодно, и снова «Союзпечать» будет решать за научно-технические библиотеки, на что они могут подписаться. «Огонек», подписка на который нашим библиотекам, кстати, тоже возбраняется, уже поднимал этот вопрос. Просим еще раз вернуться к нему, чтобы наконец добиться справедливого решения.

С. ПЕТРОВА,
зам. главного редактора
сборника «Научные и
технические библиотеки СССР»

Каждый год в День Победы собирались мы, воины-фронтовики, на традиционную встречу. Радовались, плача, увидев, как навстречу идет фронтовой друг, и печалились, замечая, что становится нас с каждым годом все меньше.

Теперь этих встреч не будет. Из Совета ветеранов нам, бывшим воинам-десантникам, пришло уведомление, что на День Победы в этом году встреча будет организована в Москве только для жителей столицы, Московской области и близлежащих областей.

Почему? Мы считаем такую постановку дела и обидной для нас, и несправедливой. Разве только из одних москвичей состояло наше подразделение? Разве в роте, которой командовал живущий сейчас в столице Иннокентий Иванович Рыков, не было бойцов из-под Воронежа, Липецка, Харькова, Владимира, Донецка,

Куйбышева? Почему же теперь решили, что мы будем лишними? Почему разделили на москвичей и не москвичей? На фронте нас не особенно интересовало, откуда кто родом. Мы делали общее дело — защищали Родину. А теперь нас хотят разобщить.

Да, в День Победы Москва с трудом вмещает ветеранов, сложно организовать ночлег, питание. Но ведь было же и то, и другое. А сейчас все меньше людей прибывает на эти встречи.

Чувство такое, будто взяли и вычеркнули нас из списка оставшихся в живых. Зачем же отнимать у бывших воинов последнюю радость — фронтовое братство?

**По поручению
десяти воинов подразделения
П. И. МЕРЕНКОВ,**
бывший рядовой минометной роты
воздушно-десантной дивизии
Бобров Воронежской области.

Хочу поддержать предложение товарища В. Сквородько, опубликованное в «Известиях», — праздновать День Конституции 10 июля. Именно в этот день 1918 года V Всероссийский съезд Советов принял первый советский свод законов. Основные его принципы остаются неизменными при всех последующих изменениях и дополнениях. Стоит ли из-за них называть каждую последующую конституцию — новой? Получается, что у нас есть конституция сталинская, есть брежневская? А в основе должна быть одна — ленинская Советская Конституция!

Н. СМОЛЪЯНИН,
рабочий ДСУ-3
Воронеж.

Как-то по телевизору показали праздник молодой семьи в Москве. Впечатляет... Я же расскажу о молодых семьях наших военных моряков. Лишь один пример (типичный). Мой сын Юрий Литвин полтора года назад окончил Высшее военно-морское инженерное училище. Служит на Дальнем Востоке. После учебы женился. Жена — экономист, завершила институт с отличием, была оставлена в аспирантуре, но бросила все и поехала за ним. Бывает еще и такое!

Полтора года молодая семья существовала так: квартиры нет, работы для жены — тоже. Она снимает угол, он живет на корабле. Но вот недавно родился сын, и моя невестка приехала к родителям. Что дальше? Надежды на квартиру в ближайшие годы нет, отец сына не видел. Вот и «праздник» молодой семьи, будни — тоже. Службу офицеры начинали с рвением. Но в редкие часы увольнений с корабля на берег и флот некуда. Если стране нужен флот, а флоту нужны офицеры, то как понять те мытарства, на которые обречены их семьи?

В. П. ПЬЯНОВА
Марганец
Днепропетровской области.

Коллега из Польши попросил меня написать статью. Я выполнил просьбу, и два больших конверта с двумя экземплярами были приняты в специализированном почтовом отделении. Однако через месяц (!) конверты вернули мне с анонимным пояснением, что материалы такого

рода должны отправлять организации.

Статья посвящена «Повести временных лет», и отправляя я ее как частное письмо по домашнему адресу коллеге из Быдгоща. Подобное письмо может вообще остаться частным делом: польскому преподавателю интересно знать мое мнение по определенным профессиональным вопросам. При чем же здесь «организация» — педагогический институт, — не писавшая статью?

А. А. ШАЙКИН,
доцент
Алме-Ата.

Отрывной календарь 1988 года сообщает нашему народу о днях рождения ныне здравствующих руководителей страны. Несомненно, это уважаемые люди, но ведь день рождения — личный, семейный праздник, а отнюдь не всенародный. Всенародным его могут сделать только благодарные потомки. Пусть простят нас редакторы календаря, но их старания дискредитируют наших партийных руководителей. Похоже, что календари составляются по трафарету, сделанному в другое время. Но ведь сейчас время новое.

Семья КОВАЛЕВЫХ
Москва.

Посылаю вам анкету, которую недавно раздали всем сотрудникам Эрмитажа с требованием ее заполнить. Обратите, пожалуйста, внимание на пункты 16, 17 и 23. Составители анкеты интересуются родственниками за границей, справляются, были ли вы в плену и при каких обстоятельствах освобождены, а также особыми приметами: ростом, цветом волос и глаз. Я заполняю такой подробный документ вторично. В первый раз — лет десять назад. Тогда нам объяснили, что может возникнуть необходимость в срочной заграничной командировке, и это поможет быстрее оформить визу. Пожилые, пенсионного возраста, явно «невыездные» сотрудники сначала не получили анкеты, но потом и им пришлось ее заполнить. Анкетирование оказалось поголовным, отнюдь не связанным с командировками. Но вот пришли другие времена, и что же? Снова мы все получили такую же анкету. На ропот сотрудников новый начальник отдела кадров отвечает коротко: «Нужно». Что это — бюрократический атавизм? Или местная инициатива, которая ставит своей целью унижить нас подозрительностью, недоверием, показать, что все мы, как на булавочках, под микроскопом?

А. Е. ХАИТ,
экскурсовод филиала Эрмитажа
«Дворец Меншикова»
Ленинград.

Наш адрес:
Москва,
101456, ГСП,
Бумажный проезд, 14.

КОНЕЦ КИЖЕЙ С ПО

Геннадий СОРОКИН

Как это так у нас получилось, что А. Попов оказался ближе к эпохе Возрождения, чем храм на острове Киж? Мне кажется, тут совсем другое: если храм перебрать, он исчезнет, и, таким образом, наш «экзистенциалист» поставил его еще до раскатки в «пограничную ситуацию», между жизнью и смертью, которая, как он знает, является основным понятием данной загадочной философии. Или одним из.

Реклама нашего переборщика доведена почти до гротеска. Ощущение такое, что на Кижі несется огромный снежный ком, что по весне воды Онежского озера временно перебросят на юг и, отыскав на дне топор Нестера, в митинговой обстановке вручат его перспективному плотнику-архитектору. Собрав сюда всю Карелию, которая ждет не дожидается, когда, наконец, можно будет погулять по тому месту, где стоял храм.

Кто на острове прошлым летом был, видел, что храм стал пегим. Новый лемех на главки ставили только сверху. Бог посмотрит сверху — все бело. Сатана, искоса взглянув из преисподней, сильно возразит, что там все серо, даже черно. Шекспировский взгляд на проблему Кижей: или — или. Кто из них прав?

Это вопрос.

Это такой большой вопрос, что от ответа на него, не сомневаюсь, зависит состояние всего нашего деревянного зодчества. Одни уверяют, что храм вот-вот рухнет сам по себе. Другие выдвигают тезис, прямо противоположный: он всех нас перестоят, если только провести инженерные работы и химическую консервацию, конечно. Одни — это начальство. В актах звучат такие слова, что мурашки бегают: «состояние предельного равновесия», «перенапряженные конструкции»... (министр культуры РСФСР Ю. С. Мелентьев: «Мы потеряли его. Практически он умер, прожив 272 года» — это в апреле 1986 года). Причем слухи о гражданской смерти памятника усиливались накануне очередной попытки заменить его макетом или копией. Теперь вот — накануне возможной раскатки.

ИНТЕРЕСНО СТАЛИ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ О КИЖАХ ПИСАТЬ. РЯДОМ С ЭТИМ НАЗВАНИЕМ ПОСТОЯННО ПОЯВЛЯЕТСЯ ФАМИЛИЯ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРОМУ, ПОХОЖЕ, СОБРАЛИСЬ ОТДАВАТЬ КИЖИ В ПЕРЕБОРКУ: АЛЕКСАНДР ПОПОВ, АРХИТЕКТОР. Я ПОПРОБОВАЛ СОПОСТАВИТЬ, КАК ПИШУТ О ЦЕРКВИ (У КОТОРОЙ, ЕСЛИ ВЫ ПОМНИТЕ, 22 ГЛАВЫ) И КАК — О ПОПОВЕ. ПОЛУЧИЛОСЬ ТАК: «ЧТО МЫ ИМЕЕМ СЕЙЧАС? ХРАМ-ИНВАЛИД, «БОЛТАЮЩИЙСЯ» НА КАРКАСЕ, КАК НА КОСТЫЛЯХ»; «ДУРАЦКИЙ СРУБ, НЕЛЕПОСТЬ МЕТАЛЛОКАРКАСА ВНУТРИ КИЖЕЙ»; «ДА, ПАМЯТНИК ПРИДЕТСЯ, КАК ГОВОРИТСЯ, РАСКАТАТЬ ПО БРЕВНЫШКУ». А ТЕПЕРЬ ТАК: «ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ РУКАМИ МОЖЕТ ТВОРИТЬ ЧУДЕСА, А УМОМ БЫТЬ ВРОВЕНЬ С АКАДЕМИКАМИ»; «ВООБЩЕ ГОВОРЯ, ПЕРЕБОРКА В ЕГО УСТАХ — КАК ПЕРЕСТРОЙКА»; «И РАСПОЛОЖЕНИЕ К СЕБЕ, КОТОРОЕ ОН ВЫЗЫВАЕТ, И ОБАЯНИЕ У ПОПОВА ТАК ВЕЛИКИ, ЧТО ОПЯТЬ-ТАКИ — САША... А К СЕМУ — И ФИЛОСОФИЯ, КОТОРУЮ ОН ЗНАЕТ ОТ КАНТИАНЦЕВ И ДО ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТОВ. СТРОГО ГОВОРЯ, ПЕРЕДО МНОЙ — ЧЕЛОВЕК ВОЗРОЖДЕНИЯ...».

СЛЕДУЮЩИМ СИМПОЗИУМОМ

Но вот музей «Киж» проявил собственную инициативу и пригласил на остров две независимые группы исследователей, которые, применив эффективные способы и методы, за два сезона установили, что в большинстве своем древесина сруба ни в замене, ни в переборке попросту не нуждается. Они даже перепроверили себя стандартными методами. И еще раз убедились в своей правоте. Хотя вообще-то и раньше все догадывались, что специальным образом просмоленные бревна за истекшие столетия попросту окостенели, что плотность древесины, ее влажность давно стабилизировались и стали оптимальными — ведь даже буров порой не мог взять эти бревна при ремонтных работах. Они ведь только сверху «слегка тухлявые», а в ядровой своей части и представляют собой, собственно, великий храм, который поседел за почти три столетия и окреп, приспособившись не только к климату, но и к самому времени.

И что же, обрадовались солидным научным отчетам, бросились поздравлять директора музея М. В. Лопаткина? Нет, ему всыпали выговор за неуместную инициативу. В апреле прошлого года сюда приехал министр культуры РСФСР Ю. С. Мелентьев во главе большой группы деятелей отечественной реставрации и снял вопрос о «практической кончине» храма. («Конструкция церкви еще хороша. Но там нет датчиков, чтобы следить за ее состоянием каждый день», на что главный архитектор института «Спецпроектреставрация» Н. Д. Недович немедленно отреагировал: «В течение апреля обязательно поставим!» Но год при этом не назвал.)

Что ни говорите, слова «предельное равновесие» — это слова и есть. Они вызывают в памяти помянутую однажды Кантом ворону, которая села на дом, построенный строго по всем законам равновесия, то есть без всякого запаса, — так что дом сей под тяжестью ее потерял свое равновесие и рухнул.

Но я о Канте не потому вспомнил, что с его помощью выше был похвален архитектор А. Попов, а потому, что образ вороны вызвал у меня совсем иную ассоциацию — о том, как перестраиваются некоторые формальные коллективы, имеющие неформальные групповые интересы. Если стаю ворон вспугнуть, то потом они перепутают свои насиженные местечки и обязательно при этом перестроятся. Казалось бы, если уж с трудом верится в новые данные по церкви, спорьте, исследуйте сами, исследуйте вместе с нами, исследуйте лучше нас! Проверяйте! Поставьте тензометры, микропроцессоры, рент-

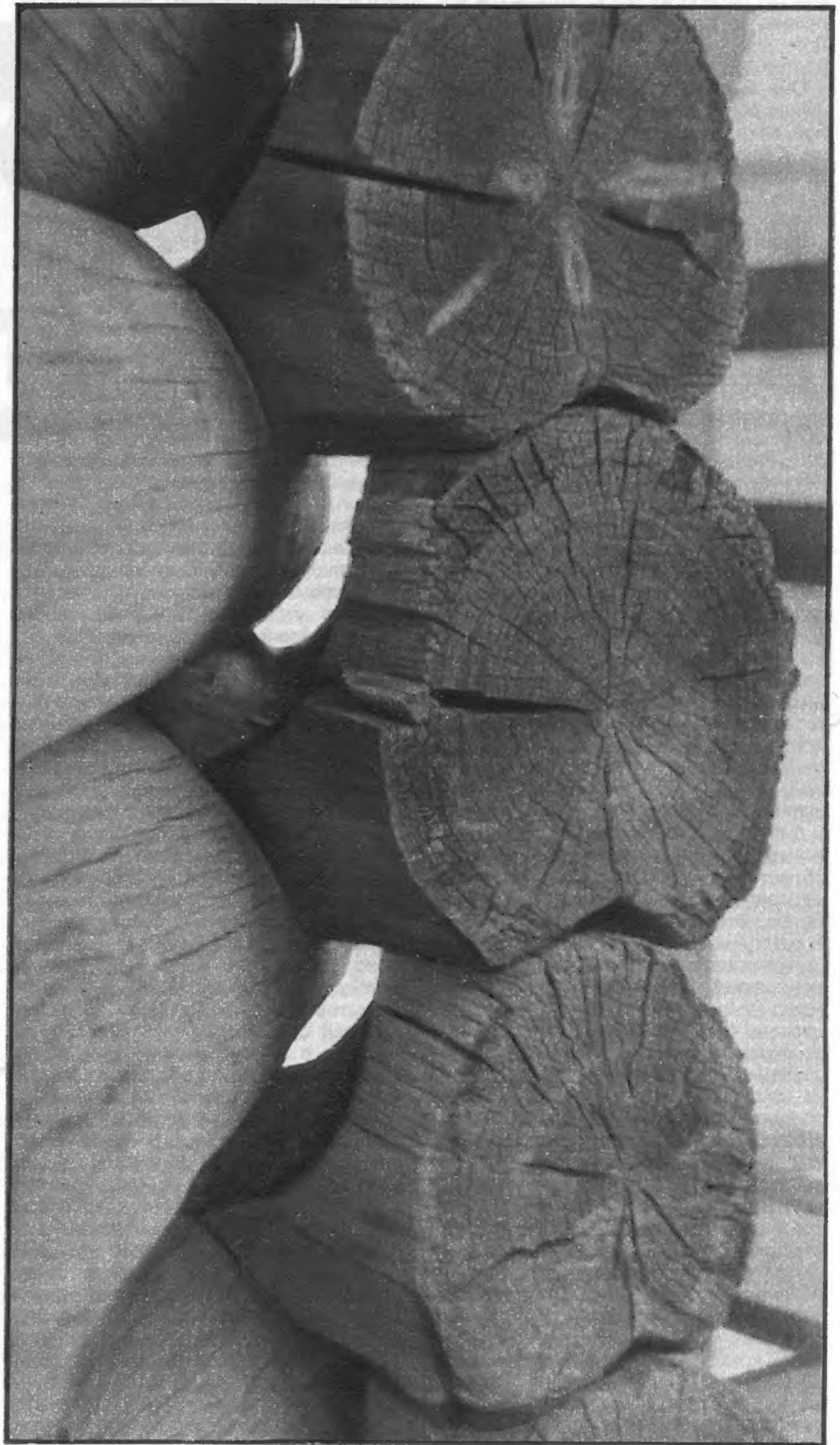
ген, выведите все это на дисплей, на терминал, например, в кабинете у министра, и при малейшем ухудшении самочувствия храма там вспыхнет красный свет с комментарием. Можно в конце концов, применив категорический императив, оснастить новинками отечественной электроники все деревянные памятники и получить при этом такой дивный интеграл, что достаточно будет сказать в микрофон: «Товарищ Лопаткин! Поправьте сотую снизу лемешину, пожалуйста, на десятой главке, а то завтра же все газеты это безобразие отметят у вас!» — вот и вся реставрация.

Но сейчас терминала на этот счет пока нет, и решения порой приходится принимать вслепую.

Состоялось расширенное заседание коллегии Министерства культуры РСФСР, на котором и было принято решение о полной переборке в Кижях и о роли архитектора А. Попова в ней. Это было очень представительное собрание. Это было настолько представительное собрание, что там были даже академики. И почти все поддержали это решение о раскатке. Выступил, правда, бывший главный инженер проекта по Кижам Н. И. Смирнов, критикованный нами ранее за попытки сделать макет на месте подлинника церкви; но на этот раз он стал уверять собравшихся, что о переборке потому и не думали раньше, что она для Кижей невозможна. Уж лучше макет или копия, чем раскатка. Профессор В. П. Орфинский (Петрозаводск), как обычно, призывал всех к благоразумию, вспоминал о научной методологии, о Венецианской хартии, цитировал академика Д. С. Лихачева — но все всуе. Дело тут в том, что был взят очень уж большой разгон, и здесь мне придется рассказать о предшествующих коллегии событиях.

Где бы решаться вопросу, перебирать ли церковь в Кижях? И сразу или подождать, пока ученые мужи подпишут ей смертный приговор на раскатку? Если вопросы вот так прямо поставить, то и ответ будет прямой: нигде и подождать. И так ясно, если даже портной семь раз отмерит, а потом берется за инструмент, то неужели найдется хотя бы один архитектор, который без проверки, без знания о том, что такое Кижы вообще, в состоянии сказать хотя бы шепотом: переборка?! Такой архитектор нашелся. Это первый секретарь правления Союза архитекторов СССР Ю. П. Платонов.

Коль скоро первый в стране архитектор говорит, что храм в Кижях рухнет, если его не переберет А. Попов, — ему верят.

Так выглядит сруб церкви в В. Уфтуге после того, как ее перебрал А. Попов. Неужели это ожидает и Преображенскую церковь в Кижях? Фото С. КУЛИКОВА (март 1988 г.)

Общий план Фото Н. КОРПУСЕНКО (Петрозаводск)

Набрав такую начальную энергию, решение о переборке прошло по всем инстанциям, даже не оглядываясь на тех, кто его последовательно принимал.

Когда этот бульдозер дошел до Карелии, в Петрозаводске собрались его обсуждать представители творческих союзов, научная интеллигенция, общественность. Цвет общества, одним словом. Собрание длилось почти пять часов. За переборку высказались три человека из президиума и один из зала. Все остальные были категорически против.

Они были против не потому, что решение было принято без участия карелов, хотя о гласности они тоже слышали. А больше потому, что не было двух основополагающих документов: один — о том, что церковь в Кижях действительно находится в аварийном состоянии, что инструментальные исследования показали именно эту угрозу, а другой документ о том, что А. Попова не зря хвалят в прессе и на коллегии.

Удивительно, но отсутствие такого рода фундаментальных оснований было столь блистательным, что никто этого и не заметил. Никто из тех, кто принимал решение, уточню я, потому что именно они, решавшие, быть или не быть Кижам, были уверены, что отныне нет такой силы в мире, которая бы заставила их принять иное решение.

Тут недавно в прессе объявили, что один плотник в Новгороде тоже свой топор выбросил, как когда-то Нестер в Кижях. Что-то часто топорами бросаться стали. Вот я разложил перед собой на столе несколько десятков фотографий, на которых изображен храм во всех его подробностях. Он производит жуткое впечатление: плесень, грибки на стенах, дыры в пазах такие, что нога пролезет, на бревнах близ фундамента трещины до ядра, коронки повсюду, вставки... Знаете, что это за церковь?

Это церковь Дмитрия Солунского в селе Верхняя Уфтюга Архангельской области, которую еще даже не закончил перебирать архитектор Александр Попов. Это итог его многолетней переборки церкви. Семь лет тому назад он приехал сюда и поначалу решил поддомкратить сруб, чтобы выпрямить крен. Но сделал это так неумело, что церковь стала, был момент, крениться со скрежетом долу. Пришлось принять решение о полной раскатке и переборке сруба. И в марте нынешнего года, более чем через месяц после решения коллегии Министерства культуры России, сюда, наконец, приехала комиссия во главе с искусствоведом А. И. Кочем. Каков же итог ее работы?

Итог ее работы в основном в том, чтобы поддомкратить уже сложившийся в прессе авторитет архитектора А. Попова. В заключении записано, что «общий итог» его работы «безусловно положительный». Но когда карельская часть комиссии вернулась домой и вся общественность вновь собралась послушать, как дела в Уфтюге, когда ей были предъявлены помянутые выше фотографии, цвет оскорбленного общества стал клюквенным. Было выдвинуто предложение о невозможности поручать А. Попову судьбу Преображенской церкви. Его работа, в сущности, не была бы принята любым мастером, закрывающим наряды в конце месяца. Комиссия же поставила в заслугу ему в основном то, что он «сохранил художественный облик церкви» и сделал гидроизоляцию сруба. Очень кислые комплименты. Я бы на месте А. Попова обязательно выбросил свой топор куда подальше.

Конечно, понимаю, что во многом результаты переборки зависели от почти непостижимой ее сложности, когда, разъяв бревна, лежавшие века в объятиях своих соседей, пытаются их совместить снова, да еще с новой древесиной... но зачем же и браться было, коли так? Перебирали и до А. Попова не раз

и не два, когда, например, свозили церкви и другие памятники в музей под открытым небом, но такого шума еще не поднимали. А ведь первоклассные плотники работали!

И вот я делаю *experimentum crucis* у себя на столе. Сопоставляю фотографии уже и только что перебранной церкви в селе Верхняя Уфтюга и еще не перебранной Преображенской церкви в Кижях. И думаю о том, что если такое будущее ожидает нашу великую Кижанку, то не лучше ли пустить время вспять? И какая, собственно, церковь нуждается в немедленной переборке?

Кижская проблема существует. Она не только в том, что состояние памятника внушает опасения (это как раз правильное умозаключение). Кижская проблема заключается в состоянии всей нашей системы реставрации. И вот здесь я с полной уверенностью заявляю, что эта система нуждается в срочной переборке. Кижки высветили это с такой ясностью, что писать о них означает составлять некий общественный документ о необходимости чуть ли не полной раскатки всей системы охраны, реставрации и использования памятников истории и архитектуры. Причем начиная сверху. Система эта построена не на ремонт и уход за памятниками, а в основном на капитальный ремонт, плавно переходящий в капитальное строительство, за которое больше платят. Она планирует не сдачу памятника с первого предъявления, а выполнение финансового плана. И отчитывается не отреставрированными храмами, а освоенными средствами. В ней все ухудшается само по себе, а улучшаться может только с разрешения начальства, как мы это видели в случае с инициативой музея «Кижки» по исследованию памятника.

М. В. Лопаткин хочет создать самостоятельное объединение «Кижки» с правами социалистического предприятия, которое взяло бы на себя и научные исследования памятника, и заказной конкурс на лучшее инженерное укрепление, и туристское обслуживание, и торговлю — одним словом, все, что сегодня на острове представлено таким количеством организаций и ведомств, которое превышает число туристов в летний день. Так когда же наконец будет покончено с таким положением в нашей реставрации, когда деньги выдает одно ведомство, тратит другое, а отчитывается третье, когда судьбу памятника, к которому едет поклониться весь мир, решают люди, знающие о нем чуть ли не понаслышке (кстати, А. Попов был в Кижях четыре раза по несколько часов за один приезд), когда все это будет казаться дурным сном в нашем светлом будущем? И до каких, собственно, пор мы будем писать и писать (уже газетные страницы в дырках — по одному месту все время пером тешем) о беззубости статьи № 230 УК РСФСР, самого Закона об охране памятников истории и культуры? Ведь вовсе не беззубая эта статья! Она сожрала, схрумкала десятки, сотни памятников, она напоминает программу-убийцу, введенную в компьютер словно специально для уничтожения его памяти, ибо всякий раз, как бульдозер или принятое всеу решение врезаются в стены очередного памятника, она, эта статья кодекса, тут же хватается за руку правосудия и пригибает меч к земле. Напомню, что она может обрушить на голову очередного преступника кару, равную той, что причитается за «изготовление самогона без цели сбыта», да и то, если докажет умысел в уничтожении памятника. Он ведь ценится в этом законе не красотой, а количеством плотных кубометров древесины, из которых состоит. С учетом износа за последние триста лет, разумеется.

Не добралась ли наша бравая статья № 230 до Кижей? Сколько лет еще суждено нам бороться за то, чтобы ре-

ставраторы думали о сохранении памятника, а не о замене его на невесту что?

Но для того, чтобы мечта стала явью, стала нашим «четвертым сном», в котором соседствуют памятники всех веков разом, нужно сделать еще очень многое и, в частности, провести инженерное укрепление и химическую консервацию сруба. Относительно последней сегодня даже начинать разговор трудно: тут же интересуются, а где же эти химические консерванты? Не знаю. Один академик, присутствовавший на упомянутой неоднократно расширенной коллегии Министерства культуры РСФСР, с увлечением рассказывал, как его отец в деревне, было дело, перебирал избу, и все получалось прекрасно, так что, смотришь, и Кижки можно перебрать. Такое академическое сравнение двух объектов переборки непрактично (я бы так сказал), но не в том дело: академик был известным всей стране химиком. Это всеми любимый и уважаемый Игорь Васильевич Петрянов-Соколов.

Уж если он помочь Кижам может только реминисценциями о своем деревенском детстве, а не всей мощью современной химии, которая все еще не простерла свои руки до Кижей (напротив, Игорь Васильевич, это Кижки протирают к вам свои руки), то, вероятно, стоит обратиться к зарубежным химическим источникам? Японский ученый Масару Секино, специалист в области деревянного зодчества, пишет: «Сегодня уже не так необходимо производить замену благодаря успешной химической обработке». Если на Западе (простите, на Востоке) проблем с химией нет, то, может быть, следует попросить специалистов из ИКОМОС, комиссии ЮНЕСКО по деревянному зодчеству, спасти Кижки?

Или все-таки вспомнить, что и у нас в стране с 30-х годов открыт (переоткрыт через тысячи лет) метод энкаустики, при котором достаточно покрыть дерево ганолизом, чтобы спасти его от всех напастей? Мы помним прекрасные передачи по телевидению из цикла «Новаторы и консерваторы» Бориса Голдаева о Татьяне Васильевне Хвостенко, которая все у того же Министерства культуры РСФСР столько лет просит «помазать хоть кусочек» любого деревянного памятника под наблюдением экспертов, чтобы этот метод нашел наконец применение. Стоит, право, показать нашим химикам хотя бы пластинку ронго-ронго с острова Пасхи, которая не первое уже тысячелетие выглядит, как только что купленная в ГУМе, хотя ганолизом ее покрывали вовсе не академики, а полуголые дикари, которые даже не имели своего журнала «Химия и жизнь».

Но у любого ретрограда есть на книжной полке книга Т. В. Хвостенко под названием «Энкаустика», и там картинка с ронго-ронго есть, даже в цвете; все они знают и обо всем суждение свое имеют. Я, право же, не знаю, что и делать — разве что попросить у них это звание займы и присвоить музею под открытым небом, в котором стоит Преображенская красавица: ретроград. Град в стиле ретро.

Но от этого упражнения живых ретроградов у нас меньше не станет. Их станет меньше тогда, когда мы изменим закон и научимся ценить памятники за то, что они сохраняют нам память. Я давно уже решаю для себя томную душу загадку новейшей нашей истории: если с годами (с веками, с тысячелетиями) объем нашей общей исторической памяти становится все больше, то отчего же (подумайте и вы об этом, пожалуйста) памятников становится не больше, а все меньше? Отчего их не прибавляется? Отчего все больше и больше дыр в озоновом слое нашей отечественной культуры? Отчего, когда приводишь нашим чиновникам от культуры факты или документы, они тебя обвиняют в некомпетентности,

а если вздумает оценить эти факты, слышишь просто классический ответ бюрократа: «Это все эмоции»?

Заключение группы ученых из Московского архитектурного института и Калининского политехнического института после тщательного обследования, о котором было сказано выше:

«Памятник деревянного зодчества, Преображенская церковь на острове Кижки, не требует переборки и после проведения реставрационных работ по инженерному укреплению, защите древесины от биоразрушения и, главное, после восстановления разобранных реставраторами института «Спецпроектреставрация» конструкций церкви может эксплуатироваться в первоначальном виде еще весьма длительное время».

Никто и не подумал опровергать это заключение. Просто собрались и вынесли решение: пусть Попов приедет в Кижки и разберет церковь. И, если сумеет собрать снова (церковь в Верхней Уфтюге по своей конструкции по сравнению с Кижками просто спичечный коробок), пусть потом соберется симпозиум и объяснит, почему этого нельзя было делать. Обязательно соберется, быть может, даже до переборки.

Кижки — не «Англетер». Это гораздо серьезнее. Здесь за прошедшие десятилетия было совершено столько ошибок и так мало кто за них ответил, что скрыть переборкой все ошибки и заменить потом переборку перебранкой было бы слишком легким выходом для тех, кто забыл о давнем русском обычае чести — подавать в отставку, если не сумел достойно ответить на предъявленное обвинение.

Почему же, спрошу я в конце концов, никто на заседании коллегии российского Министерства культуры не затруднился вопросом, поедут ли в Кижки туристы хотя бы из ближайшего райцентра, когда там, среди давно свезенных со всей республики церквей и часовен, будет возвышаться новенький макет бывшей Преображенской церкви? Почему не звучал на коллегии Второй концерт С. Рахманинова, особенно самое его начало, будто специально написанное для Кижей и равноценное им по нежности и мощи, по русскому духу, словно сама жизнь подняла в свои могучие ладони древнюю церковь и пронесла между нами, почему, почему? Потому что она, эта музыка, звучит только для настоящего памятника, а не для макета.

Растущий интерес к отечественной истории возродит, не сомневаюсь, утраченное, казалось бы вовсе, ощущение принадлежности к ней. Этот процесс пойдет тем быстрее, чем прочнее в общественном сознании откristаллизуется: поступки живут дольше жизни, слова остаются, рукописи не горят. Огляд на суждение потомков постепенно трансформируется из дежурной риторической фигуры в один из реальных факторов, определяющих наше поведение. Уже сегодня скептический прищур истории ощутили те, кто еще так недавно бесчестился напропалую, уверяя нас и себя, что живем снова. Уже сегодня наперсники разврата со смущением чувствуют, что поэт прав: есть, есть высший суд. И тогда одни из них каются, другие погружаются в угрюмое молчание, третьи истово тешатся доказать, что высший суд — неправеден.

НЕ БРОСАЯ ТЕНИ НА ЖИВЫХ И НЕ ОТНИМАЯ ЧЕСТИ У МЕРТВЫХ

Что произошло? В 48-м номере «Огонька» за прошлый год были напечатаны воспоминания Анны Михайловны Лариной, дочери Ю. Ларина и вдовы Н. И. Бухарина. Прекрасные, бесхитростные мемуары, помогающие хоть в какой-то мере сократить стойкий меж людей дефицит правды, совести и стыда.

Проходит почти полгода (не скоро пули отливаются), в «Литературной газете» (№ 14, 6 апреля) появляется статья Ю. Максимова «Ретушь трагедии?». Все не нравится ему в огоньковской публикации, начиная с эпиграфа, взятого из доклада М. С. Горбачева на праздновании 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции: «Важную роль в идейном разгроме троцкизма сыграли Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, С. М. Киров...». По мнению Ю. Максимова, верное направление воспоминаниям А. М. Лариной было бы задано, кабы эпиграф начинался упоминанием о Сталине, возглавившем руководящее ядро партии.

«Почти все есть в этой обширной публикации», — иронизирует автор, — и пророчества немецкой хиромантки, наворочившей Бухарину гибель в его собственной стране, и занявший чуть ли не треть материала рассказ о его тесте, «пламенном революционере» Ларине, и умилительная история любви несовершеннолетней девочки к умудренному жизнью члену Политбюро...»

Его не интересует, как он пишет, «был или не был Бухарин «плаксивой бабой», сколько у него оказалось костюмов, как развивались его взаимоотношения с Анной Михайловной и даже «клавиатура его душевных струн» — то есть все то, что, собственно, и составляет предмет мемуаристики. При чем тут, в самом деле, душа человеческая, когда речь идет о политике?

Вспомним, сколько за прошедшие полвека написано статей и книг о мнимых и действительных ошибках Бухарина? Тысячи? Десятки тысяч?

Все равно мало, мнится Ю. Максиму.

А сколько за этот срок издано воспоминаний о Бухарине? Одно-единственное. В «Огоньке».

И одного — много, считает Ю. Максимов. И в доказательство цитирует своего корреспондента, сомневающегося, «не назван ли город Бухара в честь дорогого товарища Бухарина». Уверен, что максимовскому корреспонденту никогда не случалось усомниться в том, что сталь названа в честь дорогого товарища Сталина.

Думалось, глумливый этот тон давно стал тяжким преданием. Оказалось, то наша иллюзия, и не будем ею тешить себя.

С «особым» чувством Ю. Максимов перечисляет характеристики Ю. Ларина, содержащиеся в огоньковской публикации: «прошедший особый героический жизненный путь», «стоявший у руля государства», «у колыбели советской экономической политики». «Давайте, — предлагает он, — обратимся к тому, что говорит об «особом героическом жизненном пути» сухая энциклопедическая объективка: «В 1904 году бежал из ссылки и эмигрировал в Женеву, где примкнул к меньшевикам... В годы реакции и нового революционного подъема — ликвидатор, участник антипартийного августовского блока... После Февральской революции возглавил группу меньшевиков-интернационалистов, издававших журнал «Интернационал»... В августе 1917 года вступил в большевистскую партию».

Хочу попросить прощения у моего оппонента на тот случай, вернее, случаи, когда в ходе изложения мне придется время от времени прибегать к непарламентским жестам и, что называется, ловить его за руку. Что подлаешь, с непарламентариями жить...

Дело в том, что «объективка» благодаря невинным, казалось бы, отточиям приобретает вид — как бы это помягче сказать — законченной «необъективки». В действительности дооктябрьский путь Ю. Ларина в энциклопедических изданиях выглядит по-иному. «В революционном движении с 1901 года. В 1901 году руководил одесской студенческой организацией. В 1901—1902 годах организовал Крымский союз РСДРП. Неоднократно подвергался арестам. В 1902 году сослан на 8 лет в Якутию. В 1904 году бежал из ссылки и эмигрировал в Женеву, где примкнул к меньшевикам. В 1905 году приехал в Петербург, участвовал в основании первых русских профсоюзов. В 1906—1907 годах руководил Киевской областной социал-демократической организацией. В годы реакции и нового революционного подъема — ликвидатор, участник антипартийного августовского блока. В 1907—1913 годах вел нелегальную партийную работу в Крыму и на Кавказе. В 1913 году

арестован в Тифлисе, после почти годичного заключения был выслан за границу. В годы первой мировой войны стоял на позициях интернационализма. После Февральской революции возглавил группу меньшевиков-интернационалистов, издававших журнал «Интернационал». В августе 1917 года вступил в большевистскую партию».

Красноречивые отточия делает Ю. Максимов, не правда ли?

Характерно, что он не находит нужным привести справку о послеоктябрьской деятельности Ю. Ларина. А стоило бы. «После революции — член Президиума ВСНХ, Президиума Госплана. Член и кандидат в члены ВЦИК и ЦИК ряда созывов. Делегат VII, VIII, IX, XIII, XIV съездов партии. Автор книг, брошюр, статей по истории партии, Советского государства, по вопросам социалистической экономики и др. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены».

Какой такой «героический жизненный путь», откуда взялся «пламенный революционер»? — вопрошает Ю. Максимов, «забывая» сообщить о ссылке, тюрьме, арестах, побегах, годах нелегальной работы. С чего это вам взбрело в голову, что Ю. Ларин был в числе тех, кто «стоял у руля государства», «у колыбели советской экономической политики»? — удивляется он, «забыв» упомянуть, что речь идет об одном из организаторов и руководителей ВСНХ и Госплана, члене ВЦИК и ЦИК, делегате многих партийных съездов, погребенном у Кремлевской стены. Подобная «забывчивость» заставляет вспомнить Ларошфуко: «Все жалуются на свою память, но никто не жалуется на свой разум».

Почему Ю. Максимов ограничивает «объективку» дооктябрьским периодом? Да потому, что в послеоктябрьском отсутствует то, что ищется. Любые отточия бесполезны и любая купюра бессмысленна, ибо остающееся все равно не будет работать на тот «образ» Ю. Ларина, который лепит автор. Поэтому он пытается подкрепить свою исходную посылку ленинскими оценками.

Вот как это делается. Цитируется, к примеру, письмо Ленина к А. А. Иоффе: «Ларин — мечущийся интеллигент, ляпала первосортный. Поэтому будьте архиначеку со всеми этими премиями и препрекрасными делегатами». При этом Ю. Максимова ничуть не смущает ничтожное грамматическое несоответствие: как бы Ларин ни «метался», русский синтаксис вряд ли позволил бы Ленину назвать его «делегатами». На самом же деле Ленин пишет: «Бухарин лоялен, но зарвался в «левоглумизм»

до чертиков. Сокольников свихнулся опять. Ларин...» — и только далее по Ю. Максиму.

По какому поводу Ленин информирует Иоффе о «зарвавшемся до чертиков» Бухарине, «свихнувшемся» Сокольникове, «ляпале первосортном» Ларине? Может быть, речь идет о консультации у психиатра? Ничуть не было. Члены ЦК Н. И. Бухарин, Г. Я. Сокольников, член ВСНХ Ю. Ларин направляются в составе советской делегации для ведения переговоров о заключении экономического соглашения с Германией. Об этом и пишет Ленин советскому представителю в Берлин, отмечая для пользы дела их недостатки: один грешит «левизной», другой слишком эмоционален, третий недостаточно собран и деловит.

Вряд ли Ю. Максимов подвергает цитату «усечению», блудя репутацию Бухарина и Сокольников. Скорее всего он не умеет понять противоречие между ответственностью их миссии и теми «ядовитыми» характеристиками, которыми наделяет их Ленин.

Между тем очевидно, что многие колкие и порой бранные его слова нельзя воспринимать буквально. Стиль ленинской переписки с политическими единомышленниками представляет собой, помимо прочего, смесь словечек, почерпнутых из студенческого жаргона, «буршикозных» идиом, юмористических преувеличений. Этот стиль сложился в течение долгих лет нищего эмигрантского братства. Он грубоват, это верно, но этот недостаток, как замечал Владимир Ильич, вполне терпим «в среде и в общении между нами, коммунистами».

Надо учесть также, что Ленин был начисто лишен «вождизма», коему присущ уныло-непогрешимый канцеляризм формулировок. Он мог вспыхнуть в гневе и «разрядиться» в архинергичных выражениях, тем более что существовал в пространстве невероятных напряжений и спешки.

Наконец, следует сопоставлять ленинские слова и дела. Тогда и только тогда будет ясно, как относиться, допустим, к «ляпале первосортному», которому поручается важное государственное дело.

Из писем Ленина Г. М. Кржижановскому, как изюм из сдобы, извлекается: «нахал», «враг», «врет», «архиловок». По поводу этого сюжета А. Лацис («Известия», № 103, 11 апреля) замечает: «...Не объяснено, что в данном случае говорилось не о классовом вра-

* Только что газета сама осудила эту свою публикацию. Тем не менее разговор о методологии подобных выступлений представляется нам поучительным.

(1881—1964)

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ ЛАРИОНОВ

СОБРАНИЕ
РУССКОЙ
ЖИВОПИСИ

XX
ВЕК

(1881—1962)

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ГОНЧАРОВА

«В»се мы прошли через школу Ларионова» — эту фразу не без оснований приписывает Владимиру Маяковскому один из лучших знатоков русского живописного и поэтического авангарда Н. И. Харджиев. Неожиданно услышать такие слова из уст поэта. Между тем под этим признанием Маяковского могли бы подписаться и многие другие литераторы, а тем более живописцы начала XX столетия. Ларионов оказался в самом центре сложного клубка, которому суждено было представлять многоликий русский авангард. Живопись в том союзе, который образовался между художниками и поэтами, отведено было важное место. «Мы хотим, чтобы слово пошло за живописью», — торжественно провозглашал Велимир Хлебников.

К тому времени, когда живописцы и поэты объединились под общим лозунгом кубо-футуризма, Ларионов пришел уже опытным, хотя и молодым мастером, не просто художником, но бойцом, лидером, организатором. Он успел проучиться несколько лет в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, где сразу прослыл возмутителем общего спокойствия, досаждавшим своим учителям (в их числе были В. А. Серов и К. А. Коровин); встретить Наталью Гончарову, занимавшуюся там же (но на скульптурном отделении), чтобы в дальнейшем на многие годы связать с ней свою судьбу; принять участие в нескольких выставках; вкусить от запретного плода нового живописного искусства, которое стремительно распространялось из Франции по разным городам Европы и Америки.

Еще будучи в училище, Ларионов довольно долго — в течение доброй половины первого десятилетия XX века — увлекался импрессионизмом. Художник сосредоточивал свое внимание на одних и тех же мотивах: уголки сада, деревья, кусты запечатлены им в разных световых ситуациях, в различное время дня. Добиваясь сложной гармонии цвета, Ларионов вырабатывал бережное отношение к поверхности холста. Этот живописный артистизм он сохранил на протяжении всего своего творчества, в том числе и в произведе-

ниях примитивистского периода, которые только на первый взгляд кажутся грубыми и незрелыми.

Гончарова в те же 1900-е годы работала преимущественно в технике пастели; она в меньшей мере увлекалась импрессионизмом. Мотивы, которые она тогда выбирала, были достаточно традиционны — пейзажи с деревьями и домами, интерьеры с фигурами, тихая жизнь природы и людей, еще далекая от той напряженной экспрессии, которая вскоре — уже в конце первого десятилетия XX века — безраздельно захватит художницу.

Раннее творчество Ларионова и Гончаровой отмечено всеми признаками высокого художественного качества. Но все же не эти работы определили своеобразие каждого из них. Подлинные лица их сложились на рубеже 1900—1910-х годов. Тогда же развернулась и кипучая организаторская деятельность Ларионова. Он стал одним из инициаторов выставки «Бубновый валет», открывшейся в конце 1910 года. Вслед за ней его усилиями была организована выставка «Ослиный хвост» (1912). Через год — «Мишень». И, наконец, в 1914 году, еще одна — «4». Ларионов назвал ее так потому, что она была четвертой по счету: он вел отсчет от «Бубнового вала».

Вместе с Гончаровой Ларионов утверждал живописный неопримитивизм, путь к которому был начат еще в 1906—1907 годах. Зародившись как некая параллель французскому фовизму и немецкому экспрессионизму, он вылился в мощное течение, демонстрирующее глубинные отечественные истоки, крепкие местные корни. В начале 1910-х годов неопримитивизм (художники сами дали такое название направлению) достиг расцвета, некоторое время сохранял роль авангардного течения, катализатора иных направлений, а затем эту роль утратил, уступил место другим, хотя еще какое-то время давал, пусть запоздалые, плоды своих открытий.

Ларионов, Гончарова и другие близкие им художники опирались на замечательный опыт крестьянского и городского изобразительного фольклора. Они ценили художественный примитив, подражая ему, шли не к стилизации,

а к воплощению тех эстетических принципов, которыми руководствовались народные мастера. В наивном взгляде на мир, в смелости, например, простого ремесленника, рисующего яркую уличную вывеску; или ребенка, не скованного никакими условностями, видели они наивысшее проявление творческой свободы. Не случайно на ларионовских выставках можно было увидеть не только картины профессионалов, но и привезенные из Тифлиса «клеенки» замечательного Пироманашвили, работы маляров одной из московских артелей, образцы детского рисунка.

В своих программных выступлениях — в декларациях «Ослиного хвоста» и «Мишени», в заявлениях Ларионова и Гончаровой, публиковавшихся в печати, в различных других документах ларионовцы провозглашали отказ от западных традиций. «Искусство моей страны, — заявляла Гончарова, — несравненно глубже и значительнее, чем все, что я знаю на Западе (...) Я заново открываю путь на Восток, и по этому пути, уверена я, за мной пойдут многие». «Теперь я отряхну прах от ног своих и удаляюсь от Запада, считая его нивелирующее значение весьма мелким и незначительным, мой путь — к первоисточнику всех искусств — к Востоку».

Само понятие «Восток» представлялось ларионовцам чрезвычайно широким. По их мнению, Россия целиком принадлежала Востоку. Свое — восточное — они противопоставляли чужому — западному. Приверженность к родному наследию отличала русских неопримитивистов от немецких экспрессионистов и французских художников различных направлений, деливших свои интересы между национальным примитивом, первобытным искусством, культурой далеких стран.

Еще одной особенностью творчества Ларионова и Гончаровой явилось продолжение традиций русского реализма XIX века с его развернутым сюжетом, фабулой, рассказом о тех или иных событиях жизни. Они вновь шли к бытовому жанру, хотя и переосмысленному сравнительно с жанром передвижников, но тем не менее основанному на повествовании; они не только не «стеснялись» живописного рассказа, но

и в открытую заявляли о необходимости соединять сюжетность с новой живописной пластикой. Это было как бы «невольное передвижничество».

Подлинный Ларионов начинался с провинциальных сцен, которые давно и хорошо были знакомы художнику, родившемуся и проведшему детство в Тирасполе, на юге России. Его картины искрятся юмором. Соединяя любовное с гротеском, Ларионов демонстрирует все приметы провинциального быта, разворачивает перед зрителем уличную жизнь; останавливает внимание на фронтах, ожидающих в условленном месте своих партнеров; кельнерах, продавщицах прохладительных напитков. Затем открывается серия «Парикмахерских» — одно из самых оригинальных порождений его творческого воображения. Фантазия соединяется здесь с глубокой проницательностью, умением зорко подметить самые характерные особенности поведения человека, его привычки, раскрыть его натуру.

К числу шедевров Ларионова относится знаменитый «Офицерский парикмахер» (1909). В картине, написанной в подражание провинциальной вывеске, каждый из персонажей ведет себя в соответствии с занимаемым положением. Клиент, придерживая рукой эфес сабли, выпятил грудь и устоялся в зеркало, видимо, с удовольствием созерцая свою бравую внешность. Парикмахер, демонстрируя огромные ножницы, гребенку, полотенце, наклоном к посетителю начинает стрижку. В этой наглядности проявляется стремление Ларионова воспринять от народного творчества важнейшее качество — художественное заострение. Другая черта, пришедшая из народного искусства, — игра мастера со своим героем, любованье им.

Следующая серия Ларионова — солдатская — возникла под влиянием собственных впечатлений: некоторое время он отбывал службу в армии. Истинно ларионовское любовно-ироническое отношение к своим героям, пожалуй, наиболее последовательно воплотилось именно в солдатской серии, в таких картинах, как «Солдаты», «Отдыхающий солдат»... «Солдат на коне» настолько игрушечен, что будто не в си-

М. Ф. ЛАРИОНОВ. ОФИЦЕРСКИЙ ПАРИКМАХЕР. 1909.

лах сдвинуться с места. Не случайно под передними ногами коня, вздыбленными кверху, художник расположил большой пень так, что путь прегражден, копытам некуда опуститься. Тем более смешной и забавно-нелепой выглядит вся сцена. И вместе с тем в ларионовских «героях» сосредоточено множество жизненных впечатлений. Напряжение в глазах солдата, в его руках, фигуре, почти человеческое выражение кротости на морде лошади, сам мотив несостоявшегося движения вперед, заимствованный от деревянной резной игрушки,— все это «чревато» и ассоциациями и выразительными сопоставлениями. В «Отдыхающем солдате» удивительно точно определена «манера жить» уже почти отслужившего срок дородного парня, словно перифразирующего своим поведением одну из известных пословиц: солдат спит — служба идет.

Ларионов все более приближается к простонародному началу. За «Солдатами» следуют «Венеры» («солдатская», «кацапская», «молдавская», «еврейская») — обнаженные женщины, возлежащие на подушках, предмет вожденной мечты и разыгравшейся

фантазии. За ними — наивные аллегории «Времен года». «Солдатский стиль» сменяется «заборным», появляются разные надписи. Будто сама улица начинает говорить в картинах и рисунках художника. А он сам в это время ведет себя особенно вызывающе — не только публикует широкощитовые манифесты, но и устраивает забавные, подчас нелепые представления, проявляя добродушное «веселое хулиганство». Тогда же он открывает свой вариант беспредметного искусства — лучизм. В 1913 году выходит в свет его брошюра под этим названием. Освобождая живопись от обязательного предметно-сюжетного начала, художник вместе с тем сохраняет за ней право на изображение какого-то жизненного явления. По его теории, лучистская живопись строится на воссоздании пространственных форм, возникающих в результате «пересечения отраженных лучей различных предметов». В самой практике Ларионова возникают два варианта лучизма — «реалистический» и беспредметный. Они

Продолжение на вкл. 3

СОЛДАТ НА
КОНЕ.
1910.

ИЗ СЕРИИ
«ВРЕМЕНА
ГОДА».
ЛЕТО. 1912.

ЧЕХОСЛОВАЦКИИ ВАРИАНТ

Леонид
ПЛЕШАКОВ

ЗЕМЛЯ В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ

Замечено: на человека, оказавшегося за границей, наибольшее впечатление производят две категории вещей — все, что сильно отличается от виденного на родине, а также то, что, наоборот, очень похоже на «свое». Первое изумляет непривычностью, второе умиляет близостью. Остальное, что лежит между этими диаметрально противоположными точками, остается в памяти как нечто полутотальное, этакий невыразительный общий фон: ну просто совсем неинтересно, даже рассказать не о чем.

Мясные магазины Праги запоминаются своим изобилием. Свои личные ощущения я сравнивал с впечатлениями наших соотечественников, с которыми встречался и беседовал здесь. Наши мнения совпадали. Представьте себе небольшой (по нашим меркам, разумеется) магазинчик, где под стеклом на прилавке с холодным поддоном или на крючках вдоль стены за спиной продавца развешено видов двадцать парного мяса: свинины, говядины, телятины, баранины. Умышленно говорю «видов», так как «сорт» в нашем понимании этого слова может внести путаницу: все, что предлагается покупателю, имеет отличное качество (по-нашему, «в/с» — высший сорт) и различается между собой лишь ценой. Собственно, поначалу только по ценникам и улавливаешь различие между висящими и лежащими кусками мяса. С непривычки все они «на одно лицо».

Кроме мяса, покупателю предлагалось несколько видов птицы: куры, гуси, цыплята, индейки, утки. Различные субпродукты. А еще прилавки ломятся от двух-трех десятков видов колбасы, сосисок, сарделек, ветчины, окороков, всяких там копченостей. На витринах — пирамиды разнообразнейших мясных консервов.

И никакой очереди!

Впечатляет.

Ну ладно, думаю, Прага — столица, а эта честь, всем известно, заставляет быть на высоте. Поглядим, как обстоят дела в чешской глубинке. Поглядим. С пристрастием. Должен признать, что и в любом районном центре ассортимент мясного магазина практически не хуже, чем в столице. Разве что в селах он чуть скромнее, но тут, как говорится, спрос диктует предложение. Что касается качества продуктов, оно всюду было отменным.

Может быть, кому-то покажется уязвимым такое вступление к серьезному разговору об агропромышленном комплексе Чехословакии. Но что поделать, если для каждого иностранца витрины магазинов чужой страны — самый доступный способ получения первичной информации о ней, своеобразное эсперанто, позволяющее легко «вести разговор» на такую простую (и для каждого из нас, людей, злободневную) тему, как: что тут носят, что едят, каков выбор товаров и продуктов, почему они. Если знать соотношение денежной единицы этой страны с своей собственной, то легко сравнить «их» цены с отечественными. А если к тому же известны и средние заработки в обоих государствах, то тут уже есть определенная возможность в какой-то мере соотносить и жизненный уровень их населения. Конечно, рассчитывать на абсолютную точность в данном случае не следует. Понятие «жизненный уровень» включает гораздо больше различных компонентов, чем могут вместить даже самые просторные магазинные витрины, но все-таки и от последних какое-то общее ощущение ситуации остается.

Например, цены. Стоимость килограмма мяса в чехословацких магазинах в зависимости от вида колеблется от 18—20 крон (свиной бочек) до 113 крон (за говяжью вырезку — «свичкове»). (Для облегчения подсчетов: один рубль равняется десяти кронам.) И между этими крайними точками длинный преискурант, где плавный переход от одной цены к другой как бы подчеркивает уровень потребительских свойств того или иного вида продукта. Эта филигран-

**ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ
ПРОБЛЕМА —
ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ,
СТОЯЩИХ ПЕРЕД НАШИМ
НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ.
В ЕЕ РЕШЕНИИ
МОЖЕТ БЫТЬ
С УСПЕХОМ
ИСПОЛЬЗОВАН ОПЫТ,
НАКОПЛЕННЫЙ
АГРОКОМПЛЕКСАМИ
БРАТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
СТРАН. СЕГОДНЯ «ОГОНЕК»
РАССКАЗЫВАЕТ
О ДОСТИЖЕНИЯХ
ЧЕХОСЛОВАЦКОГО СЕЛА.**

ная градация заслуживает подробного разговора, ибо она не так проста, как кажется на первый взгляд. Но к ней вернемся позже. А пока отметим явное и понятное: цены на мясо тут значительно выше наших государственных розничных и в принципе раз сравнимы с ценами московского Центрального рынка, за которые мы искренне клянем «частный сектор», уличая его в необоримом стремлении нажиться за счет наших трудовых копеек.

Цены вроде бы «кусаются». Тем не менее среднегодовое потребление мяса на одного жителя ЧССР в 1986 году составляло 87 килограммов. У нас же, при всей дешевизне продукта, — только 62,4 килограмма, хотя именно из-за низкой цены можно было бы ждать иного соотношения. Данный пример лишний раз показывает, насколько рискованным может оказаться упрощенный подход ко всякого рода сравнениям и параллелям. Не будем поэтому торопиться и внесем в эту картину некоторые уточнения. Средний заработок в промышленности Чехословакии в 1987 году равнялся 3210 кронам, в госхозах — 3090 кронам, в единых сельскохозяйственных кооперативах — 3235 кронам.

Далее. На каждого жителя ЧССР в 1986 году пришлось 249,5 килограмма молока и молочных продуктов, 110 килограммов хлебных изделий, 36,5 — сахара, 75 — овощей, 61 — фруктов, яиц — 341 штука. Все перечисленные продукты имеют сравнимые с нашими цены, так что с определенной точностью можно прикинуть, какую долю из своего бюджета потребитель тратит на питание и что оставил на другие свои нужды.

Конечно, можно было бы порассуждать вокруг выше приведенных цифр. Отметить, например, что в рационе наших соседей все еще маловато овощей и фруктов (у нас их тоже, кстати, не хватает), глубококомысленно пофилософствовать еще о чем-нибудь общеизвестном. Однако я предлагаю повернуть разговор в несколько иную плоскость, для чего сообщу дополнительно еще некоторые цифры, которые, как мне кажется, по-своему впечатляют, наводят на размышления.

Когда Мирослав Томан, заместитель председателя правительства ЧССР, министр сельского хозяйства и продовольствия, курирующий в федеральном правительстве еще и торговлю, сказал мне, что девяносто восемь процентов потребляемых в стране продовольственных товаров Чехословакия покрывает своим собственным производством, я, честно говоря, был удивлен. Эта беседа с Томаном состоялась за два дня до моего отъезда в Москву. А в течение четырех недель перед тем я много ездил по стране, побывав в сельскохозяйственных кооперативах Чехии, Моравии и Словакии, познакомился с некоторыми научно-исследовательскими учреждениями и промышленными предприятиями, имеющими

отношение к сельскохозяйственному производству, ходил на рынки, интервьюировал директоров и продавцов магазинов, покупателей и, казалось, знал, откуда явился на прилавки продуктовый достаток, каким рачительным трудом он добыт, — все равно эти 98 процентов показались мне очень высоким показателем. Смущало в них то обстоятельство, что в ЧССР на душу населения приходится всего 0,44 гектара сельхозугодий, всего 0,31 гектара пахотной земли — втрое меньше, чем у нас. И все это не в долине Нила, Ганга, Меконга или Хуанхэ, где плодородные почвы, вода и солнце гонят по два, а то и три урожая в год. Разговор шел о селе в центре Европы, где климат, несмотря на свою официальную умеренность, допускает колебания погоды от изнуряющих засух до избыточных переувлажнений, где сезоны далеко не на одно лицо, каждый со своим капризом, к которому надо успеть оперативно приспособиться в торопливый период, отпущенный на выращивание и уборку урожая.

Сделать шаги от частного к общему помогли мне две беседы: с Мирославом Томаном, о которой я говорил выше, и Милошем Якешем, в то время членом Президиума и секретарем ЦК КПЧ, возглавлявшим в Центральном Комитете Компартии Чехословакии Народнохозяйственную комиссию, а в декабре 1987 года избранным Генеральным секретарем ЦК КПЧ. Два эти интервью позволили не только охватить взглядом целиком всю агропромышленную мозаику страны, но даже добавили несколько, на мой взгляд, выпадавших до той поры из общей картины очень важных фрагментов. Если учесть, что мои собеседники не скрывали допущенных на определенных этапах развития агрокомплекса ошибок, переделок, увлечений, то станет понятным, что без этих двух встреч многое из увиденного ранее в здешнем селе оставалось бы не до конца ясным. Во всяком случае, путь к нынешним результатам мог показаться гладкой, безмятежной дорогой, тогда как на самом деле он пролегал через поиск, порой довольно болезненный, но в конечном итоге давший убедительный результат.

— История показала: у того, кто не владеет своей пищей, нет национального суверенитета, — сказал в начале беседы Мирослав Томан. — Долгое время в мире бытовало мнение, что социализм не способен обеспечить себя продовольствием. Мы в ЧССР доказали: может. Я уверен, что все социалистические страны способны обеспечить себя необходимой продукцией сельского хозяйства. Хотя дело это, разумеется, непростое...

Заговорили о земле.

— Она у нас разная, — сказал Томан. — Но отношение к почве исторически уважительное. Земли в ЧССР больше, чем сейчас, не будет. Значит, повышать сельскохозяйственное производство можно только за счет более эффективного ее использования. Между прочим, закон о земле у нас один из самых умных. Он дает право обрабатывать почву только интенсивно, грамотно, с пользой для всего общества.

Это замечание, высказанное заместителем председателя правительства страны, я хотел бы проиллюстрировать своими частными наблюдениями.

Сначала чисто юридическая сторона дела. В Чехословакии имеется земельный кадастр, то есть систематизированный свод сведений о природном, хозяйственном и правовом положении земли. Другими словами, на основании данных о ее плодородии проводится ее оценка, а уже отсюда прямой путь к дифференцированному налогу, устанавливаемому за землепользование. Последний позволяет достаточно справедливо оплачивать труд тех, кто работает в благоприятных или, наоборот, в более сложных условиях. Но торжество главного принципа социализма — каждому по труду — это лишь одна сторона вопроса. Кадастр позволяет (или заставляет?) бережно, рачительно относиться к главному богатству государства — земельному фонду. Можно сколько

угодно болтать о том, что земля — общенародное достояние, что о ней нужно заботиться и с умом обрабатывать, однако если она ничего не стоит, если за нее не нужно платить, можно задарма эксплуатировать, если реальный ущерб, нанесенный ей, практически никак не бьет по личному карману пользователя, то все правильные призывы превращаются не более чем в сотрясение воздуха.

Помню «черные бури» на Северном Кавказе в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов. Высоченые сугробы из крупчатого чернозема, перегородившие дороги, наметенные к заборам, домам, полезащитным лесополосам. Тысячи лет земля копила этот плодородный слой почвы, оказавшийся настолько беззащитным перед плугом и ветром, что в течение всего нескольких дней он был содран, поднят в воздух и унесен за сотни, тысячи километров. Миллиарды тонн изобилия. Кто подсчитает, в какую сумму обошлись они нам и еще обойдутся нашим потомкам, если земля эта бесценна и в прямом и переносном смысле слова? Может быть, знание истинного масштаба потерь заставило бы нас быстрее перейти к почвосберегающим технологиям обработки земли? Может быть, представление о колоссальном, выраженном в понятных рублях ущербе принудило бы оборотистее искать средства, необходимые для конструирования и производства новой техники? А так, без оценки — что-то было, куда-то улетело, ничего конкретного: о чем, собственно, голове болеть?

Сейчас модно дискутировать о поливном земледелии, которое якобы гробит плодородие земли, нарушает ее структуру, приводит к засолению почвы, заболачиванию и прочим негативным последствиям. Всем миром мы кистим за эти напасти мелиораторов. Тем не менее убедительно переадресовывают вину землепользователям: нарушают-де технологию обработки почвы. Последние тоже научились ссылаться на какие-то объективные условия. Обидно, что все дискуссии ведутся на пальцах. Сколько стоила земля до орошения, как возросла ее цена после подведения воды, — никто не в курсе. А без этого какой смысл метать друг в друга громы и молнии?

Теперь вот стали говорить о полном хозрасчете подрядных бригад, о передаче им в аренду не только техники, но и земли. Но позвольте, как передавать в аренду и принимать обратно то, что не имеет оценки? Иной «арендатор», дабы взять побольше при наименьших затратах, способен так надорвать плодородную мощь земли, что после него она превратится в бесплодное поле. Как подсчитать принесенные такой деятельностью убытки, с кого их взыскивать? Не ясно.

Но мы отвлеклись. Посмотрим, как обстоят дела в этом плане в Чехословакии.

Кооператив «Дружба» находится близ города Кутна-Гора в Среднечешской области. Земельная площадь — 4072 гектара, из них пашни — 3862. Почвы в основном гнейдые (по-нашему, каштановые), есть суглинки, супеси. Ежегодно кооператив платит государству земельный налог, в среднем 540 крон за один гектар.

— Это у нас так, — объяснил Мирослав Яровский, сорокалетний председатель правления кооператива. — В других же местах, где земли получше, налог, бывает, доходит до тысячи крон. Но есть и такие, за которые государство ничего не берет или даже доплачивает, чтобы кооперативы и госхозы работали на бросовых участках, получали там какой-то урожай и имели свою норму прибыли. Допустим, на каждые сто крон полученной здесь продукции государство приплачивает хозяйству 10—12 крон, в соответствии с уровнем рентабельности последнего.

Это справедливо, подумал я, так как способствует расширению пахотного фонда страны.

А потом мы заговорили о правах и обязанностях землепользователей. Приведу примеры.

Дороги ЧССР делятся на четыре категории: государственные, районные, местные и дороги внутрихозяйственные. Если кооператив захочет проложить по своей территории новую дорогу к какому-то полю либо ферме, он должен доказать ее целесообразность и необходимость и получить на прокладку согласие районных властей. Самовольство в этом деле серьезно наказывается и в административном, и в партийном, и в чисто денежном плане. Причем штраф налагается не на хозяйство вообще, а на конкретное лицо, совершившее или разрешившее подобное изъятие земли из оборота. Вспомнились наши шоферы с их неистребимой страстью постоянно «спрямлять» путь, пробивать новые проселки по пашне, а то и по нескошенному хлебу. Вот бы завертели ребята при строгих здешних порядках!

Не менее строгие меры принимаются и против тех, кто допустил неумелым пользованием эрозию земли, образование оврагов. Правда, до такой беды дело обычно не доходит, ее стараются упредить сами хозяйства. Но тем не менее соответствующие органы ведут ежегодную проверку состояния угодий и в случае необходимости принимают меры.

Если кооператив (или госхоз) решит на своей территории построить какое-то производственное или

социально-бытовое сооружение, что выведет пахотную землю из сельскохозяйственного оборота, он должен уплатить за нее государству согласно занятой площади и ценности. (Эта сумма равняется, как позже объяснил мне Мирослав Томан, стоимости пятидесятилетней продукции этой земли.) Поэтому хочешь строить клуб на новом месте — плати, ферму — плати, жилой дом — тоже плати. Неудивительно поэтому, что все новостройки, которые я видел на селе во время этой поездки, были привязаны либо к неудобьям, либо к местам, на которых были снесены старые постройки. В том же Сухдоле, центральной усадьбе «Дружбы», новый магазин сооружается на месте, где стоял прежний, а строительство новых домов ведется внутри уже сложившейся жилой территории села. Размахнуться, как принято у нас, выйти за околицу нельзя: прямо к усадьбам подступает пашня. Конечно, потеснить ее можно, но за это придется очень хорошо уплатить.

Тяга к земле, какое-то особо уважительное, любовное отношение к ней, мне кажется, черта характера чехов и словаков. В этом убеждаешься в самых неожиданных ситуациях.

В городе Нови-Йичине меня принимали председатель городского народного совета Йозеф Цинк, его заместитель Владимир Граф и секретарь исполкома Иржи Вабра. Рассказали о делах и проблемах города, спросили, как идет перестройка у нас в стране. Меня удивило, что среди прочих был вопрос и о наших брошенных «бесперспективных» деревнях. Вернее, удивил даже не сам вопрос, а то, в какой плоскости он был поставлен.

— Но ведь вокруг этих деревень раньше были поля, да и приусадебные участки у вас очень большие. Неужели всю эту землю бросили? — спросил Цинк. — Она могла бы рожать...

— Не всю, конечно, но часть бросили, особенно приусадебную. Ее трудно, говорят, вернуть в оборот... — как-то не особенно убедительно выкручиваюсь я.

— Но это не очень... мудро... — попытался председатель найти самую мягкую, не обидную для нас формулировку.

«Да уж куда глупее», — смело, не разводя особой дипломатии, подумал я про себя.

Моя беседа в Нови-Йичине состоялась незадолго до принятия нашим правительством постановления, разрешившего горожанам покупать пустующие дома в деревнях. Поэтому удивительно было слышать, как в маленьком североморавском городке так точно определили самое уязвимое место и несуразность одной из наших бывлых благоглупостей, которую мы сами долго терпели, с которой почему-то мирились, хотя касалась она самого главного нашего достояния — земли.

В каждом чехословацком кооперативе, где я побывал, разговор обязательно заходил о наших черноземах. Мне рассказывали, например, о том, что давным-давно на всемирной выставке в Париже демонстрировалась кубическая сажень эталонного воронежского чернозема — удивительного дара природы. И о том, что гитлеровские оккупанты вывозили в Германию чернозем Украины. И еще о многом. Оказалось, что мои собеседники не раз посещали Советский Союз, знакомы с делами нашего села и отлично разбираются в наших землях. Разумеется, у нас они побывали в лучших хозяйствах, где было что показать. Но самое неизгладимое впечатление на гостей производили черноземы Украины, Дона, Кубани. Вспоминая о них, мои новые знакомые как-то сладостно шурились, говорили:

— Перфектна земля!

И я каждый раз не удерживался, подкидывал вопросик: сколько бы, мол, вы могли получить пшеницы на этой перфектной, совершенной, земле?

Мирослав Яровский гарантировал семь-восемь тонн с гектара. (Тут урожай меряют в тоннах, а не в центнерах, как у нас.) Йозеф Клосс, председатель артели «Староцирко» в Северной Моравии, сказал, что сумел бы довести урожай до десяти тонн. Остальные опрошенные называли цифры в этой «вилке». Ну, а сколько зерна получаем на этих полях мы сами — и так всем хорошо известно.

ХОЗЯЕВА ЗЕМЛИ

Основа агропромышленного комплекса ЧССР — 1677 единых сельскохозяйственных кооперативов (со средней площадью обрабатываемой земли — в 1553 гектара в каждом) и 162 госхоза (8600 гектаров сельхозугодий в среднем на одно хозяйство). Это они являются первым звеном в цепочке между землей и прилавком продуктового магазина. Это их усилиями создаются те самые 98 процентов потребляемого страной продовольствия.

Как видно из приведенных цифр, количество кооперативов более чем в десять раз превышает число госхозов. И хотя последние по отдельности значительно крупнее первых, все-таки в сумме обрабатываемой площади кооперативы впереди. Они же дают и большую часть общего производства сельхозпродукции. Сообщаю об этом просто в виде ин-

формации, а не для того, чтобы как-то противопоставить друг другу эти организационные формы производства.

Так как за кооперативами «подавляющее большинство», дальнейший рассказ пойдет только о них.

С 1984 года сельскохозяйственным кооперативам ЧССР «сверху» планируются только два показателя: по зерну и по мясу. При этом по зерну указывается нижний предел, сверх которого можно продавать государству, сколько хочешь и сколько сможешь. По мясу же, напротив, устанавливается верхняя граница, превышать ее, как объявили, запрещено. Остальная продукция растениеводства и животноводства производится на основании договоров с предприятиями перерабатывающей промышленности и торговли. При этом «вилка», в пределах которой может колебаться объем договорных поставок, имеет довольно узкие и жесткие рамки. По многим видам продукции, по молоку, например, перевыполнение договорных объемов наказуемо: за сверхдоговорные тонны хозяйству уплатят заниженную цену, что в принципе равнозначно денежному штрафу.

Как видим, в сравнении с нашей практикой тут много необычного. Особенно удивляют ограничения в производстве животноводческой продукции, которой у нас хронически не хватает, ну и, разумеется, свобода, предоставляемая кооперативам при выборе той или иной культуры. На фоне наших спускаемых сверху подробных ЦУ (этот опыт без особых изменений перенят от прежних времен нынешним руководством АПК разных уровней) два чехословацких показателя выглядят завидной «вольницей», о которой нашим колхозам остается только мечтать и мечтать. Ведь отменив подробную регламентацию, кто, что и сколько должен выращивать, и разрешив хозяйствам самим определять структуру своего производства, вышестоящие инстанции как бы предоставили последним экономическую самостоятельность, одновременно лишив себя права вмешиваться в их деятельность, другими словами — власти над ними.

Подтверждение своим выводам я искал в беседах с руководителями хозяйств, в которых мне довелось побывать. При ближайшем знакомстве простая картина несколько усложнилась. Один из председателей кооператива сказал:

— Официально, конечно, существует всего два плановых показателя, но неофициально — еще два-дцать, которые что-то уточняют.

После дополнительных расспросов он объяснил, что районные сельхозуправления все еще пытаются указывать, чего и сколько должен произвести кооператив в дополнение к двум «законным» показателям. Правда, делается это не таким, как прежде, директивным тоном, порой используются и экономические рычаги в виде поставок некоторых пока еще дефицитных видов техники, тем не менее инерция старых административных методов руководства порой еще дает себя знать.

Конечно, думал я, всякое вмешательство «сверху» ограничивает кооперативу свободу маневра. Но насколько — это зависит от степени вмешательства. Вспомнив о нашей собственной практике (для смягчения оговаривать: недавней и не повсеместной), я сформулировал вопрос, который задавал во всех хозяйствах, где побывал, вопрос, который у нас был бы вполне уместен.

Я спрашивал:

— Часто ли райком партии и райисполком указывают вам, где, что сеять и в какие сроки?

Йозеф Клосс сказал:

— Для меня это было бы самым большим позором: выходит, меня считают неспособным руководителем хозяйства. Я бы тут же подал заявление об уходе с поста председателя.

Мирослав Яровский, который, по-моему, вообще не совсем понял мой вопрос, спросил:

— Как райком может указывать, где сеять, если он не знает карты наших полей, какие на них росли предшественники? Сроки же сева вообще зависят от погоды, а она год на год не приходится. Все диктуют агрономические условия, а решение — за главным агрономом. Ни я, председатель, ни правление кооператива в его дела не вмешиваемся — был бы хороший результат. Вот если его не будет, тогда поинтересуемся, почему. Нужна будет помощь — окажем. Если товарищу работа не по плечу, поищем замену. Однако у нас пока все в порядке.

Аналогичные ответы я слышал и в других хозяйствах.

ХЛЕБ — ВСЕМУ ГОЛОВА

Данные о производстве зерна в Чехословакии дают пищу для размышлений. Ну, например: в 1985 году валовой сбор зерновых достиг 11 миллионов 767,3 тысячи тонн при средней урожайности 47 центнеров с гектара. 1986 год выдался засушливым, поэтому план по зерновым был выполнен всего на 95,6 процента, а их средняя урожайность равнялась всего 42,8 центнера. Пишу «всего», а рука невольно тянется подчеркнуть это слово и саму цифру жир-

ной чертой, потому что перед глазами стоит другая статистика. Урожайность зерновых в нашей стране в 1985 году была 16,2, а в 1986-м — 18 центнеров с гектара. Даже в самом удачном за всю нашу историю 1978 году мы собрали с гектара в среднем по 18,5 центнера.

Помню, как до войны по радио любили передавать заборную частушку в исполнении хора имени Пятницкого о стопудовом урожае. Такой хлеб был нашей мечтой, нашей целью. Страна шла к нему долго, трудно, и нельзя сказать с полной уверенностью, что теперь этот рубеж взят прочно и навсегда. Вышедший недавно юбилейный статистический ежегодник «Народное хозяйство СССР за 70 лет» проиллюстрировал сложившееся положение цифрами. В 1940 году в среднем мы намолачивали зерновых всего по 8,6 центнера с гектара; в девятой пятилетке — по 14,7; в десятой — вышли на 16 центнеров (желанные сто пудов), но в одиннадцатой скатились до 14,9 центнера. Собственно, удачный показатель десятой пятилетки обусловлен выпавшими на нее двумя самыми урожайными для нашего сельского хозяйства годами: 1976-м, когда было взято 223,8 миллиона тонн при средних 17,5 центнера с гектара, и 1978-м (237,4 миллиона тонн и 18,5 центнера соответственно).

Для чехословацких полей наиболее удачным был 1984 год: 48 центнеров с гектара.

Эти цифры, думаю, понятны без комментариев: в братской стране зерновых берут с гектара почти втрое больше, чем у нас. Так что наше преимущество в количестве пахотных соток на душу населения в этом плане сводится как бы на нет.

Наверное, обилие статистических выкладок несколько утомляет, но, мне кажется, простая цифра порой может сказать больше, чем рассуждения, лишённые прагматичной конкретики. Поэтому осмелюсь еще немного продолжить числовые параллели. В конце концов все мы сейчас понемногу приучаемся считать, и тут как раз предоставился благоприятный случай потренировать наши математические способности.

Попытаемся проанализировать динамику урожайности зернового клина в последние три пятилетки у нас и у наших соседей.

В 1970 году в Чехословакии брали по 27,7 центнера с гектара, у нас — только по 15,6. В 1985 году они довели урожайность до 47 центнеров, мы — до 16,2. Конечно, можно посетовать, что тот год был для нашего сельского хозяйства далеко не лучшим (кстати, и не самым худшим: валовой сбор все-таки достиг 191,7 миллиона тонн). Но даже если мы возьмем погектарный показатель самого урожайного 1978 года, то даже в этом случае наши 18,5 центнера выглядят не особенно убедительно. Прибавка-то против 1970 года составила менее трехсот килограммов. В Чехословакии наибольшее превышение над стартовым годом было достигнуто в 1984-м — 20,3 центнера. Характерно, что за истекшие три пятилетки там резко выросла урожайность всех зерновых культур без исключения: пшеницы, ржи, ячменя, кукурузы, овса.

За счет чего получен такой результат? Никаких тайн: рациональная технология возделывания, разумное сочетание минеральных и органических удобрений, селекционная работа, использование при посеве наиболее урожайных сортов и еще многое другое, чем располагает современное сельское хозяйство. О каждом из этих приемов можно было бы рассказать более подробно, но этот очерк не посвящен по выращиванию зерновых, поэтому я остановлюсь только на примерах, которые, на мой взгляд, дают возможность понять, почему они действуют, понять суть и дух чехословацкой деревни.

Перед командировкой в ЧССР я услышал историю, которая выглядела слишком красиво, чтобы оказаться правдой. Как-то в гости к нашему академику Ремесло приехала группа чехословацких хлеборобов. При прощании ученый подарил семена недавно выведенного им сорта пшеницы. Посеянная на своей новой родине, та дала такой редкостный урожай, что на его уборку прославленного советского академика пригласили правительственной телеграммой. И Василий Николаевич вроде бы даже прилетел на следующий же день специальным рейсом Аэрофлота. Вид тучной нивы, рекордные намолоты так растрогали селекционера, что он прослезился и поблагодарил чехословацких друзей за то, что своим трудом они помогли выявить потенциальную мощь нового сорта. А хлеборобы ему сказали «спасибо» за создание такого дива. В общем, получился день взаимного благодарения.

Вот и скажите: можно всерьез поверить такой милой душещипательной легенде? Уж больно торчат журналистские уши...

А в Праге я услышал об этом случае вновь. Меня даже уверяли, что все произошло в Западно-Словацкой области. Когда я спросил о том Арношта Бака, заместителя главного редактора словацкой газеты «Правда», он подтвердил:

— Ну так это же известная история!

И даже назвал точный адрес: единый сельскохозяй-

ственный кооператив «Покрок» («Прогресс»). Его правление расположено в селе Остров, а председательствует там агроном по образованию Эмил Седлак, его, Бака, давний друг. «Если будешь в Братиславе, — пообещал Арношт, — обязательно свожу туда».

И слово сдержал.

Председатель «Покрока» был в отъезде, поэтому с хозяйством меня познакомили его заместитель Карол Пекар и главный зоотехник кооператива Герой Социалистического Труда ЧССР Мария Паулехова.

Кооператив был организован в августе 1957 года, когда четыре небольших окрестных хозяйства слились в одно. Однако даже после укрупнения кооператив со своими 1650 гектарами остается самым маленьким в районе. Вся площадь — пахотные земли. Шестидесять процентов под орошением. Хозяйство многоотраслевое, но его конек — выращивание семенной гибридной кукурузы и племенное свиноводство, в чем «Прогресс» занимает лидирующее положение во всей Словакии.

Свой рассказ мои собеседники иллюстрировали примерами, цифрами, а я все старался повернуть разговор поближе к заветной пшеничной теме. На круг озимая тут дает по 68 центнеров с гектара. Собственные сорта выведены на основе советских, созданных академиками Ремесло и Лукьяненко. Имена двух наших прославленных селекционеров тут знают не понаслышке, а благодаря личному знакомству.

— Однажды мой муж, — рассказывает Мария Паулехова, — привез от Лукьяненко необычных размеров колосья какой-то новой пшеницы. Так три года он бережно хранил их, обязательно показывал гостям, пока зерна не пересохли и не осыпались.

Раньше, — продолжала она, — мы намолачивали по двадцать — двадцать пять центнеров пшеницы с гектара. «Мироновская» сразу дала прибавку в десять — пятнадцать центнеров. Это была настоящая революция в нашем зерновом хозяйстве, о какой раньше даже не мечтали. Западнотысяцкие агрономы всегда были частыми гостями академиков Лукьяненко и Ремесло и, возвращаясь, обычно привозили — поначалу тайком, в обход карантинных служб — подарки: новые семена. Тут их сами множили, выводили на поля. Между прочим, наши островские агрономы первыми в Чехословакии стали сеять советские сорта: «мироновскую», «безостую», «юбилейную». Это позже семена урожайных пшениц «аврора» и «кавказ» стали приходиться из СССР официально. А началось все по личной инициативе. Спросите любого нашего агронома, и он скажет: Ремесло и Лукьяненко помогли Чехословакии решить зерновую проблему...

Карол Пекар и Мария Паулехова подтвердили, что история, принятая мною за легенду, на самом деле имела место. В 1972 году (или в 1974-м, они точно не помнят) «Покрок» посеял двадцать пять гектаров полученной из СССР «юбилейной». В тот раз все так удачно совпало — и предшественники, и количество удобрений, и погодные условия, — что к уборке вымахала пшеница, какой никто из местных жителей никогда не видел. Даже председатель кооператива товарищ Эмил Седлак, хотя поехал он на своем веку немало.

— Это поле не будем косить, пока не приедет академик Ремесло, — сказал председатель и отправил ученому телеграмму.

Многие опасались, что в ожидании гостя хлеба перестоят, начнут осыпаться, и тогда никто не узнает, какой же был выращен урожай. Но Ремесло прилетел вовремя. Пшеницу убрали, взвесили — получилось по 102 центнера с гектара.

Я слушал знакомый мне рассказ, честно говоря, теперь в нем меня поразила уже не сама фабула, а то, как в «Покроке» относятся к земле, хлебу, урожаю. Типичный крестьянский подход, когда тащат не из дома, а в дом. И дом этот — свой кооператив. Обращала на себя внимание и такая подробность: внедрение урожайных пшениц тут началось в 1968—1969 годах — не самое простое время в истории послевоенной Чехословакии.

Лучшие советские пшеницы легли в основу урожайных сортов местной селекции. Наиболее удачный из них, выведенный Богумером Кабртом, получил кокетливое имя «амика», в котором автор зашифровал исходные анкетные данные сорта: «Аврора», «Мироновская», КАбрта. Тоже ведь всем воздал по-крестьянски справедливо. Над этим сортом и шутят по-крестьянски солонго: папа и мама у него советские, а постелька — чехословацкая.

В кооперативе «Дружба», что под Кутна-Горой, я обратил внимание на сооружение, формой похожее на наши элеваторы, только поизящнее и поменьше размером.

— Это наше зернохранилище, — объяснил председатель «Дружбы» Мирослав Яровский.

Я уже знал, что весь семенной фонд кооператив хранит у себя, поэтому спросил:

— Неужели столько зерна требуется для посева?

— Здесь не наш хлеб — государственный. Свои семена мы храним в другом месте.

Вот тут я окончательно запутался.

Оказалось, что прямо от комбайна зерно везут на хозяйственный двор, где его сортируют, если надо, очищают, сушат, доводят до требуемых кондиций, продают государству и... засыпают в собственные хранилища. Отныне кооператив уже не владелец урожая, а только его хранитель. Пока хлеб не вывезен на мукомольный или комбикормовый завод, кооператив следит за его качеством, влажностью, борется с плесенью, всякими амбарными вредителями. Государство оплачивает эти услуги. Таким образом, кредит, взятый на строительство мини-элеватора, быстро окупается.

Элементарная вроде бы хозяйственная операция, а сколько в ней здравого многопланового экономического рационализма! В самую горячую крестьянскую пору, в уборку, когда обычно не хватает машин, людей, плечо «поле — зернохранилище» сокращено до километров, а то и сотен метров. Экономится горючее, меньше требуется грузовиков, резко падают потери зерна при транспортировке. Хлеб быстрее поступает на подработку и хранение, что гарантирует его качество. Собственный элеватор — это работа для части жителей села в зимнее межсезонье. Да и государству хлопот меньше, когда хлеб хранят те, кто его вырастил.

Пишу эти строки, а перед глазами длинные вереницы автопоездов с доверху заполненными зерном кузовами. В конце каждого лета телевидение показывает, как они бодро стартуют с колхозных и совхозных токов, украшенных красочными транспарантами и плакатами, а потом понуро часами, сутками толкуются в компании себе подобных у подножия гигантских элеваторов, ждут очереди на разгрузку, слушают уже не медь праздничных труб, а забористые дискуссии шоферов с приемщиками, диспетчерами, со всем белым светом.

Пишу эти строки, а по телевизору «гонят» репортаж из Куйбышевской области. Развороченные взрывами бетонные перекрытия, зависшие на большой высоте обломки металлических конструкций, на земле — вороха зерна, смешанного с грязью и снегом. Последствия беды, происшедшей на Томиловском зерноэлеваторе. По осени сюда привезли на хранение семена подсолнечника, который вместо положенных десяти процентов влажности имел тридцать. Оправдывались: сырое лето. Надо бы перед закладкой семечки сушить. Объясняют: не успевали, в первую очередь сушили просо. У нас всегда на все — объективные причины. Надеялись: пронесет. Не пронесло. В сырой массе подсолнечника температура стала подниматься до критических отметок, развивавшиеся внутри химические процессы выделяли взрывоопасную газовую смесь. За три недели января 1988 года на элеваторе от самовозгорания произошло 23 пожара. Потом рвануло в двух силосах — бетонных резервуарах, загруженных семенами подсолнечника. Погибло два рабочих. Специалисты утверждают, что столь же взрывоопасна ситуация с остальными семьюдесятью силосами элеватора. Они уподобились минам замедленного действия. Никто не знает, как с ними быть. Кто-то во избежание новых трагедий предложил — с ума сойти! — расстрелять элеватор из орудий. Оказывается, опыта ликвидации аварий подобных масштабов у нас в стране нет.

А вот опыта создавать аварийные ситуации — хоть отбавляй. Прошлой осенью и нынешней зимой они возникали, к сожалению, не только на Томиловском элеваторе. При таком «рачительном» хозяйствовании и «умелом» хранении нам никаких урожаев не хватит...

И еще несколько цифр. У нас принято считать, что все наши продовольственные проблемы будут решены, когда научимся собирать по тонне зерна на каждого жителя страны. При нынешнем народонаселении этот урожай должен равняться 285 миллионам тонн. И год от года эта цифра вместе с ростом населения должна расти. В относительно хорошем 1987 году мы намолотили 211,3 миллиона тонн зерна и вполне обоснованно отдавались этому. Но ведь от желаемого рубежа нас отделяют сегодня неумолимые семьдесят четыре миллиона!

Как скоро мы одолеем этот разрыв, верхняя граница которого, увы, не топчется на месте, вся в динамике?

И пока не одолели, пока только собираем силы для штурма, сделаем несложный математический расчет. В 1985 году мы, как уже говорилось, вырастили 191 миллион 674 тысячи тонн зерна. Еще 44,2 миллиона тонн получили в том году по импорту. Наш экспорт составил тогда один миллион 751 тысячу тонн. Складываем, вычитаем, делим на число едоков, получаем: на каждую душу населения пришлось около 840 килограммов. В Чехословакии в том же году было выращено примерно по 768 килограммов. Расклад вроде бы в нашу пользу. Если же судить по прилавкам магазинов, все выглядит наоборот. Выходит, хитрость не только в том, чтобы много вырастить зерна. Нужно еще и заставить его работать с полной отдачей.

Анна МИРКИНА

ВОСПОМИНАНИЯ
О Г. К. ЖУКОВЕ

МАРШАЛ ПИШЕТ КНИГУ

2

«18 августа 1965 г.

Только что вернулась из Сосновки. Сегодня подписан договор с маршалом на издание книги. Уже есть рабочее название «Воспоминания и размышления». Галина Александровна была дома. Встретила очень приветливо — милая, очень русская женщина, под стать Жукову, обаятельная, приветливая, открытая», — записала я в дневнике.

— Вот привезла проект договора, который разработали наши юристы после получения от вас согласия.

— Что же, давайте посмотрим.

Георгий Константинович надел очки в тонкой золотой оправе и стал внима-

тельно, серьезно изучать договор.

— Ну, что же, все правильно, но только одно непереносимое условие: книга должна быть опубликована прежде всего в СССР, а потом уже за рубежом.

(С одной поправкой договор был автором подписан.)

Забегая вперед, скажу, что условие это было выполнено. «Воспоминания и размышления» маршала Г. К. Жукова были изданы в 27 странах на 18 языках, но впервые книга вышла в Советском Союзе, и было это в апреле 1969 года. С тех пор она выдержала в нашей стране девять изданий на русском языке общим тиражом свыше 6 миллионов экземпляров и в семи союзных республиках на национальных языках.

На этот раз Георгий Константинович был уже не так открыт и общителен,

как в нашу первую встречу. Что-то его беспокоило. Был сдержан, сосредоточен. Галина Александровна объяснила, когда Георгий Константинович вышел:

— Он всегда так перед серьезной работой — предстоит много сделать, а он боится, что не уложится в срок.

— Сроки можно пролонгировать.

— Нет, вы не знаете Георгия Константиновича, — уж если что обещал, выполнит день в день, чего бы ему это ни стоило. (В этом мне пришлось потом убедиться неоднократно.)

Георгий Константинович вернулся, неся в руках довольно объемистую папку.

— Вот почитайте — это начало книги, глава о детстве, здесь и знакомая вам Стрелковка.

Попросив разрешения уединиться, вышла на террасу.

Читала про детские годы маршала, про сенокосы и купание в прозрачной Протве, про Михалевы горы, с которых так весело нам в детстве было кататься на «ледне» — замороженном решете, — все было до боли знакомо и близко...

С волнением остановилась на страницах описания жизни его в Москве, годах обучения скорняжному мастерству, невольно вспомнились «В людях» М. Горького. Глава эта, написанная хорошим литературным языком, подкупала искренностью и простотой.

— Если так будет написана вся книга — выйдете в большие писатели!

Жуков усмехнулся.

— Нет уж, всякая литература по вашей части, я же буду писать о главном: о событиях военных, создании стратегических планов крупнейших операций Отечественной войны и их осуществле-

Продолжение. См. «Огонек» № 16.

нии. О том, как работала Ставка, как героически боролись советские воины против такого сильного противника, какими были немцы.

После двухлетней войны в Европе Германия имела находящуюся в полной боевой готовности армию, несомненное преимущество перед нами было у нее и в военно-промышленном потенциале.

Об этом тоже надо сказать прямо. А то, что ни фильм, — немцы изображаются прямо дурачками необученными. Показав силу и подготовленность нашего противника, как это было на самом деле, мы не только восстановим истину, но еще раз подчеркнем, через что нам пришлось пройти, чтобы разгромить сильного и опытного врага.

— А как вы относитесь к мемуарам наших военачальников?

— Что же, в них много ценного и интересного материала. Но не у всех и не всегда. Вот, например, в прошлом году в журнале «Октябрь» появились воспоминания маршала Чуйкова «Конец третьего рейха». Читали?

Я не читала. В то время вообще имела весьма приблизительное представление о военно-мемуарной литературе. Это потом пришлось беспрестанно читать выходящие книги о Великой Отечественной войне, военно-исторического и мемуарного жанра. Жуков требовал твердого знания предмета: прийти к Георгию Константиновичу хотя бы без общего представления о соответствующем периоде войны, над которым мы в данный момент работали, значило вызвать его крайнее неудовольствие и обречь беседу на провал.

Георгий Константинович терпеть не мог легковесности ни в чем.

— Прочтите, — сказал Жуков строго. — В этой статье Чуйков утверждает, что Берлин можно было взять еще в феврале 1945 года и тем самым значительно сократить количество жертв. Ведь что пишет! — Жуков сжался, в голосе его зазвучал металл. — Как же не понимать, что на том этапе войны стратегическая обстановка требовала передышки для организации решительной, завершающей Берлинской операции.

Я ему ответил в статье «На Берлинском направлении» в «Военно-историческом журнале». Пришлю вам ее, обязательно прочтите.

Статья эта, в значительной степени потом использованная маршалом в главах «От Вислы до Одера» и «Берлинская операция» в его книге, дала глубокий анализ стратегической обстановки на том этапе и полностью доказала ошибочность утверждения Чуйкова.

— Подобные неправильные толкования различных операций Великой Отечественной войны, — продолжал Жуков, — и заставили меня в 1958 году взяться за перо. Я начал собирать материал. Кое-что уже написано, но многое надо еще сделать. — Он невольно вздохнул (на лбу сдвинулись морщины), видимо, представив себе, сколько еще придется трудиться, чтобы закончить свою книгу.

В ту встречу Георгий Константинович был совсем другим — держался со мной строго официально, как мне показалось, даже холодновато, был сосредоточен, мало улыбался.

Зато Галина Александровна всячески старалась смягчить и сгладить напряженность: была приветлива, радушна, мягко возражала Георгию Константиновичу, старалась растопить его суровость, и постепенно он оттаял.

Милая Галина Александровна! Как она сражалась за жизнь Георгия Константиновича в годы его тяжелой болезни. Мы же очень обязаны ей за помощь в период подготовки книги. Сколько раз она «спасала», сглаживала углы, спокойно и ненавязчиво убеждая, зная, когда и как преподнести Георгию Константиновичу самые неприятные замечания, предложения «изменить», «вставить», «поправить», принимая на себя «первый огонь» его гнев-

ва. Такова была часто реакция маршала на предложения военных консультантов.

(«Он кем был во время войны? — часто спрашивал Жуков. — Ах, капитаном. Портфель за мной носил! Откуда ему было знать, как строился замысел данной операции?»)

«Но, Георгий Константинович, — возражали мы, — это же было давно, а теперь он генерал, специалист по военной истории».

«Знаю я этих специалистов!»)

...Но вот проходил день, другой, он «отошел», спокойно обдумал замечания, разобрался в них и, если предложение было дельным и подтверждалось документом (это было его главным требованием!), принимал его, и вот уже адъютант, подполковник Иван Александрович Прядухин, везет очередной пакет «от маршала».

3

В тот первый год, когда он работал над рукописью, я всего несколько раз приезжала в Сосновку. Георгий Константинович был полностью погружен в работу — собирал архивный материал, встречался со своими боевыми соратниками — бывшими командующими фронтами, членами военных советов, просматривал выходящие в свет новинки военно-исторической и военно-мемуарной литературы. Писал увлеченно, страстно, азартно, обычно вечерами и далеко за полночь. Не любил диктовать, писал от руки — «так лучше формулируется мысль, уходит все лишнее». «Воспоминания и размышления» явились первым его литературным опытом. До этого ему приходилось выступать в печати лишь с отдельными статьями. Но, как все, что он делал в жизни, Георгий Константинович и над мемуарами работал фундаментально, глубоко вникая в исследование каждого периода войны, каждой крупной операции, от замысла до осуществления.

К сожалению, не сохранились дневники Г. К. Жукова за 1940—1941 годы. Но уцелели записные книжки, которые

он вел с лета 1942 года как представитель Ставки во время подготовки Сталинградской битвы, уже находясь на посту заместителя Верховного Главнокомандующего. Его заметки об этом, повернувшем ход второй мировой войны, величайшем сражении на берегах Волги, а затем о крупнейших в истории войны танковых сражениях на Курской дуге, о боях за освобождение Белоруссии и Украины и, наконец, о Берлинской операции, закончившейся полным разгромом гитлеровского вермахта, послужили отправным материалом для книги. А дополнением к этой живой канве явились документы. В мемуарах их использовано свыше полутора тысяч.

Поиском новых архивных материалов маршал занимался постоянно на протяжении многих лет, и во время подготовки первого издания книги, и сразу после выхода ее в свет, и после сдачи в издательство рукописи второго издания. Каждый новый документ сопровождал собственноручной пометкой. Иногда это делалось в форме краткого указания на полях, иногда в виде развернутого объяснения, почему именно данный документ важно внести в книгу.

Г. К. Жуков ездил в Подольск, в Центральный архив Министерства обороны СССР. Изучал фронтовые донесения и приказы военного времени. Кропотливо и придирчиво отбирал наиболее ценные и важные для книги документы, делал черновые записи, исследовал материалы о действиях фронтов и армий.

Интересная закономерность: вся эта сложная, кропотливая работа подняла к жизни дарования, о которых, вероятно, сам маршал никогда и не подозревал. Работа «открыла» Жукова-исследователя, человека строгой логики мышления, превосходной памяти, дисциплины ума. Эти свойства позволили ему создать одно из самых значительных мемуарных произведений о Великой Отечественной войне.

Выходец из крестьян, подмастерье скорняка, окончивший до революции лишь церковноприходскую школу да

четырёхгодичное городское училище, он с юности страстно тянулся к знаниям. «Хозяин даст пятак на конку, — вспоминает он, — отвезти шубу заказчику, а я взвалю мешок на спину и айда пешком через всю Москву с Камергерского переулка в Сокольники, а пятак берегу и книжку куплю».

Г. К. Жуков был широко образованным человеком. Нетрудно догадаться, сколько упорства пришлось ему приложить, чтобы в суровой армейской жизни находить время и для самообразования. Углубленная работа над книгой, заметки на полях и отдельные записи, которые он вел в процессе чтения, были той «лабораторией», в которой Георгий Константинович постоянно расширял круг своих познаний, подспудно накапливая и тот багаж, который он реализовал, взявшись за перо, — создавая собственную книгу...

Любовь к книге Георгий Константинович сохранил на всю жизнь. На его рабочем столе постоянно лежали с закладками и пометками книжные новинки — военно-научная, историческая и политическая литература, труды по философии и экономике, мемуары, беллетристика. Он любил Льва Толстого и не раз обращался к его великим творениям. Так, в период подготовки Московской битвы Жуков попросил привезти ему в Перхушково «Войну и мир». В великом подвиге сынов России в Отечественной войне 1812 года против наполеоновского нашествия черпал он духовные силы в дни грандиозных битв. Так он об этом рассказывал.

Хорошо знал Пушкина и Есенина. Из современных писателей больше всего ценил М. Шолохова, А. Твардовского, К. Симонова, публицистику И. Эренбурга.

Однажды в разговоре о Твардовском Георгий Константинович отметил:

— Трудно даже оценить, какую огромную роль сыграл во время войны его «Василий Теркин». Фронтовую солдатскую жизнь Твардовский знал досконально. Понимал солдата, его самоотверженную храбрость, любовь к Родине, презрение к смерти. Книга

Министр обороны СССР Г. К. Жуков и И. С. Конев на маневрах. 1956 год.

заражала оптимизмом, давала пример мужества и бесстрашия, звала на подвиг.

...В те годы работы над книгой он был, несмотря на все превратности судьбы, счастлив и деятелен. Он снова окунулся в полные для него особого значения воспоминания о днях героических, напряженнейших поисков решений, казалось бы, непосильных задач, он снова командовал войсками, жил в атмосфере армии и чувствовал свою нужность, свое назначение в жизни. Был весел, непринужден, раскован.

Много времени проводил в саду, часто ездил с М. М. Пилихиным на охоту и рыбалку. Регулярно бывали они с Галиной Александровной в театрах — Георгий Константинович предпочитал драму, особенно МХАТ и театр имени Вахтангова. Народная артистка Юлия Борисова была частым гостем в доме Жуковых. Приезжали друзья — артисты оркестра Большого театра. Слушали музыку, танцевали.

Однажды в мае Георгий Константинович пригласил нас с мужем на обед. Участник Великой Отечественной войны, муж мой всю дорогу волновался нескладно — еще бы! Жуков встретил его очень ласково, посадил рядом с собой, подробно расспрашивал, как и где воевал, что запомнилось из военных событий. Постепенно гость освоился и рассказал:

— Знаете, после Победы шли мы однажды с моим товарищем, полковником, в Берлине в районе Унтер-ден-Линден. Вдруг видим: из-за угла показалась большая группа людей в генеральских погонах.

— Смотри, маршал Жуков! — воскликнул товарищ. — Давай лучше уйдем в сторону, подальше от греха!

— Так и ушли? — Георгий Константинович смеется громко, заразительно.

— Теперь вот жалею, что не подошли, а тогда было страшно.

Георгий Константинович доволен, шутит, интересно рассказывает.

— Во время Потсдамской конференции сидел рядом с английским фельдмаршалом Александером. Александер спрашивает по-русски, он на двенадцати языках говорил:

— На каком языке вы, мистер Жуков, кроме русского, предпочитаете говорить?

— На украинском или белорусском.

— К сожалению, я с этими языками незнаком. Кажется, вы хорошо знаете французский?

— Нет, я его основательно подзабыл. (Смеется лукаво.) Обидно мне стало: — А вы монгольский знаете? — Запускаю длинную фразу.

— Нет, — говорит.

— Надо изучать языки восточных народов!

Вот тут встает Трумэн и провозглашает тост за Сталина. Потом Сталин за Трумэна. Неожиданно Черчилль предлагает тост за меня.

Пришлось встать и сказать ответный тост.

— Я предлагаю тост за товарища Черчилля, с которым мы как союзники прошли эту войну. — Сказал и замер от ужаса. Молчание. И дальше говорить ничего не могу. Молотов на меня смотрит сквозь пенсне и моргает от испуга. Молчание затягивается до неприличия. (Или мне показалось?)

Но все же я совладал с собой и «поправился»:

— За всех солдат и офицеров союзных армий, выполнивших свой долг в борьбе против фашистской Германии, — наших товарищей по оружию.

Тост понравился, но у меня настроение испортилось на весь вечер. На завтра пошел к Сталину. Он жил в том доме, где я потом жил с семьей.

— Вчера получилась неувязка.

— А что?

— Да вот Черчилля «товарищем» назвал.

— Ничего, — смеется Сталин, — это бывает.

— Нашел себе товарища! — зло бросил Берия.

В марте 1966 года, точно в срок, обусловленный в подписанном договоре, маршал Жуков представил в издательство рукопись объемом 1430 машинописных страниц.

Начался второй круг ее жизни: совместная работа автора с издательством.

Настольной книгой редактора стала шеститомная «История Великой Отечественной войны». Нужно было регулярно следить за военно-мемуарной литературой. Нередко Г. К. Жуков сам присылал книгу к соответствующей главе с указанием: «Прочитайте и скажите свое мнение».

А бывало и так. При очередной встрече прямо с порога тебя встречал вопрос:

— Дашичева читали? Стоящая книга.

И это означало, что до следующей встречи необходимо разыскать и «освоить» эту новую книгу, теперь уже широко известную, представляющую ценнейшие документы второй мировой войны.

При первом же чтении рукописи определились параметры работы. Не хватало фактологического материала в главах о становлении Красной Армии и динамике ее роста в довоенное время. Данные о Ставке и Верховном Главнокомандующем были разбросаны по всей книге, что не создавало целостной картины.

Предстояло искать новые материалы. Так, для доработки главы о Ставке были составлены десятки вопросов, касающихся порядка обсуждения стратегических планов, обстановки кабинета Верховного Главнокомандующего и т. д. Жуков отнесся к этим вопросам крайне внимательно и написал отдельные странички, которые так и назывались: «Вопросы, которые обсуждались в Ставке», «Кабинет Сталина», «Характер и внешний портрет Сталина».

Скомпонованные воедино, дополнения были введены в 10-ю главу первого издания. Подобный метод применялся неоднократно.

Жуков обладал исключительной памятью на лица и фамилии. Он долгие годы помнил множество людей, прошедших через его богатую событиями жизнь. И все-таки при первом же чтении рукописи в ряде мест обнаружилось разного рода расхождения между данными, приведенными в ней, и теми, что содержались в некоторых опубликованных военно-исторических трудах.

Для помощи автору в подготовке книги в Военно-научном управлении Генерального штаба и в Главном политическом управлении были созданы группы военных консультантов. Они внесли на рассмотрение автора и издательства целый ряд предложений и дополнений.

При подготовке второго издания добровольными рецензентами книги Г. К. Жукова стали ее читатели. Автор и издательство за четыре года между первым и вторым изданиями получили в общей сложности более десяти тысяч писем. Их авторы — участники войны и студенты, боевые соратники Жукова, служившие в разные годы под его командованием, и совсем незнакомые люди, военные историки и молодые воины Советской Армии. Советские читатели очень высоко оценили труд автора. Они писали, что книга глубоко взволновала их, заставила испытать чувство законной патриотической гордости за свою Родину, вызвала серьезные раздумья.

Читатели делились своими воспоминаниями, уточняли, предлагали:

«Вы ошибаетесь, уважаемый Георгий Константинович, — писал подполковник в отставке Г. И. Васильев, — генерал-лейтенант Подлас К. П. командовал в то время 57-й армией, а не 6-й, как это у Вас сказано на стр. 398».

«Надо исправить», — помечает Г. К. Жуков на полученном издательством письме.

Бывший главный редактор «Красной звезды» Д. И. Ортенберг, которого

Г. К. Жуков
в 33-й
гвардейской
дивизии.
1946 год.

А. Т. Твардовский
и Г. К. Жуков.

Г. К. Жуков
с женой
Галиной
Александровной
и дочерью
Машей.
Февраль
1968 года.

Г. К. Жуков хорошо знал еще по Халхин-Голу, пишет ему:

«Дорогой Георгий Константинович! ...на стр. 170 надо внести следующие поправки:

1. Исключить фамилии писателей Вишневого и Петрова — они на Халхин-Голе не были.

2. О Ставском написать, что он погиб в 1943 году под Великими Луками — так оно и было...»

Красным фломастером слева на письме крупными буквами Жуков пометил:

«Поправить в книге».

«Исправить». «Дополнить». «Внести во второе издание».

Сколько таких пометок сделано рукой Георгия Константиновича на полях писем вдумчивых читателей, которые приняли книгу об Отечественной войне как свое кровное дело. Неоценимую помощь оказали они в подготовке второго издания.

К письмам читателей Жуков относился с исключительным вниманием

те самого рейхстага, описано правильно.

При описании боев за рейхстаг я и издательство руководствовались приказом Военного совета 1-го Белорусского фронта, копию которого я Вам посылаю. В этом приказе, п. 3, как видите, стоит 171-я дивизия, а затем 150-я. Непосредственное же руководство боем за рейхстаг осуществлял командир 79-го ск генерал-майор Переверткин. Я, как бывший командующий фронтом, в своих воспоминаниях отдаю должное командованию корпусом, командованию 150-й и 171-й дивизий, доблестно выполнивших исторически важную задачу в завершающей операции Великой Отечественной войны.

Честь и слава лично Вам, Василий Митрофанович. Честь и слава всем бывшим бойцам и командирам 150-й и 171-й дивизий, командованию 79-м корпусом и всей 3-й Ударной Армии...

Желаю Вам здоровья и полного благополучия.

Обнимаю Вас по-братски. Г. Жуков».

в Воениздат, ни в Военно-историческом журнале, нигде, куда бы мы ни обращались, не нашлось ни одного человека, который бы согласился стать спецредактором книги прославленного маршала — в то время это, по-моему, могло стоить военной карьеры.

Помню, как по заданию директора издательства я встретилась с полковником С., которого Георгий Константинович знал лично, чтобы просить его об участии в подготовке мемуаров маршала. Было это в кафе «Хрустальном» на Кутузовском проспекте. Мы долго сидели над остывшим кофе, я просила, понимая всю сложность его положения, вести работу анонимно, но он с сожалением отказался. Помню, как я шла домой и плакала. В тот день я поняла, как сложен и, как тогда казалось, безнадежен будет путь прохождения книги одного из тех, кому народы Европы обязаны уничтожением фашизма, национальной гордости России — Суворова и Кутузова наших дней.

Ярым противником издания мемуа-

в предвоенные годы, его личные впечатления от общения с этими военачальниками, с которых он брал пример и у которых учился военной стратегии и тактике, к глубокому сожалению, не увидели свет. Главу эту отстоять не удалось.

Под влиянием времени самим Жуковым смещались акценты и в характеристике И. В. Сталина, и в степени подготовленности нашей к войне, и в ряде других моментов. Шли бесконечные согласования редакторской правки с автором, попытки отстоять те или иные позиции «на верхах», доработка и дополнения, вносимые то автором, то рецензентами. Директор был сверх головы занят издательскими делами. Наше издательство в 60-е годы только набирало силу, задачи перед нами стояли очень важные: создание остропропагандистских произведений, направленных на борьбу с идеологическими противниками на Западе.

Время шло, отсчитывая последние полноценные творческие годы жизни маршала, а работа все продолжалась, и конца и края ей не было видно.

Стараясь щадить Георгия Константиновича, мы часто скрывали от него многие удары, которые обрушивались на автора и его будущую книгу. Георгий Константинович, конечно, понимал, что на нас «нажимают сверху», но весь гнев и раздражение переносил, естественно, на издательство, которое, как он полагал, работу над подготовкой книги вело недостаточно интенсивно.

По строго заведенному порядку издательство АПН направляло Георгию Константиновичу замечания в письменном виде, ответы и авторские дополнения поступали в точно обусловленное время — опозданий он не терпел. Сам маршал был предельно точен. И страшно сердился, когда происходили задержки даже по не зависящим от нас причинам. В этих случаях мы вполне ощущали, что значит «жуковский гнев». Приходилось слышать о суровой требовательности к подчиненным, даже жестокости маршала Жукова во время войны. Нет, Г. К. Жуков не был безрассудно жестоким человеком, тираном, поддающимся беспричинному, необоснованному гневу. Он был справедлив и разумен, но он был человеком долга и дисциплины и прежде всего всегда предъявлял требования (без скидок и снисхождений!) к самому себе. Он просто не понимал, как можно нарушить слово, не выполнить приказ вышестоящего начальника, допустить расхлябанность, опоздать.

Однажды с новым директором издательства В. Я. Лариным мы приехали к Георгию Константиновичу на дачу. Человек деликатный и скромный, Владимир Яковлевич ехал представляться и, конечно, волновался. У ворот замешкались — никак не могли открыть замок, в общем, опоздали минут на десять.

Г. К. Жуков встретил нас мрачно, не здороваясь, выразительно посмотрел на напольные часы и спокойным, ровным голосом произнес:

— Человек, который опаздывает более чем на пять минут, не соответствует занимаемой должности.

Он остался до конца своих дней таким, каким был всегда, — беспрдельно мужественным, сильным, бескомпромиссным. О людях самого высокого ранга судил объективно, невзирая на лица, был в суждениях прямолинеен и никогда не менял свою точку зрения в зависимости от обстоятельств.

Помню, как кто-то из военных консультантов настойчиво предлагал заменить название «Сталинградская битва» «Битвой на Волге» — в то время во всех работах, посвященных этой величайшей в истории второй мировой войны операции, Сталинград именовался Волгоградом или абстрактно «Городом на Волге».

— Я такого города во время войны не знал, — твердо сказал Жуков.

Продолжение следует.

и отвечал каждому. Но очень сердило его, когда он видел, что письмо необъективно. На одном из писем, к примеру, Жуков написал: «Товарищ пытается протолкнуться в историю».

Бывало, что переписка его с корреспондентом приобретала характер острой дискуссии. Так, генерал-лейтенант В. М. Шатилов написал Жукову письмо, в котором утверждал, что основная роль во взятии рейхстага принадлежит 150-й стрелковой дивизии, а не 150-й и 171-й стрелковым дивизиям, как написал об этом Г. К. Жуков в первом издании.

Вот что ему ответил маршал Жуков: «Уважаемый Василий Митрофанович! Ваше письмо относительно штурма рейхстага мною получено. Я очень сожалею, что Вы так больно реагируете на включение в мою книгу «Воспоминания и размышления» 171-й дивизии (полковника. Негоды).

О том, что 171-я дивизия билась за район рейхстага и участвовала в захва-

В издательство же немедленно было направлено письмо следующего содержания:

«Уважаемая Анна Давыдовна!

Для окончательного убеждения генерала Шатилова и его боевых соратников прошу Вас боевое распоряжение командира корпуса Переверткина поместить в текст о взятии рейхстага. Думаю, что лучше всего поместить выше изложения хода боя за рейхстаг.

С уважением Г. Жуков

5.XII.71 г.»

5

Подготовка первого издания заняла три года. Срок мог бы быть значительно сокращен, если бы нам удалось привлечь к спецредактированию военного специалиста.

К сожалению, все попытки привлечь военного специалиста в период подготовки рукописи не увенчались успехом. Ни в Институте военной истории, ни

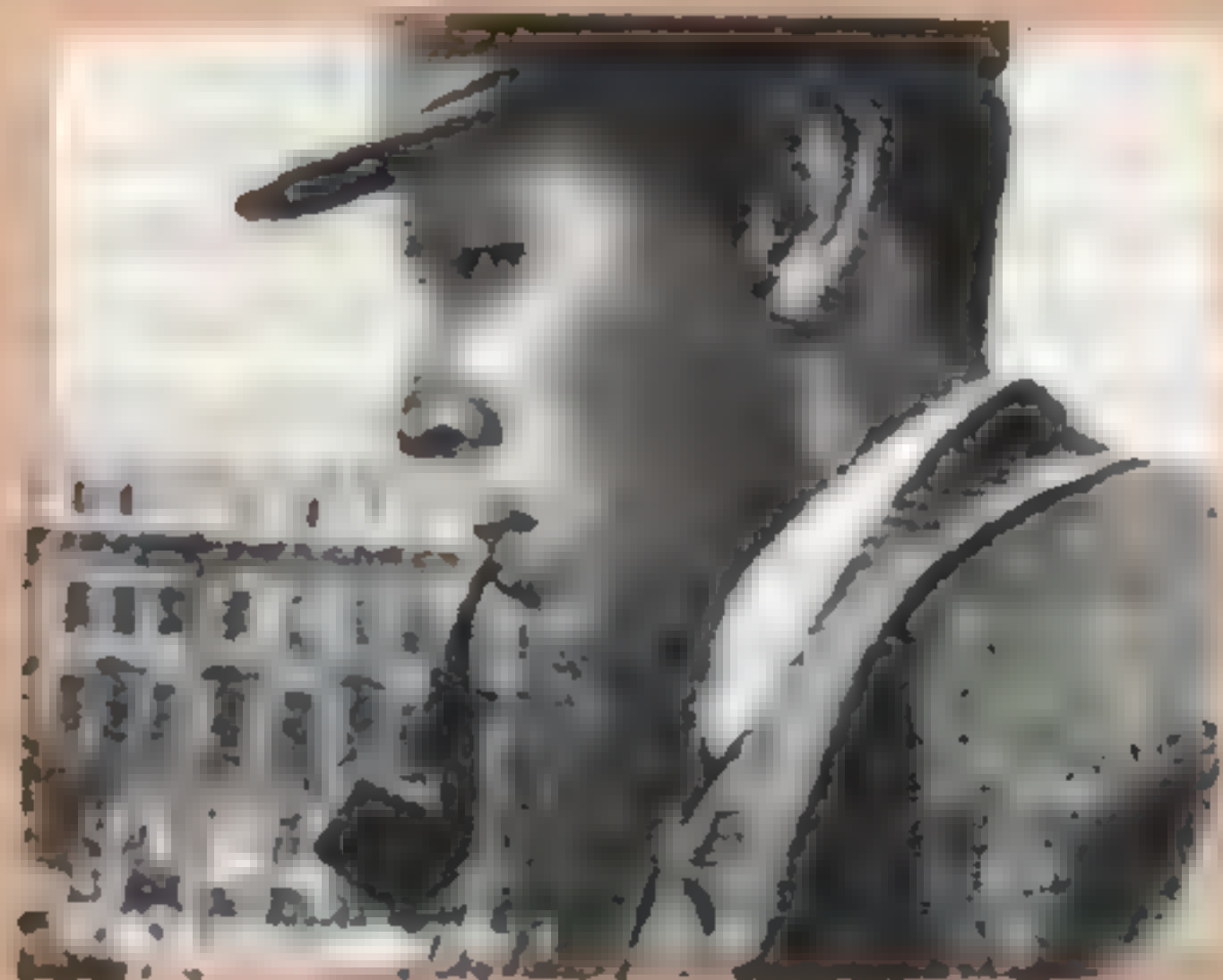
ров Жукова был член Политбюро ЦК КПСС М. А. Суслов, в те годы ведавший идеологией.

В этих сложнейших условиях, которые несказанно раздражали и огорчали Жукова, к тому времени уже перенесшего два инфаркта, шла подготовка первого издания. Конечно, многие замечания рецензентов были справедливы, и маршал их принял без возражений. Имелись и пожелания принципиального характера, на которые он согласиться не мог.

Но были потери невосполнимые. К ним относится прежде всего написанная Жуковым глава о репрессиях 37-го года по отношению к высшему комсоставу Красной Армии. Блестящая характеристика, данная Жуковым талантливейшим советским полководцам — М. Н. Тухачевскому, И. П. Уборевичу, И. Э. Якиру, А. И. Егорову, В. К. Блюхеру и многим другим, глубокий анализ их деятельности в направлении развития советской военной науки и тактики

Даниил ХАРМС

1905—1942

Даниил Хармс (псевдоним Д. Ювачева) участник литературной группы ОБЭРИУ (Обэриуты). Классик абсурдистского гротеска. В эту гротесковую форму, как в доспехи, укрыт протест против совмещенства, торжествующего быдлизма. Автор многих великолепных детских стихов, на которых воспитывалось наше поколение. Незаконно репрессирован.

Фадеев, Калдеев и Пепермалдеев
однажды гуляли в дремучем лесу.
Фадеев в цилиндре, Калдеев в перчатках,
а Пепермалдеев с ключом на носу.

Над ними по воздуху сокол катался
в скрипучей тележке с высокой дугой.
Фадеев смеялся, Калдеев чесался,
а Пепермалдеев лягался ногой.

Но вдруг неожиданно воздух надулся
и вылетел в небо горяч и горюч.
Фадеев подпрыгнул, Калдеев согнулся,
а Пепермалдеев схватился за ключ.

Но стоит ли трусить, подумайте сами,—
давай мудрецы танцевать на траве.
Фадеев с картонкой, Калдеев с часами,
а Пепермалдеев с кнутом в рукаве.

И долго, веселые игры затеяв,
пока не проснутся в лесу петухи,
Фадеев, Калдеев и Пепермалдеев
смеялись: ха-ха, хо-хо-хо, хи-хи-хи!

18 ноября 1930 года

НЕТЕПЕРЬ

Это есть Это.
То есть То.
Это не То.
Это не есть не Это.
Остальное либо это, либо не это.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Все либо то, либо не то.
Что не то и не это, то не это и не то.
Что то и это, то и себе Само.
Что себе Само, то может быть то, да не это,
либо это, да не то.

Это ушло в то, а то ушло в это. Мы говорим:
Бог дунул.
Это ушло в это, а то ушло в то, и нам
неоткуда выйти и некуда прийти.
Это ушло в это. Мы спросили: где?

Нам пропели: тут.
Это вышло из Тут. Что это? Это То.
Это есть то.
То есть это.
Тут есть это и то.
Тут ушло в это, это ушло в то,
а то ушло в тут.

Мы смотрели, но не видели.
А там стояли это и то.

Там не тут.
Там то.
Тут это.
Но теперь там и это и то.
Но теперь и тут это и то.
Мы тоскуем и думаем и томимся.

Где же теперь?
Теперь тут, а теперь там, а теперь тут,
а теперь тут и там.

Это быть то.
Тут быть там.
Это, то, тут, там, быть, Я, Мы, Бог.

29 мая 1930 года

Александр ВВЕДЕНСКИЙ

1904—1941

Выдающийся создатель своего уникального поэтического театра абсурда. Пожалуй, самый близкий к Хармсу поэт. Однако существуют щелчки между Введенским и ранним Заболоцким. Введенский и Хармс, безусловно, заслуживают издания отдельными книгами, ибо не к лицу нам, что в то время как на Западе о них пишутся диссертации, у нас их почти не знают. Незаконно репрессирован.

ЭЛЕГИЯ

Так сочинилась мной элегия
о том, как етал на телеге я

Осматривая гор вершины,
их бесконечные аршины,
вином налитые кувшины,

весь мир, как снег, прекрасный,
я видел темные потоки,
я видел бури взор жестокий,
и ветер мирный и высокий,
и смерти час напрасный.

Вот воин, плавая навагой,
исполнен важною отвагой,
с морской волнующейся влагой
вступает в бой неравный.
Вот конь в волшебные ладони
кладет огонь лихой погони,
и пляшут сумрачные кони
в руке травы державной.
Где лес глядит в полях просторы,
в ночей несложные уборы,

а мы глядим в окно без шторы
на свет звезды бездушной,
в пустом смущенье чувства прячем,
а в ночь не спим, томимся, плачем.
мы ничего почти не значим,
мы жизни ждем послушной.

Нам восхищенье неизвестно,
нам туга, пасмурно и тесно,
мы друга предаем бесчестно,
и Бог нам не владыка.
Цветок несчастья мы взрастили,
мы нас самим себе простили,
нам, тем, кто, как зола, остыли,
милей орла гвоздика.

Я с завистью гляжу на зверя,
ни мыслям, ни делам не веря,
умов произошла потеря,
бороться нет причины.
Мы все воспримем как паденье,
и день, и тень, и наслажденье,

СТРАСТЬ

Я не имею больше власти
таить в себе любовные страсти.
Меня натура победила,
я, озверев, грызу удила,
из носа дым валит столбом
и волос движется от страсти надо лбом.

Ах если б мне иметь бы галстук нежный,
скюртук из сизого сукна,
стоять бы в позе мне небрежной,
смотреть бы сверху из окна,
как по дорожке белоснежной
ко мне торопится она.

Я не имею больше власти
таить в себе любовные страсти,
они кипят во мне от злости,
что мой предмет любви меня к себе
не приглашает в гости.

Уже два дня не видел я предмета.
На третий кончу жизнь из пистолета.

Ах, если б мне из Эрмитажа
назло соперникам-врагам
украсть бы пистолет Лепажу
и, взор направив к облакам,
вдруг перед ней из экипажа
упасть бы замертво к ногам.

Я не имею больше власти
таить в себе любовные страсти,
они меня как лист иссушат,
как башню временем, разрушат,
нарвут на козьи ножки, с табаком раскурят,
сотрут в песок и измечуют.

Ах, если б мне предмету страсти
пересказать свою тоску,
и, разорвав себя на части,
отдать бы ей себя всего и по куску,
и быть бы с ней вдвоем на много лет
в любовной власти,
пока над нами не прибьют могильную доску.

7 января 1933 года

и даже музыки гуденье
не избежит пучины.

В морском прибое беспокойном,
в песке пустынном и нестройном
и в женском теле непристойном
отрады не нашли мы.
Беспечную забыли трезвость,
воспели смерть, воспели мерзость,
воспомянем мним как дерзость,
за то мы и палимы.

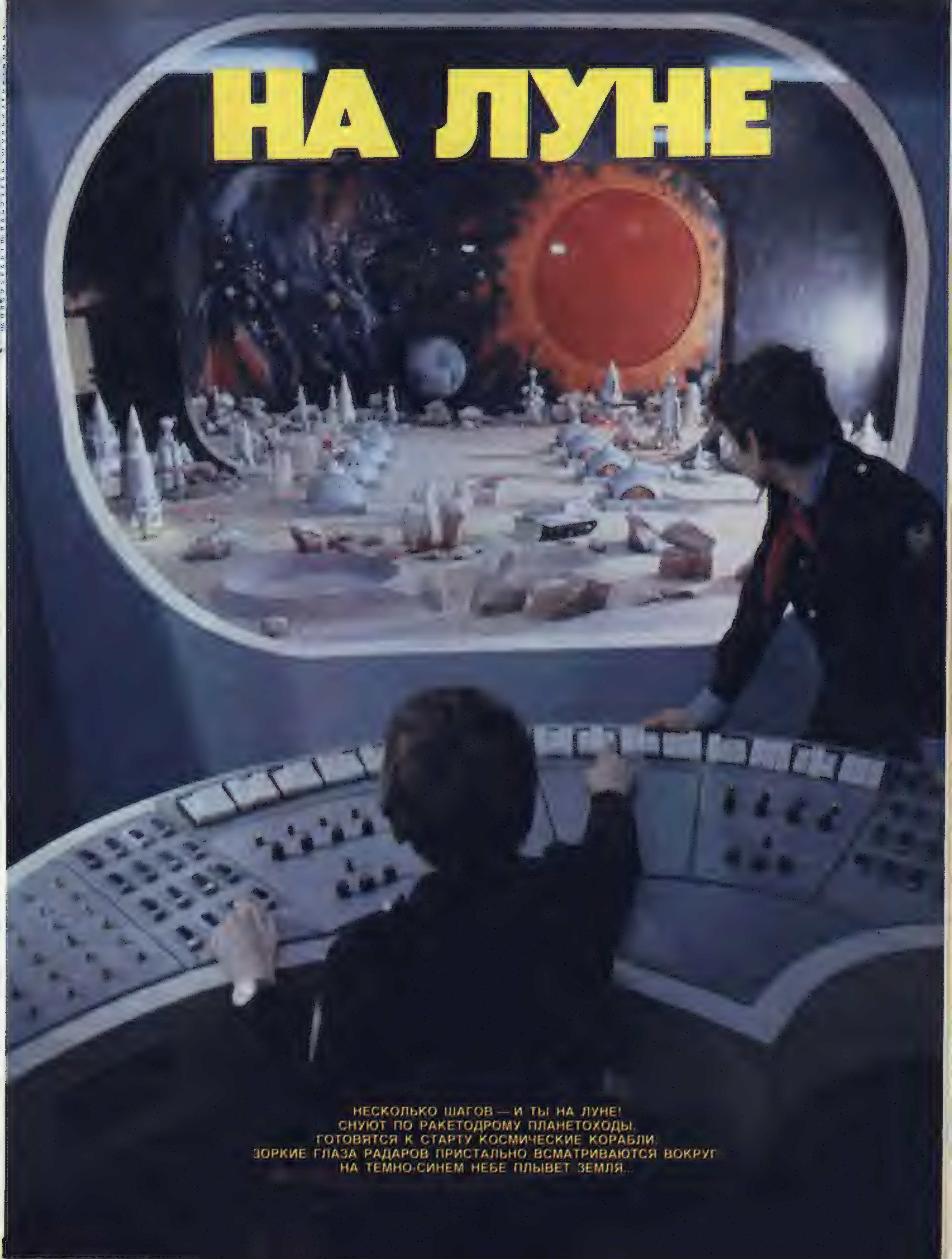
Летят божественные птицы,
их развеваются косицы,
халаты их блестя, как спицы,
в полете нет пощады.
Они отсчитывают время,
они испытывают бремя,
пускай бренчит пустое стремя —
сходить с ума не надо.

Пусть мчится в путь ручей хрустальный,
пусть рысью конь спешит зеркальный,
вдыхая воздух музыкальный —
вдыхаешь ты и тленье.
Возница хилый и сварливый,
в вечерний час зари сонливой,
гони, гони возок ленивый —
лети без промедленья.

Не плещут лебеди крылами
над пиршественными столами,
совместно с медными орлами
в рог не трубят победный.
Исчезнувшее вдохновенье
теперь приходит на мгновенье,
на смерть, на смерть держи равненье
поэт и всадник бедный.

1940

НА ЛУНЕ

НЕСКОЛЬКО ШАГОВ — И ТЫ НА ЛУНЕ!
СНУЮТ ПО РАКЕТОДРОМУ ПЛАНЕТОХОДЫ.
ГОТОВЯТСЯ К СТАРТУ КОСМИЧЕСКИЕ КОРАБЛИ.
ЗОРКИЕ ГЛАЗА РАДАРОВ ПРИСТАЛЬНО ВСМАТРИВАЮТСЯ ВОКРУГ
НА ТЕМНО-СИНЕМ НЕБЕ ПЛЫВЕТ ЗЕМЛЯ...

Зоя КРЯКВИНА,
фото Михаила САВИНА.

Мы в космическом музее одной из таганрогских средних школ. Каждому, кто впервые приходит сюда, не верится, что все увиденные чудеса — дело ребячьих рук. Впрочем, чудеса вполне достоверные, рассказанные землянам космическими аппаратами. Дышат жаром раскаленные камни Венеры. Пустынный Марс...

Продолжение на стр. 25.

ЭТИ ЧУДЕСА
КОСМИЧЕСКОЙ
ТЕХНИКИ
СОЗДАНЫ
ТАГАНРОГ-
СКИМИ
ШКОЛЬ-
НИКАМИ,
ВОЗМОЖНО,
КОНСТРУК-
ТОРАМИ
XXI ВЕКА.

ЗА ВНЕШНЕЙ СДЕРЖАННОСТЬЮ
ПРОЧИТЫВАЕМ МЫ СКРЫТЫЕ
ОТ СУЕТНЫХ ВЗГЛЯДОВ
РАДОСТЬ И ДУШЕВНУЮ МУКУ
ГЕРОИНЬ ЕЛЕНЬ САФОНОВОЙ
УГАДЫВАЕМ ТЕМУ ЖЕНСКОГО
ОДИНОЧЕСТВА, СТРЕМЛЕНИЕ
К УСКОЛЬЗАЮЩЕЙ
ИСТИННОСТИ ЧУВСТВ.

...И ПОЛОВОДЫЕ ЧУВСТВ

Есть такое упражнение для начинающих актеров на развитие фантазии: надо придумать костюмы, которые подошли бы твоему товарищу. Поскольку «одевать» предлагаемую модель надо устно, то выбор богатейший — одежды всех времен и народов, от набедренной повязки до скафандра космонавта. Одному явно подходит костюм пирата, другому к лицу лавровый венец и тога, а на третьем как влитые сидят и камзол испанского гранда, и казачья папаха, и костюм «металлиста» эпохи брейк-данса... Но если бы пригласить на этот воображаемый карнавал актрису Елену Сафонову — ту самую, что в «Зимней вишне», «Очной ставке» и «Софье Ковалевской», — я бы, пожалуй, оказался в некотором замешательстве. Ее экранные героини слились для меня в некий собирательный образ эталонной серьезной, неприступной, сосредоточенной на чем-то очень важном для нее дамы, к которой с легкомысленными «переодеваниями» и подступиться-то как-то неловко.

И все же попробую на минуту ощутить себя модельером. Безусловно, Сафонова подходит классический стиль — это вообще азбука хорошего вкуса в одежде (зная некоторые сценарии, от которых актриса отказалась, смею надеяться, что вкус у нее есть). Костюмы прошлого века подчеркивают хрупкость и утонченность героинь Елены Сафоновой, их непрерывный поиск гармонии с окружающим миром, что убедительно доказали недавние ленты «Филер», «Шерлок Холмс в XX веке» и виденная пока лишь немногими итальянская картина по Чехову «Очи черные». Не выглядят на ней чужеродными и старинные восточные одеяния, как убедил нас фильм «Возвращение Баттерфляй», где героиня Е. Сафоновой — певица Соломея Крушельницкая появляется в образе несчастной Чию-Чию-сан. Кимоно и элементы восточного грима делают более трепетным и насыщенным драматизм духовной жизни героини. Пожалуй, подошли бы ей и наряды 20—30-х годов.

А вот в каком костюме я не могу представить эту артистку? Пожалуй, в деревенском одеянии (это говорю со всем уважением к народному костюму), в военной форме, в костюме атамани разбойников. Это все как бы «из другой оперы», не ее амплуа. Хотя кто знает! Внешность этой актрисы, казавшаяся поначалу зрителям и кинорежиссерам довольно специфической — твердая складка не улыбающихся губ, усталый взгляд глубоко посаженных глаз, какая-то угловатость, жесткость во всем облике, — оказывается теперь все более универсальной и многозначной. За сдержанностью внешних проявлений мы прочитываем скрытые от суетных нескромных взглядов радость и душевную муку героинь Елены Сафоновой, прочитываем тему женского одиночества, стремление к ускользающей истинности чувств...

Она запомнилась мне в фильме «Ищу мою судьбу», снятом в середине 70-х. Остроносая испуганная девушка, которую закрутило в житейском море и которая сама еще не знает своих сил.

В той ленте, снятой (как и многое тогда) на заданную тему — в данном случае антирелигиозную, все черное и белое было обозначено четко и ясно, что не помешало самой картине остаться достаточно «серой». Перепевая мотивы фильмов «Тучи над Борском» и «Чудотворная», она рассказывала историю о том, как агрессивная набожная тетка пыталась обратить юную племянницу в свою веру. Но хрупкая, не очень уверенная в себе Люба, которая должна была, кажется, сразу «сломаться», проявляет недюжинную силу воли, противостоя «чуждым влияниям»... В моей зрительской биографии фильм глубокого следа не оставил, и не думаю, что он заставил кого-либо изменить свои религиозные убеждения, но найти свою судьбу юной москвичке Лене Сафоновой он помог.

Может быть, к кинематографу, к актерству она так или иначе пришла бы и потом: сказались бы и творческая атмосфера, в которой Елена выросла, и родительские гены. Мама у нее — ассистент режиссера на киностудии, отец — известный артист Всеволод Сафонов, в духовном родстве с героями которого — интеллигентными, душевно стойкими, благородными — находятся многие героини дочери: мы видим это теперь все отчетливее.

Правда, в школьные годы становиться актрисой она вовсе не собиралась, даже в драмкружок не тянуло. Да и дома убеждали, что ее призвание — иностранные языки. Но так случилось, что мосфильмовской съемочной группе нужна была исполнительница лет шестнадцати. Кто-то вспомнил, что у их коллеги Сафоновой есть дочь-десятиклассница, и в числе прочих претендентов попросили привести ее на пробы.

Понимая, что играть она не умеет, Лена попыталась просто быть самой собой, четко выполнить задачу — и была на роль Любы утверждена... Потом в ее творческой биографии были и уход с актерского факультета ВГИКа, где Е. Сафонову не устроил метод обучения; и переезд в Ленинград, работа там после окончания ЛГИТМиКа в труппе известного театра имени В. Ф. Комиссаржевской (на сцене ей приходилось становиться героинями пьес «Обыкновенная история», «В списках не значится», «Бег», «Как важно быть серьезным»); и неожиданно громкий успех после съемок у И. Масленникова в «Зимней вишне», и — как наивысший подарок судьбы на сегодня — партнерство в «Очах черных» с Марчелло Мastroяни, звездой мировой величины. Впрочем, впечатление у нее от собственных успехов, как признается Елена, странное: «Кажется даже, что все это происходит не со мной — призы, интервью, письма зрителей».

Сомнение в том, что «это уже умеешь делать», неудовлетворенность сделанным — далеко не бесполезные попутчики художника. Думаю, что актриса понимает: бывают роли обязательные, принципиальные для выражения твоего творческого кредо и необязательные, проходные, которые потом посмотришь на экране и у самого исполнителя нет желания. В служебном списке Сафоновой, на мой взгляд, далеко не обязательным было появление в кар-

тинах «Двое под одним зонтом», «Меньший среди братьев», «Чужой звонок», кое-что еще. Но актерский труд — всегда поиск, а, как известно, далеко не каждая экспедиция приносит результат...

Результат, конечно, важен, но формирует нас, как правило, трудный, порой горький и болезненный путь к нему. А путь этот в актерском деле настолько эфемерен, неконкретен, что описать его почти невозможно: что может рассказать актриса о том, как она «превращается» в леди Макбет или Нину Заречную; что может рассказать актер о том, как он вдруг начинает слышать в себе биение крови Григория Мелехова или чутя закипание тайных страстей Ивана Грозного? Как? Сказать, какая мышца у них вдруг сжалась, какой образ вдруг промелькнул в мозгу? Но образ этот может оказаться самым нелепым — какая-нибудь перебранка на кухне или пустая пачка из-под сигарет, катящаяся под холодным ветром по мокрой мостовой. И все же именно это, неожиданно для самого исполнителя, подскажет ему нужное самочувствие, и слово родится живое, и поворот головы уже не твой, а того нового человека, который вошел в тебя, диктует тебе свои поступки и мысли. Тут многое необъяснимо, как чудо. Просто получается — и все. Или не получается. Впрочем, как правило, зрителю все это не очень интересно, ему подавай курьезы в жизни актера. Что ж, если надо, можно вспомнить и что-нибудь курьезное.

Например, съемки в «Софье Ковалевской». Как был потрясен академик, к которому актриса приехала на консультацию по вопросам математики, тем, что роль Ковалевской, крупнейшего ученого, поручена столь молодой «непредставительной» артистке, которая и в науке-то, что говорится, «ни бум-бум». Как на одной из первых съемок смело встала на коньки, считая, что раз в детстве занималась фигурным катанием, то старые навыки помогут. Но упала. Да так неудачно, что сломала руку, и добрую треть фильма играла в гипсе, маскируя его перед кинокамерой то муфтой, то накидкой, то платком...

— Надо признаться, с героиней этой ленты, как и с Крушельницкой из «Возвращения Баттерфляй», у меня было мало общего, — размышляет Елена. — Обе они отказались от личного счастья ради своего дела. Я бы, пожалуй, так не смогла прожить.

Многие зрители интересовались: похожа ли она на Ольгу из «Зимней вишни»? Об этом при встрече я тоже спросил актрису; ведь образ этой героини, которая самостоятельно растит сынишку, но отдает «жар замороженных чувств» не респектабельному, со всех сторон положительному жениху, а человеку, который вовсе того не заслужил, очень непрост.

— Во многом я похожа на Ольгу, — сказала Сафонова. — По себе знаю, что такое развод; как потом бывает тосливо, страшно. Мне понятны замкнутость Ольги, ход ее мыслей. Я немало встречала похожих женщин, есть они и среди моих подруг. Они достаточно самостоятельны, стойко переносят одиночество. Но без любви жизнь для них во многом теряет смысл... Ольге

нужны ласка, радость, она очень непосредственна в своих поступках. Но если ей порой близки печаль и слезы, то я человек более жизнерадостный, веселый...

Услышать это, признаться, было неожиданно. Образы рассудительных, серьезных даже в опрометчивых поступках див, созданные артисткой на экране, как бы вытеснили в нашем сознании многие другие возможные проявления характера. Ведь какие уж тут кокетство, смешливость, легкомыслие, если все героини Елены Сафоновой находятся в зыбком и драматическом положении — как бы в лодке посреди реки. И без весел. С одной стороны, они растеряны и беспомощны, с другой — готовы грести даже ладонями, да не знают, в какую сторону плыть, к какому берегу. В такой ситуации находятся и жена преподавателя гимназии, оказавшегося за сочувствие «неблагонадежным» учащимся без средств к существованию («Филер»); и полюбившая иностранца провинциальная барынька, тяготящаяся своим замужеством («Очи черные»); и женщина — наша современница, — которая начинает догадываться, что муж охладел к ней (короткометражка «Инфанти»). Роли такого плана выстраиваются исполнительницей на полтонах, нюансах, намеках. Какие уж тут, казалось бы, «буйство глаз и полноводье чувств»?! Ан нет, все совсем наоборот.

Кстати, о глазах Сафоновой. Это особая тема. Многие считают, что глаза — основной инструмент ее игры. «Они страдают, улыбаются, ищут — то любви, то уважения», — писал американский критик Фелисити Барринджер. Вторил ему и партнер актрисы по «Зимней вишне» Виталий Соломин: «Природа наделила Лену удивительно выразительными глазами, способными передавать сложные движения души. Елена Сафонова — актриса скорее кино, чем театра. Ей нужен крупный план. Только кинокамера способна уловить разнообразие состояний, нюансы чувств в ее глазах».

Но не будем говорить о каком-то необыкновенном даре актрисы, о гениальных озарениях и «предельно глубоком проникновении в самые потаенные уголки души персонажей». Мы слишком часто в прошлые годы «разбрасывали» подобные дифирамбы направо-налево. Талантов от этого не прибавилось... Не хотелось бы в связи с творчеством Сафоновой употреблять и термин «крепкий профессионал» — в нем есть что-то холодное, прагматичное. Ведь истинное искусство — это всплеск, вспышка, неожиданность. Думаю, на подобные вспышки Елена способна, однако это вовсе не означает, что она может «вытянуть» любую тему, любой драматургический материал. Но может тем не менее многое...

Стоп. А стоит ли продолжать эти рассуждения? Не лучше ли просто спросить себя: хочется ли мне увидеть новые работы Елены Сафоновой? Да, да, очень хочется — и в «Избраннике судьбы», и в комедии «Где находится ноефелет?», и в новой картине И. Масленникова «Продление рода», работой в которой актриса очень дорожит.

Борис СЛУЦКИЙ

ИСТОРИИ БОЛЬШАЯ

В том, что смерть физическая не означает смерти духа, легко убедиться, открывая сегодняшние журналы, где с радующей обстоятельностью публикуются все новые и новые стихи Бориса Слуцкого. Подборки эти значительно щедрее и острее прижизненных. Поэт продолжает говорить — причем серьезно и «по делу». Вот в самом конкретном проявлении чудо поэзии. Литература, как сказано, — лучшая история. Стихи Слуцкого — подтверждение тому. На ум приходит слово летописец. Но оно в нашем представлении связано со свечным огарком да гусиным пером. А Слуцкий — летописец «вчерашней современности», он писал новейшую историю, до недавней поры заповедную и опальную, как кибернетика и генетика в период сталинизма. Этим во многом объясняется феномен Слуцкого: у известного советского поэта, представителя прошедшего войну поколения, оказались неизданными при жизни многие сотни замечательных стихотворений. Груз неизданного был тяжок и стал одной из главных причин долгой болезни Слуцкого, которая социально проявилась в его категорическом нежелании участвовать в «литпроцессе»:

...Ценности нынешнего дня:
уценяйтесь, переоценяйтесь,
реформируйтесь, деформируйтесь,
пародируйте, деградируйте,
но без меня, без меня, без меня.

Сверхзадача, поставленная перед собой, — написать буквально обо всем существенном, что происходило с Родиной и народом, что опалило душу, — сделала Слуцкого большим поэтом.

Слуцкий создал собственный мир, собственный стих. Он нашел свой способ вмести в стихи то, что до него из строки выпадало. Пожалуй, сейчас Борис Слуцкий — самый действующий современный поэт. Дело не в числе публикаций, а в нравственном потенциале его стихов, в острой необходимости того, о чем он с нами говорит.

Олег ХЛЕБНИКОВ

Трибуна

Вожди из детства моего!
О каждом песню мы учили,
пока их не разоблачили,
велел не помнить ничего.
Забывать мотив, забыть слова,
чтоб не болела голова.

...Еще столица — Харьков. Он еще владычен и державен. Еще в украинской державе генсеком правит Косиор. Он мал росточком, коренаст и над трибуной чуть заметен, зато лобаст и волей мечен и спуску никому не даст.

Иона, рядом с ним, Якир с лицом красавицы еврейской, с девическим лицом и резким, железным вымахом руки.

Петровский, бодрый старикан, специалист по ходакам, и Балецкий, спец по расправам, стоят налево и направо.

А рядышком: седоволос, высок и с виду — всех умнее Мыкола Скрыпник, наркомпрос. Самоубьется он позднее.

Позднее: годом ли, двумя, как лес в сезон лесоповала, наручниками загремя, с трибуны загремят в подвалы.

Пройдет еще не скоро год, еще не скоро их забудем, и, ожидая новых льгот, мы, площадь, слушаем трибуну.

Низы, мы слушаем верхи, а над низами и верхами проходят облака, тихи, и мы следим за облаками.

Какие нынче облака! Плынут, предчувствий не тревожа, И кажется совсем легка истории большая ноша.

Как день горяч! Как светел он! Каким весна ликует маем! А мы идем в рядах колонн, трибуну с ходу обтекаем.

Прозаики

Артему Веселому,
Исааку Бабелю,
Ивану Катаеву,
Александру Лебедеву

Когда русская проза пошла в лагерь — в землекопы, а кто половчей — в лекаря, в дровосеки, а кто потолковей — в актеры, в парикмахеры или в шоферы,—

вы немедленно забыли свое ремесло: прозой разве утешься в горе? Словно утлые щепки, вас влекло и несло, вас качало поэзии море.

По утрам, до поверки, смирны и тихи, вы на нарах слагали стихи. От бескормиц, как палки, тощи и сухи,

вы на марше творили стихи. Из любой чепухи вы лепили стихи. Весь барак, как дурак, бормотал, подбирая рифму к рифме и строчку к строке. То начальство стихом до костей пробирал, то стремился излиться в тоске.

Ямб рождался из мерного боя лопат, словно уголь, он в шахтах копался, точно так же на фронте из шага солдат он рождался и в строфы слагался.

А хорей вам за сахар заказывал вор, чтобы песня была потягучей, чтобы длинной была, как ночной разговор, как Печора и Лена — текучей.

А поэты вам в этом помочь не могли, потому что поэты до шахт не дошли.

Немка

Ложка, кружка и одеяло. Только это в открытке стояло.

— Не хочу. На вокзал не пойду с одеялом, ложкой и кружкой. Эти вещи вещают беду и грозят большой заварушкой.

Наведу им тень на плетень. Не пойду.— Так сказала в тот день в октябре сорок первого года дочь какого-то шваба или гота,

в просторечии немка; она подлежала тогда выселению. Все немецкое население выселялось. Что делать, война.

Поначалу все же собрав одеяло, ложку и кружку, оросив слезами подушку, все возможности перебрав: — Не пойду! (с немецким упрямством) Пусть меня волокут тягачом! Никуда! Никогда! Нипочем!

Между тем надежно упрятан в клубы дыма, Казанский вокзал, как насос, высасывал лишних из Москвы и окраин ближних, потому что кто-то сказал, потому что кто-то велел. Это все исполнялось прытко. И у каждого немца белел желтоватый квадрат открытки.

А в открытке три слова стояло: ложка, кружка и одеяло.

Но, застав одеялом кровать, ложку с кружкой упрятав в буфете, порешила не открывать никому ни за что на свете немка, смелая баба была.

Что ж вы думаете? Не открыла, не ходила, не говорила, не шумела, свету не жгла, не храпела, печь не топила. Люди думали — умерла.

— В этом городе я родилась, в этом городе я и подохну: стихну, онемею, оглохну, не найдет меня местная власть.

Как с подножки, прыгнув с судьбы, зиму всю перезимовала, летом собирала грибы, барахло на толчке продавала и углы в квартире сдавала. Между прочим, и мне.

Дабы в этой были не усомнились, за портретом мужским хранились документы. Меж них желтел той открытки прямоугольник.

Я его в руках повертел: об угонях и о погонях ничего. Три слова стояло: ложка, кружка и одеяло.

Бухарест

Капитан уехал за женой в тихий городок освобожденный, в маленький, запущенный, ржаной, в деревянный, а теперь сожженный. На прощанье допоздна сидели, карточки глядели. Пели. Рассказывали сны.

Раньше месяца на три недели капитан вернулся — без жены. Пирог, что повара пекли, выбросить велит он поскорее и меняет мятые рубли на хрустящие, как сахар, леи.

Белый снег валит над Бухарестом, Проститутки мерзнут по подъездам.

Черноватых девушек расспрашивая, ищет он, шатаясь день-деньской, русую или хотя бы крашеную, но глаза чтоб серые, с тоской.

Русая или скорее крашеная понимает: служба будет страшная. Денег много и дают вперед. Вздрагивая, девушка берет.

На спине гостиничной кровати голый, словно банщик, купидон.

— Раздевайтесь. Глаз не закрывайте,— говорит понуро капитан.

НОЩА

— Так ложитесь. Руки так сложите. Голову на руки положите.
— Русский понимаешь?
— Мало очень.
— Очень мало, — вот как говорят.

Черные испуганные очи
из-под черной челки не глядят.

— Мы сейчас обсудим все толково. Если не поймете — не беда. Ваше дело — не забыть два слова: слово «нет» и слово «никогда». Что я ни спрошу у вас, в ответ говорите: «никогда» и «нет».

Белый снег всю ночь валом валит,
только на рассвете затихает.
Слышно, как газеты выкликают
под окном горластый инвалид.

Слишком любопытный половой,
приникая к щелке головой,
снова,
снова,
снова

слышит ворох
всяких звуков, шарканье и шорох,
возгласы, названия газет
и слова, не разберет которых, —
слово «никогда» и слово «нет».

ТЕРПЕНЬЕ

Сталин взял бокал вина
(может быть, стаканчик коньяка),
поднял тост, и мысль его должна
сохраниться на века:
За терпенье!

Это был не просто тост
(здравиям уже пришел конец).
Выпрямившись во весь рост,
великанам воздавал малец
за терпенье.

Трус хвалил героев не за честь,
а за то, что в них терпенье есть.

— Вытерпели вы меня, — сказал
вождь народу. И благодарил.
Это молча слушал пьяных зал.
Ничего не говорил.
Только прокричал: «Ура!»
Вот каковская была пора.

Страстотерпцы выпили за страсть,
выпили и закусили всласть.

Мягко спали и сладко ели,
износили кучу тряпья,
но особенно надоели,
благодарности требуя.

Надо было, чтоб руки жали
и прочувствованно трясли.
— А за что?
— А не сажали.
— А сажать вы и не могли.

Все талоны свои отоварьте,
все кульки унесите к себе,
но давайте, давайте, давайте
не размазывать о судьбе,

о какой-то общей доле,
о какой-то доброй воле
и о том добре и зле,
что чинили вы на Земле.

Польский гонор и еврейский норов
вежливость моя не утаит.
Много неприятных разговоров
мне еще, конечно, предстоит.

Будут вызывать меня в инстанции,
будут голос повышать в сердцах,
будут требовать и, может статься,
будут гневаться или сердчать.

Руганный, но все-таки живой,
уличенный в дерзостном обмане,
я уйду с повинной головой
или кукиш затаив в кармане.

Все-таки живой! И воробы,
оседлавшие электропроводку,
заглушат и доводы мои,
и начальственную проработку.

Пошуми мне, судьба, Расскажи,
до которой дойду меж.
Отзови ты меня в сторонку,
дай прочесть мою похоронку,
чтобы точно знал: где, как,
год, месяц, число, место.
А за что, я знаю и так,
об этом рассуждать неуместно.

НАТЯГИВАТЬ НЕ СТАНЕМ УДИЛА

Натягивать не станем удила,
поводья перенапрягать не станем,
а будем делать добрые дела
до той поры, покуда не устанем.

А что такое добрые дела,
известно даже малому ребенку.
Всех, даже основных адептов зла,
не будем стричь под общую гребенку.

Ну что мы в самом деле все орем?
Где наша терпеливость, милость,
жалость?

В понятие «проступок» уберем,
что преступлением обозначалось.

По году наказания скостим,
и сложность апелляции упростим,
и сахару хоть по куску прибавим —
и то в веках себя прославим.

Публикация Ю. БОЛДЫРЕВА.

Наш поселок городского типа Полесское — небольшой райцентр.

Все предприятия, колхозы, совхозы автотранспортом обеспечены полностью. Сообщение между селами и хозяйствами нормальное. Однако в хозяйствах еще есть грузовой транспорт без водителей.

А вот легковой — служебный (личный на гособеспечении, говорят в народе) обеспечен водителями на все сто процентов. И такого транспорта в районе около 150 машин.

Начинается рабочий день: дети в школу, садик, ясли. Папы, мамы на работу — кто пешком, кто автобусом, а кто на велосипеде. И всех обгоняют или летят навстречу легковые черные и белые «Волги», «Нивы», «Жигули». Взрослые и дети между собой шушукуются — это повезли нашего «шефа», «папу», «маму»... И так каждый день: на работу, на обед, с обеда и домой после работы.

В райцентре совещание или заседание, а вокруг мотается не менее 15—20 машин.

А в выходные и праздничные дни служебные машины подчас превращаются в семейные. Все работающее население страны проезд на работу и с работы оплачивает, а лица, пользующиеся служебной машиной, нет.

«Везунов» на легковых машинах необходимо сократить, а может, и ликвидировать раз и навсегда вплоть до областного масштаба. Польза будет большая и для экономики, и для морали нашего общества.

И. И. ТКАЧ,
член КПСС с 1945 года
пгт Полесское Киевской области

Хочу рассказать о случае, который произошел со мной в 1973 году. Работал я тогда учителем в школе. Каждую осень по 2—3 месяца мы выезжали на сбор хлопка. С 7 утра до 7 вечера дети собирали хлопок. Я был со школьниками 8-го класса. Вдруг к кромке поля подъезжают черные «Волги». Оттуда выходят второй секретарь ЦК КП Узбекистана Ломоносов, секретарь Самаркандского обкома партии Усманов и другие. Ломоносов спрашивает у детей, сколько килограммов хлопка собрали. Они ответили. А потом обращается ко мне: «Чем их кормите?» Я ответил как есть: «Утром сладкий чай с хлебом, в обед тоже, а вечером макаронный суп без мяса». Ломоносов возмущен и говорит: «За 50 копеек можно давать им по 2 раза суп с мясом и еще компот». И тогда я ему сказал: «Вы, товарищ

Ломоносов, на небе живете или на земле?»

Секретарь обкома Усманов начал кричать: «Кто это такой, кто его поставил детьми руководить? — А потом говорит стоящему рядом Максумову: — Уберите его отсюда». Я спрашиваю: «Как это уберете? Мне что, нельзя правду говорить?»

Так они и ушли. Через час прибегают испуганные директор и заведующий роно, стали говорить мне, что, мол, теперь тебя посадят. В то время казалось всем сверхъестественным говорить правду. Потом столько разговоров было, что «какой-то молодой учитель сказал правду». А я думаю, что, если бы все говорили эту правду, не было бы ни «хлопковых дел», ни приписок.

Р. ХУСНУДИНОВ
Самарканд

Недавно в передаче ЦТ «Перестройка и культура» на прямые вопросы телезрителей, касающиеся творчества В. Высоцкого, были даны такие ответы, из которых следует, что никто стихов его для издания не предлагал и никто ему в приеме в члены Союза писателей не отказывал?! Как же быть с утверждениями, например, В. Надеина в статье «Голос Высоцкого» («Известия», 25.01.87) и А. Вознесенского в статье «Признание» («Труд», 24.01.88), где говорится, что такие отказы были? Кто солгал? Где истина?

Вопросы эти, видимо, волнуют не только меня — давнего и убежденно почитателя его таланта, но многих читателей. Хочется понять, как случилось, что сегодня восстанавливается истина 50-летней давности, а информация 10-летней давности, когда живы почти все «действующие лица», запутана? Возможно, причина как раз в том и состоит, что имеют еще влияние те, кто допустил такое. Ведь появились уже и теории о «неизбежности» такой судьбы большого таланта, о его «обреченности». Не верю я в эту мистику! У нее, наверное, есть конкретные имена. Так давайте же их назовем.

В. ЧЕРНЫШОВ
Белорецк

Мы стали часто говорить о человеческом факторе, основой которого является глубокое знание психологии. А в ней-то мы значительно отстаем. Книг по психологии мало.

Например, изданная в Киеве издательством «Высшая школа» книга К. Леонгарда «Акцентуированные личности», которая должна быть настольной книгой каждого преподавателя и врача, в читальном зале областной библиотеки Омска имеется в одном экземпляре.

Кроме того, пора бы снять опалу и с З. Фрейда. Тем более что попытки к этому уже есть.

Знание Фрейда помогло писателю М. М. Зощенко выложить свою неврастенику, что он талантливо описал в «Повести о разуме».

Если широкий круг нашего общества будет знать Фрейда, то имя этого психолога не будет так часто употребляться всуе.

Е. М. ЗАХАРОВ
Омск

Наш адрес:
101456,
ГСП, Москва,
Бумажный
проезд, 14.

В ТЕНИ МОНУМЕНТА

ИСТОРИКИ СЕГОДНЯ, КАК НИКОГДА, ПОЖАЛУЙ, ИНТЕНСИВНО ВОССТАНАВЛИВАЮТ НЕДАВНЕЕ НАШЕ ПРОШЛОЕ. КАК РЕСТАВРАТОРЫ, ОНИ СЛОЙ ЗА СЛОЕМ СНИМАЮТ НАПЛАСТОВАНИЯ ЛЖИ С СОБЫТИЙ, ФАКТОВ, ЯВЛЕНИЙ. И ПРЕДСТАВЛЯЮТ НАМ, СВОИМ СОВРЕМЕННОКАМ, ДАЛЕКО НЕ ТАКУЮ БЛАГОПОЛУЧНУЮ КАРТИНУ ПРОШЕДШЕГО, КАКОЙ МЫ ЕЕ ВИДЕЛИ В УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ СТРАНЫ. ПОЯВЛЯЮТСЯ ДОКУМЕНТЫ, ДО ТОЛЕ ТЩАТЕЛЬНО СКРЫВАЕМЫЕ, ОБЕРЕГАЕМЫЕ ДО СВЕТЛЫХ ВРЕМЕН, КОТОРЫМИ ОКАЗАЛИСЬ, ПО СЧАСТЬЮ, НАШИ ДНИ. ТОЛЬКО ЗА ИХ ХРАНЕНИЕ В МРАЧНОЕ БЕЗВРЕМЬЕ МОЖНО БЫЛО ПОПЛАТИТЬСЯ СВОБОДОЙ. И, КОНЕЧНО, ОСТАЛИСЬ ЛЮДИ — ЖИВЫЕ СВИДЕТЕЛИ. ЕСЛИ МОЖНО ТАК НАЗВАТЬ ТЕХ, КТО УМУДРИЛСЯ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ СОХРАНИТЬ ЖИЗНЬ И ВЕРУ. ВОПРОКИ УНИЖЕНИЯМ, НЕВЗГОДАМ, РАЗЛУКАМ И БЕЗВОЗВРАТНЫМ ПОТЕРЯМ БЛИЗКИХ. И КАТИЛИСЬ ПО ПРЕДРАССВЕТНЫМ УЛИЦАМ «ЧЕРНЫЕ ВОРОНКИ». ОДИН ИЗ НИХ 14 ИЮЛЯ 1937 ГОДА ПОДЪЕХАЛ К ДАЧЕ, ГДЕ ЖИЛА СЕСТРА МАРШАЛА ТУХАЧЕВСКОГО — ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА...

то произошло спустя тридцать четыре дня после расстрела Миши. Мы, в общем, уже ждали ареста. Не знали за что, но ждали. До причин ли, если подобные вещи происходили вокруг в жуткой последовательности...

А ведь совсем недавно все было иначе. Жизнь шла разнообразная, и интересные события было так много, что сегодня они вспоминаются красочным, пестрым калейдоскопом. Но память острее всего сохраняет эпизоды, связанные с Мишей. О нем написано много книг, в которых преобладают подробности его военных успехов. А я помню детали, так сказать, внутреннего характера. И вот сейчас мне припомнилась такая, о которой почти никто не знает, какой в книгах не отыщешь, пожалуй. Но она прибавляет к его портрету совершенно неожиданный штрих.

Но раньше надо для контраста, что ли, пояснить, что Миша рос мальчиком, мягко говоря, беспокойным, учебой в гимназии себя особенно не обременял. Очень хотел стать военным и поступить в корпус, чего в конце концов и добился. Потом в числе лучших закончил и Александровское училище. И как отличник был определен в Семеновский полк. Это было большое поощрение — зачисление в гвардию.

Началась первая мировая война. Как воевал? За полгода — шесть орденов! А потом в плен угодил. И только в пятый побег его не схватили. Он, кстати, в лагере-крепости Ингольштадт с де Голлем вместе обрелся. Когда генерал спустя многие годы Москву посетил, он все родственников Тухачевского, то есть нас, хотел повидать. Поди ж ты, на весь белый свет твердили, что Тухачевский шпион, а де Голль не поверил...

К чему это я? Объясню. Будто ясен портрет и облик Миши — воин, этаким удалец. Но это — схема, неуверенный набросок. Кто еще помнит — подтвердит, что он очень тонко чувствовал. Понимал человека и обладал редким даром разговаривать с любым. Для него не было закрытых людей. И при всем том был очень прост в общении. Вы бы и не почувствовали, что он маршал.

Вот теперь и подошел черед того давнего воспоминания. Зимой 1936 года я пришла в гости к маме. Жила она вместе с семьей Миши в так называемом «доме правительства». Посудачили мы вместе с матушкой, новостями обменялись, решили почаевничать. Она пошла на кухню. В квартире было тихо. Лишь из комнаты племянницы Светланы доносилась скрипка. Мама замешкалась на кухне, и я пошла за ней. Дверь в комнату Светланы была открыта —

ПО ПРАВУ ПАМЯТИ

Верхний
снимок —
М. Н. Тухачевский,
1918 год.

Елизавета
Николаевна
Тухачевская,
1988 год.

М. Н. Тухачевский,
Я. Б. Гамарник,
К. Е. Ворошилов,
А. И. Егоров.

музыцировал брат. Он играл скрипичный концерт ре-мажор Бетховена, который очень любил. Увидев меня, поманил к себе. Я присела и стала слушать. Временами Миша прерывал игру и спрашивал: «Ну, как, хорошо это место?»

Не доиграв концерт, опустил смычок и, словно вспомнив что-то, положил скрипку. Затем отворил дверь в комнату, напоминающую кладовку. Окна в ней то ли не было, то ли его хорошо завесили.

Видимо, свет мешал — по сторонам на стеллажах стояли банки и бутылки с цветными растворами. Взяв одну из банок, он взболтал жидкость и, покачав головой, выплеснул в раковину. «Опять не получилось», — спокойно, без досады заключил он. А потом совершенно неожиданно для меня раскрыл свою неведомую дотоле грань интересов.

Оказывается, в этих банках по несколько лет хранились различные растворы, с помощью которых

он пытался разобраться в секретах грунтовки и лаков старинных струнных инструментов. Не давали покоя Мише тайны итальянских мастеров.

Он и сам строил смычковые. На виолончели его работы играл брат Александр. О его скрипках в начале шестидесятых рассказывал по телевидению профессор Московской консерватории Вадим Васильевич Борисовский. Вспоминаю, что уже после моей реабилитации наш хороший знакомый, виолончелист Николай Николаевич Смельский, тоже, кстати, реабилитированный, принес мне любопытный документ.

Это была машинописная «Справка о грунтах и лаках» — труд Михаила Николаевича, который он оставил на хранение Смельскому зимой 1937 года. Брат снова поразил меня уже спустя десятилетия после своей гибели. Почти на каждой странице этого исследования имеются сноски и ссылки на авторов. Да еще на четырех языках. Когда он только успевал заниматься скрипичными секретами при своей занятости? А о рукописи я говорю в настоящем времени потому, что передала ее в Смоленский краеведческий музей-заповедник, где она хранится и поныне...

Но чайник, однако, давно вскипел. Мама и жена Миши, Нина Евгеньевна, ждали нас в столовой. Быть может, вам ни к чему, но я хорошо помню и расскажу об обстановке того давнего вечера... Свет горел над столом. В полутьме виднелась качалка, за ней бликами угадывался рояль, сбоку стояла радиолка. В рамках пятнами на стенах выделялись картины кисти русских живописцев. Миша развешивал их сам, когда семья перебралась под эту крышу.

Мы пили чай. Было тепло и уютно (впоследствии я научилась особенно ценить эти немудреные вещи). Мы по-семейному перебрасывались шутками, на сердце у нас было легко и спокойно. Никто и заподозрить не мог, что над нашей жизнью собираются мрачные тучи...

Оставался всего год. Когда он прошел, расстреляли Мишу, братьев Николая и Александра, моего

го, за несколько дней до его отъезда в Приволжский военный округ, куда Михаила назначили командующим. Перед отбытием маршал поехал на несколько дней на дачу в Петровское — провести время с семьей. Туда мы и нагрянули вместе с мужем и Николаем Николаевичем.

И до этого в его служебной судьбе бывали назначения и перемещения. И ни у кого из нас не вызывало сомнений очередное. Но когда я увидела Мишу, поняла, что происходит нечто экстраординарное. Я никогда до того не видела его столь подавленным и удрученным. И обед за столом, обычно веселый и оживленный, проходил с ощущением неясного беспокойства. И что самое удивительное, прежде приветливые женщины, обслуживающие маршала и его семью, были надменны и откровенно враждебны. Они тоже что-то чувствовали или знали уже о происшедших переменах. Больше я никогда не видела Мишу...

Пришла и наша черная пора. Моего мужа, военного летчика, героя гражданской войны, обвинили в... присвоении орденов и шпионаже. Меня — в том, что я была связной между двумя шпионами — братом и мужем. Позднее, года через два, подобрали мне формулировку хоть и более жесткую, но и более «правдивую». Она обозначалась аббревиатурой ЧСИР, что расшифровывалось — член семьи изменника Родины. Иначе говоря, пятьдесят восьмая статья.

Потом был лагерь. Недоумение от ареста не проходило. Мучила неопределенность, неведение о близких, изнывало, болело сердце по дочке. Я обращалась с просьбами о совместном проживании — все оставалось без ответа. Не объяснишь, не расскажешь, когда душа на разрыв...

— Так и с ума сойти недолго...

— И сходили. У нас, в акмолинском «лагере жен», целый барак таких был... Но мы, Тухачевские, выносливые, даром что из дворян.

А в лагере занимались в основном обслуживанием

Но, видимо, такое показалось кому-то чересчур расточительным. И в 1939 году нас решили использовать как рабсилу на полях или в ином малоквалифицированном качестве. Мне одно время повезло — оказалась учетчицей в тракторной бригаде. Образования, слава богу, хватало, хватило бы хлеба... А его количество зависело от нормы. Хочешь пайку побольше — выполняй больше ста процентов. Мне удавалось.

В войну, как ни странно, полегче стало. Война — общая беда, уравнивает невзгодами. И ненависть недавняя к нам стала утихать. Все единой правдой жили — надеждой на Победу. А заключенные верили в нее не меньше, а, пожалуй, больше, чем остальные. С нею, казалось, придет и наше оправдание.

«И это несмотря на то, что не стояли во главе войск прославленные полководцы? Такие, как ваш брат, как Блюхер?» — часто спрашивают меня. И еще спрашивают, что я думаю о подписи Блюхера.

— Сначала — на первый вопрос. Вся основная тяжесть войны — на рядовых солдатах. Талантливый военачальник нужен, чтобы меньше гибли бойцов, чтобы выиграть сражение меньшей кровью. Но в конечном итоге все-таки побеждает не маршал, а народ. А в своем народе у меня никогда и никаких сомнений не возникало.

Что касается второго вопроса, то истину теперь восстановить очень нелегко. Во всяком случае, у меня больше оснований не доверять тогдашним газетам — мало ли что писали они в те времена, нежели Блюхеру. Может, его подписи и вовсе не было. Ведь я хорошо помню его по встречам. По искреннему моему убеждению, он был исключительно честным, высокопорядочным человеком. Я никогда не допущу и мысли о его предательстве в ясном сознании.

Другое дело при аресте. Запленных дел мастера могли сломать кого угодно. Вот, скажем, начальник военной разведки Берзинь — несгибаемый чекист. Я познакомилась с ним еще в 1935 году на отдыхе. Могучий, волевой, непоколебимый латыш... Со мною вместе отбывала срок сотрудница его аппарата, проходившая с ним по одному делу о «шпионаже» (фальсификаторы фантазией не отличались, а на шпионах просто помешались). Однажды она рассказала мне об очной ставке с Берзиным. Еще на предварительных допросах следователь убеждал ее в том, что Берзинь дает показания. Она не верила до тех пор, пока не встретилась со своим бывшим начальником. Он преданно смотрел на следователя и покорно подтверждал все, что ему диктовали. Это был не Берзинь, это был другой Берзинь, его телесная оболочка. По мнению сокамерницы, его, похоже, накачивали наркотиками...

Кончилась моя «десятка». Обосновались мы с дочерью в подмосковном Александрове. Но ненадолго. Оказывается, на меня кто-то что-то быстро написал. И в 1948 году я снова оказалась на Лубянке. Когда мне объявили новый приговор, я сказала, что не выдержу и покончу с собой. На что мне начальник лубянской внутренней тюрьмы приветливо возразил: «Ну, что вы, Елизавета Николаевна, вам там будет хорошо, вы там работать будете...» Удивительна человеческая память — интонации этой фразы до сих пор звучат в ушах. А «там» — оказалось на Колыме.

До нее мы добирались целый год. Нас задерживали на каждой пересылке. До обещанного «хорошо» было далековато. Но что-то уже, видимо, менялось в сознании охраны. Начальники тюрем без куража давали одежду, кружки, миски. Такое казалось явным прогрессом. Что-то менялось. Вернее, ощущалось неизбежное желание перемен. Но сначала должно было прийти 5 марта 1953 года с кончиной Сталина. И уж потом наступило 3 января 1956 года — моя личная дата, мой рубеж, моя свобода. Восемнадцать с половиной лет осталось позади...

Не выжила Марина, умерла дочь Михаила Николаевича — Светлана. Навещает бабушек Машу, Лизу и Олю ее дочка Нина. Собираются Тухачевские не часто. Но непременно шестнадцатого февраля — в день рождения Михаила Николаевича. Накрывается стол, выставляется снедь и обязательная в этот день утка. И начинается степенная беседа. Слез не льем — не осталось. Да и не любил Миша нюнь и распустех. Празднуем-то день рождения, девяностопятый, а не поминки справляем. А день рождения — веселый, славянский праздник.

Записал Борис РЯЗАНЦЕВ.
Фото Дмитрия ДЕБАБОВА

мужа Юрия Игнатьевича Арватова. Погибли и мужья сестер. А мы, сестры и наши невестки, оказались в подвалах Лубянки. Наши дети были разбросаны по родственникам и детским домам. Моя Марина жила с родителями мужа. Не хочу вспоминать их вынужденную нищету, бесправны были старики интеллигенты и немощны. Не хватало самой простой еды, Марина заболела туберкулезом... А дети брата Николая попали в детдом под Одессой. Когда началась война, пятьсот ребятишек эвакуировали в город Энгельс, под Сталинград. До него добрались сто двадцать детей. Маша и Андрей остались живы. Но она тоже заболела туберкулезом, да и Андрюша тяжело хворал...

Но еще оставался год. И помнится хорошо последняя встреча. Она была в мае тридцать седьмо-

себе подобных. Тюрем-то не хватало, персонала тоже. Стряпали, стирали, убирались. Я, к примеру, осуществляла тюремный «сервис» — была подавальщицей в столовой. Представьте официантку в «робе» с мисками на подносе. А в них — «деликатес» — перемерзшая капуста. Причем в количестве, вполне пригодном для сегодняшних диет. (И вправду сказать, избыточным весом в лагере никто не отличался.)

Постепенно появлялось отупение, притерпелась к беспробудному мраку и ужасу. Быть может, это и помогло не сойти с ума. А между тем наши судьбы, судьбы жен, висели на волоске. В верхнем эшелоне власти не могли прийти к окончательному решению: что с нами делать? Нам, однако, было известно, что Молотов был за расстрел, — ведь мы много знали.

ЧЕСТНО ГОВОРЯ, МЫ НЕ ДУМАЛИ, ЧТО ДИСКУССИИ О ПРОБЛЕМАХ «БОЛЬШОГО БАЛЕТА», В КОТОРОЙ «ОГОНЕК» СОБИРАЛСЯ ПРЕДОСТАВИТЬ СЛОВО ВСЕМ, КОМУ ДОРОГА СУДЬБЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ХОРЕОГРАФИИ, — ПРОФЕССИОНАЛАМ И ПРОСТО ЗРИТЕЛЯМ, ОПУБЛИКОВАТЬ ЛЮБЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА СОВРЕМЕННЫЙ ПРОЦЕСС, ТАК И НЕ ПОЛУЧИТСЯ. БЫЛИ, ПРАВДА, ТАКИЕ ОПАСЕНИЯ — НЕ ПОЛУЧИТСЯ.

СПОР БЕЗ СПОРА

Но, с другой стороны, мы сознательно отказались от того, чтобы заранее подбирать мнения, сталкивать их между собой и т. д. Просто предложили на страницах журнала: давайте спорить откровенно и честно, по делу, называя вещи своими именами. Только тогда дискуссия имеет практический смысл...

Сегодня уже нет сомнений в том, что дела в Большом театре идут плохо, — это признал министр культуры СССР В. Г. Захаров, сказавший в интервью «Огоньку» (№ 45 за прошлый год), что Большой театр является предметом его большой заботы, о неблагополучии в театре в последнее время писали многие центральные газеты и журналы, об этом шла речь на февральском (1987 г.) пленуме Московского ГК КПСС. Казалось бы: сложившаяся ситуация уже сама по себе требует обстоятельного обмена мнениями о положении в ГАБТе СССР — не только в опере, но и в балете. Но дискуссия, которую мы ждали, не получилась.

Редакции «Огонька» было не безразлично, что многие выдающиеся деятели нашей культуры, науки готовы и хотят поддержать, продолжить разговор о проблемах «Большого балета». Это предложение исходило от народной артистки СССР Ольги Лепешинской, Героя Социалистического Труда, народной артистки СССР, лауреата Ленинской премии Майи Плисецкой, Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Евгения Светланова, народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Геннадия Рождественского, известного балетного критика и режиссера, народного артиста РСФСР Бориса Львова-Анохина, крупнейшего историка русского балета, доктора искусствоведения, профессора Веры Красовской. Многие из них тут же прислали в «Огонек» свои большие письма и статьи (не дождавшись, когда же развернется дискуссия, В. Красовская переадресовала свое письмо к нам «Литературной газете»). Их было бы крайне интересно напечатать целиком и полностью, но мы не спешили, боясь, что дискуссия сразу обретет «крен» в одну сторону. А это было ни к чему. Мир искусства — ранимый мир, сама арена театральной деятельности предназначена как бы для вечной борьбы самолюбий, и хотя нелепо, наверное, подозревать всех участников заочного «круглого стола» и всех, кто хотел бы поддержать и продолжить этот

разговор, в некоем «сговоре» против нашего балета, мы не торопились и ждали ответа от руководства самого Большого театра¹. И прежде всего — от его главного балетмейстера, Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Юрия Николаевича Григоровича.

Наши читатели уже знают, что Ю. Григорович побывал у нас в редакции еще в начале сентября. Он раньше всех познакомился со статьей, и ему тут же было предложено высказать свое мнение. Так мы и хотели: дать статью, и тут же, в этом же номере, опубликовать точку зрения самого Григоровича, нам казалось, что это будет и правильно, и справедливо. Мы не торопили Юрия Николаевича и никак его не ограничивали. Он знал, что редакция дает слово опубликовать его статью так, как она будет написана, и предоставит слово всем желающим. За последние четверть века публикация «Огонька» была фактически единственным критическим материалом в адрес «Большого балета». Исключение составляет только статья критика Е. Луцкой о премьере «Лебединого озера», относящаяся к первой половине 70-х годов: после этого было сделано все, чтобы о Большом театре Е. Луцкая впредь никогда не писала. Раз так, раз балет Большого был действительно «закрытой зоной» для критики, наша публикация, казалось бы, должна привлечь внимание и руководителей Министерства культуры СССР, и дирекции Большого театра, и, наконец, самого Григоровича. Однако время шло, а статьи не было. Зато из разных мест, из разных кабинетов «Огоньку» стали советовать не трогать Большой театр, заниматься другими проблемами². Словом, опять произошло то самое, о чем со

всей откровенностью говорилось на февральском пленуме МГК КПСС: в отношении Большого театра все еще «проявляются покровительство, неприятие критики, дает о себе знать «табель о рангах».

Материал «Впереди планеты всей?» был опубликован в 46-м номере. Хлынул поток читательских писем. «Мне кажется, что этика любой дискуссии заключается в разных точках зрения и победить должна наиболее разумная», — писал в редакцию член-корреспондент АМН СССР, профессор Г. Соловьев, не согласившийся с участниками «круглого стола» в «Огоньке». В письмах Е. Ивановой, В. Джедидзе, Т. Карпушкиной и В. Приимы из Москвы было четко сформулировано требование к «Огоньку» удержаться на позициях «двусторонней гласности» и дать слово всем, кто мог бы ответить редакции. И прежде всего — Ю. Н. Григоровичу.

«С нетерпением ждем, что же скажет главный балетмейстер Ю. Н. Григорович» (семья Свиридовых, Краснодар). «Надеюсь, что Ю. Н. Григорович все-таки примет предложение редакции и его статья в скором времени продолжит дискуссию» (В. Дукина, Москва). «Очень хочется услышать голос самого Ю. Н. Григоровича» (Р. Волкова, Москва).

Да, в рамках проводимой дискуссии можно было поговорить обо всем сразу, обосновать разные точки зрения на современный процесс. «Истина вырывается в споре», — писали мы, обращаясь к читателям, — забывая это, мы не раз уже препятствовали сами себе при решении и простых, и сложных вопросов. Но узнать, что же думает об итогах «круглого стола» сам главный балетмейстер Большого театра, нам так и не удалось.

Невероятно, но факт: статья «Впереди планеты всей?» прошла мимо внимания и дирекции ГАБТа СССР. Ни генеральный директор, ни один из его заместителей так и не ответили редакции. Но мы получили письмо от группы солистов «Большого балета» и их педагогов-репетиторов. Это единственный ответ из ГАБТа СССР. Мы не спешили с его публикацией, потому что по-прежнему надеялись, что дискуссия состоится и Ю. Н. Григорович все-таки ответит редакции. Тем более, что это письмо было адресовано, собственно говоря, не к нам, а «в Отдел культуры ЦК КПСС и министру культуры СССР». Мы же были вынуждены довольствоваться лишь «копией письма» для, как в нем было сказано, «ознакомления».

¹ За «круглым столом» в «Огоньке» приняли участие народные артисты СССР: А. Мессерер, В. Чабукиани, Е. Максимов, В. Васильев, М. Лавровский, В. Гордеев, балетные критики Э. Гушвили, Е. Суриц, В. Гаевский, академик АМН СССР А. Рыбаков и академик Ф. Константинов, писатель М. Рошин и другие деятели науки и культуры. — Прим. ред

² Странное дело, читая и слыша об «Огоньке» заявления самого разного свойства, в том числе и недостойные, клеветнические, мы ни разу не обратились в директивные органы с просьбой о защите — пробуем спорить, печатаем разные мнения. Но сколько же раз в последнее время на наши выступления нам отвечали не впрямую, глаза в глаза, а именно через директивные органы по высоким телефонам и все с одной интонацией: «Этих — не трогать!» Почему?..

Когда эта статья готовилась к публикации, письмо группы солистов и их педагогов-репетиторов было опубликовано в «Советской культуре». Текст примерно один и тот же, перепечатывать его не имеет смысла. Правда, в том «варианте» письма, которым располагали мы, было сказано, что «труппа просит не занимать время и не отвлекать дискуссиями главного балетмейстера». А теперь на страницах «Советской культуры» нам говорят, что это письмо — я цитирую — есть «призыв к продолжению дискуссии». Как это понимать?

В конце декабря в Большом театре состоялось обсуждение статьи «Впереди планеты всей?», на котором присутствовал министр культуры СССР В. Г. Захаров и не был приглашен никто из «Огонька». По свидетельству М. М. Плисецкой, других участников собрания разговор сразу ушел в сторону от реальных проблем «Большого балета» и принял такой характер, будто на повестку дня был вынесен вопрос о «персональном деле» каждого из тех мастеров балета, кто «посмел» выступить в «Огоньке». Кто-то из молодых назвал их «бывшими звездами». Министр никого не остановил и все принял как должное. Самое невероятное, что нас, «Огонек», на эту встречу не пригласили, хотя другие журналисты, например А. Авдеенко из «Советской культуры», не только присутствовали в зале, но и имел возможность записать ее от начала до конца.

Через несколько дней мы получили письмо от группы членов правления комитета танца Международного института театра при ЮНЕСКО, который возглавляет Ю. Н. Григорович.

Господину Коротичу,
Главному редактору журнала «Огонек»

Уважаемый сэр

С удивлением члены правления комитета танца Международного института театра при ЮНЕСКО узнали о статье, опубликованной в журнале «Огонек», где в искаженном виде представлено творчество и деятельность нашего президента Юрия Григоровича.

Григорович известен во всем мире как выдающийся советский хореограф и общественный деятель, чьи заслуги высоко оценены международной танцевальной общественностью.

С 1973 года он является бессменным президентом нашей организации, внося свой огромный вклад в дело расширения творческих контактов и взаимопонимания между народами. Комитет танца считает, что для утверждения деятельности и престижа МИТ не могло быть иного, более влиятельного, вдохновенного и преданного президента.

Более двух десятилетий он возглавляет легендарный «Большой балет» — одну из самых знаменитых балетных трупп в мире. С нашей точки зрения Григорович является сегодня признанным лидером современного советского балетного искусства.

Вне сомнения, члены международной организации не имеют права вмешиваться во внутренние процессы, происходящие в вашей стране, но мы были шокированы случившимся и хотели бы выразить свое недоумение и протест.

Просим принять во внимание наше мнение и опубликовать данное письмо.

Члены правления комитета танца МИТ: Дорис ЛАЙНЕ (Финляндия), Патриция АУЛЕСТИЯ де АЛЬБА (Мексика), Четна ДЖАЛАН (Индия), Кит БЕЙН (Австралия), Дитмар ЗАЙФЕРТ (ГДР).

Каждый день почта приносила новые письма. Ряд наших читателей москвичи О. Казакова, Л. Борисова, супруги Федосеевы и Щербаковы, В. Васильев и П. Бекедин из Ленинграда тоже не разделяют беспокойство за судьбы «Большого балета» и считают, что участники «круглого стола» — Е. Максимова, В. Васильев, М. Лавровский, В. Гордеев — не имеют права говорить о состоянии балета Большого театра, ибо своими успехами на мировой сцене каждый из них во многом лично обязан Ю. Н. Григоровичу. Так же считает и народный артист СССР А. Макаров, который в своем письме называет Григоровича «самым крупным человеком в советском балете последних 30 лет». Все они резко критикуют «Огонек» за саму идею проведения подобной дискуссии. К апрелю мы имели 19 таких писем. Но многие наши читатели заняли иную позицию.

«На страницах «Огонька» поднялась долгожданная дискуссия о современном положении «Большого балета» (Е. Сергиенко, Е. Калашникова, Москва). «Мы очень рады, что ваш журнал опубликовал открытое письмо Ю. Н. Григоровичу» (Л. Корнеева и др., Москва). «Приносим вам искреннюю благодарность за статью «Впереди планеты всей?» (семья Носовых, Москва). «Вы затронули самый острый и болезненный вопрос нашего искусства» (С. Мамаев, Киев). «Очень рад, что «Огонек» нарушил молчание и прямо написал о том, что и так все давно знали: в Большом неблагополучно» (В. Жучков, Горь-

кий). «От имени многих зрителей могу сказать: «на-конец-то!» (А. Железнова, Москва). «Такое стало возможным только теперь, в период перестройки, широкой демократии и гласности» (В. Дудыкина, Москва).

Были и такие строки: «Спасибо вам за мужество» (Д. Захаров, Тбилиси). «Когда-то я на страницах «Театральной жизни» пытался поднять подобные вопросы. Хорошо помню, чем это кончилось...» (В. Азар, Москва).

Писем, поддерживающих идею и начало дискуссии, редакция получила 184.

Публикуя статью «Впереди планеты всей?», «Огонек» не знал, что бюро Свердловского РК КПСС Москвы рассмотрело вопрос «О работе партийного комитета Большого театра и КДС по совершенствованию стиля и методов деятельности в условиях перестройки». Его изложение было опубликовано в газете Большого театра «Советский артист». «Слабо пока партийное влияние на творческий процесс, подготовку и выпуск новых спектаклей, на ход реализации производственно-творческих планов. В год 70-летия Октября был сорван план выпуска спектаклей «Болт» и «210 шагов», посвященных этой дате... Сокращаются гастроли по Советскому Союзу, в 1987 году их не было. Для многих ведущих солистов перестает быть делом чести выступление на сцене Большого театра. Возрастает количество выступлений за рубежом... Отсутствие товарищеской критики порождает... амбицию, групповщину, премьерство, эгоизм, художественный диктат и другие нарушения этики».

Разговор о балете, состоявшийся в «Огоньке», касался трех вопросов: состояние труппы, репертуарная политика Большого театра и в связи с этим перспективы на будущее³.

«В конце 50-х к нам на гастроли приехали Л. Дейде и М. Рено, и вдруг все увидели, что танцевать классике умеют не только в Большом театре, как утверждала наша пресса,— пишет в редакцию кинорежиссер, лауреат Ленинской премии В. Катанян.— С тех пор мы повидали в Союзе немало иностранных балетных трупп и убедились, что в любом коллективе идут постановки разных балетмейстеров: у Баланчина — Роббинса, у Джофри — Альпино, у Пети — Алонсо. Это так же естественно, как и естественно, что на киностудиях ставят фильмы разные режиссеры, а не один. Невозможно себе представить, что на «Мосфильме» снимает Сергей Бондарчук и больше никто. А в балете Большого это оказалось возможным и давно стало правилом. Читая выступление Ильи Зильберштейна, я вспомнил, как Серж Лифарь рассказывал мне, как он готовился поставить «Федру» для Плисецкой на сцене Большого и как в последний момент все рухнуло отнюдь не по его вине. И внакладе, конечно, оказались зрители, то есть мы с вами. Вот почему я ставлю свою — 61-ю — подпись под открытым письмом к Ю. Н. Григоровичу. Вот почему я разделяю мнение Максимовой, Лавровского, Гаевского».

«Трудно переоценить творческую манеру Григоровича, всегда стремящегося симфонизировать балетную лексику,— считает академик К. Кондратьев.— Но в Большом стали происходить вещи, для которых нет и не может быть объяснений. Без видимых причин из его репертуара стали один за другим исчезать выдающиеся постановки, жемчужины хореографии. Как объяснить, почему не идет «Золушка» Прокофьева — Захарова? Куда девались «Бахчисарайский фонтан» Асафьева, «Красный мак» и «Медный всадник» Глиэра. Нет больше «Паганини» Лавровского, нет...— чего ни хватилось, ничего нет, остались, как говорится, только одни воспоминания. Но Большой театр и не думает, судя по его планам, возвращать их в свой репертуар».

«С 1957 года я ходил на все-интересное, что было в Большом театре,— пишет актер Центрального академического театра Советской Армии, заслуженный артист РСФСР Ф. Чеханков.— А сейчас хожу все реже и реже. И не потому, что стал старше и трудно чем удивить. Просто на балетных спектаклях теперь скучно. Все танцует в стиле «Спартак», только меняются декорации, ситуации и костюмы. Как мог появиться такой спектакль, как «Деревянный принц»? Псевдосовременный дивертисмент в стиле подвального царства из «Конька-Горбунка» с губочайшей жестокой музыкой Белы Бартока? Афиша балета сейчас очень бедна: почти нет советской классики, могла бы быть полнее и интереснее представлена классика XIX века, и уж совсем нет серьезных зарубежных имен. В Большом театре должно идти самое интересное и талантливое, что есть сегодня в мировом балете. Но восемь знаменитых и величественных колонн Большого заслоняют, мне кажется, от руководства труппы реальный и истинный взгляд со стороны...»

³ Свой последний спектакль — «Золотой век» — Ю. Н. Григорович выпустил в 1982 году. — Прим. ред.

⁴ Все письма, полученные «Огоньком», даются в сокращении.

«Убедена: проблемы Большого театра есть сконцентрированное выражение общей ситуации в советском балете — это строки из письма известного балетного критика, кандидата искусствоведения В. Чистяковой.— Или по крайней мере в крупнейших театрах страны. Стоит напомнить, что отношение к Григоровичу у ленинградцев особое. Все знают об исключительной роли, которую он сыграл в послевоенном развитии сначала ленинградского, а затем и всего советского балета в целом. Не все — об обстоятельствах его прихода в 1964 году к руководству балетом Большого театра. Он покинул Театр имени Кирова, где, по сути, был отстранен от творческой деятельности в течение трех лет после блестящей премьеры «Легенды о любви». Для руководства театра он был нежелателен. Престижное назначение Григоровича стало, таким образом, для нас, ленинградцев, и тяжелой потерей, за которой последовала вся череда дальнейших потерь. Вот почему я считаю честью, что мне довелось в свое время писать о «Легенде о любви», «Спартаке», «Щелкунчике», как о крупнейших свершениях в советском балете. И с чувством не досады, а мучительной боли думаю о том, что в «Иване Грозном», «Ромео и Джульетте», «Золотом веке» Григорович не поднимается до прежних высот. В этих постановках, смею утверждать, нет прежней глубины содержания, емкости мысли и выразительности хореографии».

Чем крупнее театр, тем реже, как правило, хореограф, работающий в нем, ставит спектакль. Долгие перерывы приводят к тому, что он ставит все труднее, мучительнее. Зато, действуя с размахом, любой спектакль, идущий сегодня в Большом, можно представить как очередной творческий праздник. Круг пишущих при этом, конечно, сужается, это все те же три-четыре фамилии: А. Демидов, А. Авдеенко, В. Ванслов... Публика... Но о ней-то Большому театру тревожиться нет никаких оснований. Зарубежные гастроли? Все равно состоятся!

Не так ли художник, ставший главным балетмейстером Большого театра, трагически обрек себя на постоянный успех?»

Большое письмо прислал в «Огонек» автор книги «Балеты Григоровича и проблемы хореографии» (два издания), действительный член Академии художеств СССР В. Ванслов.

«Материалы о балете Большого театра и Ю. Н. Григоровиче, опубликованные в «Огоньке», у любого человека, знающего действительное положение дел, не могут вызвать ничего, кроме возмущения. В этих материалах все время пестрят такие серьезные обвинения, как «застой», «неблагополучие», «серьезные проблемы», «остановка в развитии», «отсутствие новых художественных идей», «архаизирующий стиль» и даже «смертельная тоска». Но в чем же все это конкретно выражается? В «Огоньке» указаны только следующие проявления этих бед: 1) наличие в зарубежных откликах на гастроли не только положительных, но и критических высказываний; 2) отсутствие в постановках Большого постановок зарубежных балетмейстеров; 3) выпадение из репертуара ряда спектаклей классического и советского наследия. Даже если бы все это было полностью верно, то и тогда не давало бы основания для столь серьезных общих обвинений, которые бездоказательно звучат на каждой странице».

Да, среди огромной массы, даже подавляющего большинства положительных откликов на гастроли Большого за рубежом есть и отрицательные отзывы. И их не следует утаивать от советских зрителей, как не утаиваются они от балетной труппы (во время последних гастролей в США все без исключения, в том числе и отрицательные, отзывы переводились и вывешивались за кулисами). Но может ли иметь это определяющее значение для оценки балета Большого театра? Зарубежная публика и пресса необычайно разнообразны по своему социальному, идейному и психологическому составу, многообразие мнений здесь вполне естественно. Поэтому в каждом критическом замечании надо разбираться, конкретно. Среди них могут быть и справедливые, но могут быть и предвзятые, и непрофессиональные, и даже злобно-антисоветские. Поэтому сам по себе факт, что наряду с положительными отзывами были и отрицательные, еще ни о чем не говорит и тем более не может быть подтверждением тех серьезных общих обвинений, о которых сказано выше...

Постановки зарубежных балетмейстеров в Большом в принципе желательны, но к решению этого вопроса надо подходить конкретно. Отнюдь не все в зарубежном современном балете прогрессивно и заслуживает перенесения на нашу сцену или творческого перенимания⁵. Наряду с хорошим там есть и много низменного, принижающего человека, фор-

⁵ Только что Большой театр показал балет Р. Пети «Сирано де Бержерак», в котором заняты лучшие танцовщики труппы. Но тут же возникает вопрос: а где мы были раньше? Разве можно пройти мимо того факта: во Франции этот балет был поставлен Р. Пети тридцать лет назад? — Прим. ред.

мального и заумного, натуралистического и уродливого. Уж не в этом ли некоторые наши критики видят приметы «неархаизирующего стиля»?..

Что же касается того, что в репертуаре Большого нет сейчас ряда достойных спектаклей классического и советского наследия, то здесь следует сказать следующее. Труппа Большого предельно перегружена. Ставя новые спектакли, неизбежно приходится отказываться от каких-то поставленных ранее...

Григорович — выдающийся балетмейстер современности, гордость Большого театра и всей нашей страны, художник, находящийся в расцвете, а не в застое. На рубеже 50—60-х годов именно он вывел наш балет из кризиса. Это стало важным этапом в развитии советского балета, и как ни велики достижения многих других наших замечательных балетмейстеров (я их отнюдь не умаляю и не противопоставляю Ю. Григоровичу — все делают одно общее дело), но принципиально новый творческий этап в их деятельности пока все-таки не очерчивается. Более того, можно с уверенностью сказать, что без «Спартак» и «Ивана Грозного» не было бы и «Макбета» В. В. Васильева, а без раскрытия всей истории любви и взаимоотношений Фархада и Ширин в «Легенде о любви» в сопоставлении пяти контрастных дуэтов — аналогичного приема в «Даме с собачкой» М. М. Плисецкой. В материалах «Огонька» все время подчеркивается, что Григорович будто бы остается вне критики. Но разве это относится только к нему? Можете ли вы указать хоть одно критическое замечание в прессе о балетах названных балетмейстеров? Комплиментарность — общая беда нашей критики, и она, конечно же, должна преодолеваться...

В каждом своем спектакле Ю. Н. Григорович решает новые творческие задачи. Случайных и проходных спектаклей у него нет, хотя в репертуаре Большого театра такие спектакли, к сожалению, есть.

Многие известные балетные критики, театроведы заняли резко критическую позицию по отношению к ситуации в Большом театре.

«Тревога, внушаемая состоянием балетной труппы ГАБТа, выплеснулась на страницы «Огонька» слишком поздно, — считает доктор искусствоведения К. Рудницкий. — Большой театр, надежно огражденный от серьезной профессиональной критики, долгие годы пребывал в восторженном упоении собственным искусством. Между тем реальных успехов, достойных его всемирной славы, театр, в сущности, не знал уже давно». «То, что подобный материал появится в печати, можно было предугадать, — считает Н. Аркина. — Однозначность оценок работ «Большого балета» в печати была многолетней и всеобщей». «Уверен, что нет человека, причастного к искусству, который не приветствовал бы начало откровенного разговора о «Большом балете», — пишет в редакцию кандидат искусствоведения В. Сренский. — И не случайно столь представительный «круглый стол» собрался именно в «Огоньке»: наш единственный специальный журнал «Советский балет» с момента создания занимает в отношении Большого одностороннюю и неплотворную позицию и явно не готов к прямому и честному разговору о проблемах, поднятых «Огоньком». Запад, конечно, нам не указ. Но знать точку зрения коллег за рубежом необходимо. Приведу только один пример. Как известно, в 1978 году Ю. Н. Григорович осуществил постановку «Ромео и Джульетты» на сцене парижской «Гранд опера». Оценка критиков была почти единодушно отрицательной. Балет вскоре сошел со сцены. Чтобы «спасти лицо» советского балета, в Париж был экстренно командирован профессор Н. Эльяш, который и опубликовал в нашей печати большую репликацию об очередной выдающейся победе нашего искусства за рубежом. Честно говоря, он мог бы сочинить эту статью и без затрат на командировку: достаточно было взять из французской прессы описание и анализ постановки, лишь заменив каждый негативный эпитет хвалебным — превращать недостатки в достижения было вполне в духе того времени».

И еще одно письмо, его прислал автор многих книг о балете, известный режиссер, народный артист РСФСР Б. Львов-Анохин.

«В свое время я начал и довольно долго вел цикл телепередач «О балете». Они вызвали интерес у телезрителей, мы получали множество горячих откликов, писем, пожеланий.

Сейчас этот цикл продолжается, но уже без моего участия. И по сей день меня часто спрашивают: почему вы больше не ведете передачи о балете?

Я отвечаю откровенно — говорить стало не о чем или почти не о чем. Ведь в те времена, когда я прекратил беседовать с телеэкрана о балете, надо было превозносить, воспевать, утверждать его славу лучшего в мире. Но, делая это, можно было бы потерять доверие людей, хоть сколько-нибудь понимающих в искусстве хореографии.

В декабре 1969 года состоялась премьера «Лебединого озера» Чайковского в редакции Григоровича. О премьере я не писал, а опубликовал статью о генеральной репетиции, состоявшейся весной. Премьера во многом отличалась от генеральной репети-

ции — исчез мотив трагической гибели Одетты в финале, была снята тема рока, возвращена наивно-сказочная атмосфера. Я помню, как долго сопротивлялся Григорович, не соглашаясь на переделки, которых требовали представители министерства и других инстанций. Особенно смущал их трагический финал, несмотря на то, что именно таков он и по замыслу Чайковского. Когда все аргументы иссякли, высокое лицо из министерства прибегло к следующему: «Как вы не понимаете, на «Лебединое озеро» приглашают всех официальных иностранных гостей, с ними бывает и наше правительство, все уже привыкли к оптимистическому финалу — и вдруг такое... Вы понимаете, что может быть?»

Финал был изменен, Григорович подчинился, розовый свет залил сцену, Одетта и Принц, словно два голубка, нежно склонили головы друг к другу...

Но изменения привели к тому, что рушилась вся концепция, и на премьере было непонятно — для чего нужны были оставшиеся переделки, они потеряли смысл, художественное значение. С болью в сердце я написал о том, что видел на генеральной, и это было последнее, что я написал о балетах Григоровича.

«Ангара», «Ромео и Джульетта», «Золотой век» уже не шли ни в какое сравнение с так любимыми мною «Каменным цветком», «Легендой о любви», «Спартак», «Щелкунчиком»...

На протяжении многих лет я писал об артистах Большого театра: сначала об Улановой, Корене, Ермаляеве, потом о Плисецкой, Максимовой, Тимофеевой, Бессмертной, Васильеве. Я думаю сейчас — какие мы счастливые люди, каких Артистов мы видели, какие спектакли! Не могу думать без боли о том времени, когда сойдут со сцены те, кто еще танцует сегодня. Настоящей замены им нет. Пожалуй, из нового поколения можно назвать большой балериной одну Л. Семеняку. Но и в ее репертуаре нет (или почти нет) ролей, созданных для нее, на нее. Н. Павловой тоже пришлось повторять то, что до нее танцевали другие. Ни «Копелию», ни «Тщетную предосторожность» ей в Большом танцевать так и не пришлось, а может быть, именно здесь, в сфере комедийного балета, таилось ее истинное призвание. Что же делать Павловой и Семеняке? Ставить для себя балеты самим, как это делает Плисецкая? Но для этого надо быть Плисецкой. Я имею в виду не только ее талант, но и характер. Не всем известно, каких усилий стоило великой балерине «пробить» свои постановки на сцену Большого, которая, в то же время, нередко была открыта для весьма посредственных созданий. Так же нелегко было и В. Васильеву. Многие его творческие замыслы и заявки не нашли отклика и поддержки.

Наиболее крупные балетные критики занимаются исследованием прошлого, уходят от практики сегодняшнего дня. Нужны очень серьезные соединенные художественные, педагогические, теоретические, организационные усилия для того, чтобы миф о «лучшем в мире» балете перестал бы быть мифом, а возник бы как несомненная истина».

Дискуссия не получилась, это ясно. Дискуссия не получилась, и это урок. То, что к ней оказались не готовы руководители Большого театра, — в каком-то смысле показатель сегодняшней ситуации. В самом деле, мы разучились спорить. Просто разговаривать. Мы уже готовы убедить себя, что если редакция дает кому-то слово, то это делается с каким-то тайным умыслом и конкретной целью, всегда неблагоприятной.

То есть если беспокоятся — значит о себе! И вот уже раздаются так хорошо знакомые по прежним временам обвинения в «групповщине», «тенденциозности», «необъективности», начинаются хождения по высоким инстанциям, сочиняются письма «наверх», а в «Огонек», оказывается, достаточно «закинуть» копию, причем, как и получилось на этот раз, без единой подписи, ибо зачем же подписывать копию, если подписан первый экземпляр...

Как мы узнали из письма К. Ефимова, бывшего артиста Большого театра, сейчас находящегося на пенсии, в «Большом балете» готовится переаттестация творческого состава. В характеристике, которую получил народный артист СССР, лауреат Ленинской премии В. Васильев, кроме данных о годе и месте рождения, учебы в высшем учебном заведении и исполненных партиях, есть еще только одна фраза: «к переаттестации не рекомендован». Не слишком ли скупо сказано о великом танцовщике современности? Не нам, конечно, вмешиваться во внутренние дела Большого театра, но аналогичные характеристики получили и другие участники «круглого стола» в «Огоньке». А это уже похоже на расправу.

Вопросы остаются. Вопросы поставлены, их никто не снимал. К Большому театру. К его дирекции. К Юрию Николаевичу Григоровичу. Ответа на них не было. А мы ждали именно ответ.

Что ж, не получилось. И все-таки будем верить, что этот разговор не был напрасным и пойдет на пользу.

Нам всем.

БЕЗ ПОСРЕДНИКОВ

— Видели электронный тренажер? — спросил Семин-Вадов.

— Тот, что дает уроки сварщикам?

— Он самый, — кивнул Геннадий Михайлович. — Наши зарубежные партнеры заинтересовались этим, как они утверждают, чудом технической мысли! Спешат приобрести лицензии. А фирмы Японии, Швеции, ФРГ хотят кооперироваться с нами, чтобы создать совместные производства.

Семин-Вадов — человек сравнительно новый в знаменитом Киевском институте электросварки, но с патоновцами дело имеет давно, с тех пор, когда работал в Министерстве внешней торговли СССР. На международный рынок они тогда выходили через посредников. Теперь Межотраслевой научно-технический комплекс Института электросварки имени Е. О. Патона сам вышел на внешний рынок со своей наукоемкой продукцией: создана собственная внешнеторговая фирма. А Геннадий Михайлович Семин-Вадов стал ее директором.

— Институт электросварки, — рассказывает Геннадий Михайлович, — головная организация по внедрению в народное хозяйство новейших технологий, оборудования, материалов для процессов сварки. Три года назад наш Межотраслевой НТК объединил опытные заводы института с предприятиями и организациями еще трех союзных министерств.

Но обнажились и существенные изъяны в экспортной работе. Именно вследствие кооперирования института с предприятиями различных министерств. Фактически сейчас нельзя использовать экспортные возможности заводов — они ведь имеют и ведомственное подчинение! Пример? Институт затрачивает средства, и немалые, для разработки, изготовления нового типа сварочного оборудования. Но когда «чужой» завод, даже тот, который входит в необычное содружество, поставит в другие страны новейшую технику, рожденную мыслью патоновцев, они от такой операции не получают ничего. Почему? Потому что предприятия, например, Министерства электротехнической промышленности пользуются услугами ведомственной внешнеторговой организации, а не фирмы института Патона.

Между тем за год новая фирма заключила более пятидесяти контрактов. За одиннадцать месяцев патоновцы заработали на внешнем рынке миллион в конвертируемой валюте. Да еще несколько миллионов от торговли со странами — членами СЭВ. В ряд стран поставляется оборудование для сварки газонефтепроводов в морских условиях, которое будет применяться впервые в мире.

— Мы дорожим честью патоновской марки! — заключил Геннадий Михайлович. — Но ищем и новых партнеров, стремимся к кооперированию. Например, совместная советско-канадская корпорация сможет использовать нашу технологию контактной сварки труб при строительстве магистральных нефтегазопроводов в Канаде и третьих странах. А недавно подписан контракт в Индии, туда направляется группа специалистов, чтобы наладить там производство электрошлакового металла высокого качества. Работу должны закончить в этом же году. Такая оперативность — неплохой аргумент на международном рынке...

Леонид ГАЛИНСКИЙ

Н. С. ГОНЧАРОВА. СБОР ПЛОДОВ. КОНЕЦ 1900-х ГОДОВ.

Начало на стр. 8.

МЫТЬЕ ХОЛСТА.
1910.

близки друг другу. И в том, и в другом случае колористическая и ритмическая выразительность произведения строится на гармонии цветовых пятен и линий, на экспрессии живописной фактуры.

Творческая манера Гончаровой отмечена особыми чертами. Она выбирает сюжетами своих картин чаще всего крестьянский труд, нередко обращается к евангельским мотивам. К тем источникам, которыми питались другие мастера «ослиного хвоста», у нее прибавляется икона — обычно в простонародных образцах. Художницу привлекают суровые или экзотичные персонажи, словно выхваченные памятью из далекого прошлого. Создавая многочисленные крестьянские сцены, она трактует героев картин так, что в их угловатой жестикюляции или иступленной окаменелости проглядывают исторические прообразы. Все эти черты роднят ее с русской футуристической поэзией, в частности с Хлебниковым.

ВЕЛОСИПЕДИСТ.
1912—1913.

Евангельская линия в творчестве Гончаровой находит свое высшее выражение в тетраптихе «Евангелисты» (1910). Четыре фигуры в рост, каждая из которых на отдельном холсте, заполняют все отведенное им пространство. Неуклюжие, с большими руками и ногами, застывшие в угловатых движениях, они мрачны и сосредоточенны, напоминают одновременно пророков из иконостаза русской церкви XV—XVI веков и знаменитых «Апостолов» Дюрера.

Обращаясь к крестьянской теме, Гончарова пишет самые обиходные явления сельской жизни — уборку картофеля или сбор плодов, мытье холста, выход косарей на работу или бабий хоровод в деревне. Действие в картине, как правило, однозначно, оно не содержит внутренних конфликтов и коллизий. Между тем сами картины отличаются повышенным драматизмом. Гончаровские бабы стоят на земле, как каменные истуканы, их движения фиксируются в определенной точке и застывают навеки; казалось бы, обычные явления напоминают обрядовые действия, некий ритуал, совершаемый со священным трепетом и большим смыслом.

Живописная система у Гончаровой более декоративна, чем у Ларионова. Она любит звучное цветовое пятно, силуэт обычно очерчивается темной обводкой. Компонуя свои картины, художница часто нарушает пространственную перспективу, фигуры дальнего плана помещает не в глубине, а наверху, что усиливает общую декоративность композиции. Повышенная экспрессивность Гончаровой не нарушает, однако, цветовой и композиционной гармонии, которую художница чутко соблюдает.

В начале 1910-х годов Гончарова, как и Ларионов и другие мастера их круга, много сил отдает литографированной книге. Она иллюстрирует Хлебникова, Крученых, Боброва, вместе с другими утверждая новый тип книги — написанной от руки на литографском камне и в этой же технике проиллюстрированной. Работа в книге еще больше сближает художников с поэтами-футуристами. Гончарова испытала некоторое воздействие этого направления — не только поэтического, но и живописного. В 1913 году она пишет картины на футуристические сюжеты — «Фабрика», «Велосипедист», «Аэроплан над поездом». Но в ее композициях нет культа современной техники, апологии движения. Они уравновешены, динамика их нейтрализована.

В середине 1910-х годов Гончарова увлеклась театром. Ей суждено было сказать новое слово в русской сценографии, но уже не на родной почве, а за рубежом. В 1914 году Ларионов был контужен на фронте. После демобилизации он в 1915 году вместе с Гончаровой отправился в Швейцарию и через несколько лет «осел» в Париже. И Ларионов и Гончарова оформили ряд постановок для антрепризы Сергея Дягилева, продолжая работать и как живописцы-станковисты. Но их пути в живописи разошлись. Гончарова все более шла в сторону повышения экспрессии и усиления монументальности образа. Ларионов, напротив, искал мягкости, лиризма, гармонии. Его поздняя живопись внешне спокойно-созерцательна, пронизана светом, прозрачна и легка.

Во Франции Ларионов и Гончарова прожили долго — более сорока лет. Но их творчество уже не поднималось до такого уровня, какого достигли они на родной земле.

В истории авангарда их место в эпохе «бури и натиска».

Дмитрий САРАБЬЯНОВ

НА ЛУНЕ

Начало см.
на центральной вкладке.

Здесь же копии картин художников-фантастов. «Реквием» Геннадия Голобокова: космонавты вернулись на родную планету, где все погибло от ядерного взрыва. Грозное предупреждение...

Фантазия и любознательность помогли создать ребятам необычайный мир. Вот на выжженную каменную почву бесшумно опустилась «летающая тарелка», сияя множеством разноцветных окошек-огоньков. Приоткрылся люк, и вышел робот-разведчик.

Управляется сложнейшее «космическое хозяйство» электроникой, тоже созданной самими ребятами из этой таганрогской средней школы № 3.

Школьники приводят в движение модели, маневрируют ими, заставляют взлетать и садиться космические корабли, играют, и игра пробуждает в них желание творить.

Главный волшебник здесь Григорий Константинович Бардашев. Двадцать два года работает он в школе, учит мальчишек труду. Он и ведет кружок космонавтики.

Мы встретились с ним в мастерской, где ребята создают свою космическую технику. Каждый чудо-корабль — это три тысячи деталей, месяцы кропотливой работы и терпения.

— Григорий Константинович, ваш космический музей — единственный в своем роде, предмет зависти многих школ, как вам удалось завоевать такую славу?

— О, это заслуга прежде всего школьного коллектива и шефов — завода «Прибой» и Аэрофлота. И, конечно же, тех восьмисот ребят, что прошли через наш кружок. Сегодня в нем занимаются 130 человек — десятая часть всей школы! Разбираться в электронике учит их Анатолий Григорьевич Дегтярев, в автоматике — Виталий Феофанович Топалов.

Добавим, что сам Бардашев руководит конструированием моделей, он же направляет творческий коллектив. Дорога в кружок никому не заказана. Неспособных детей нет, считает Григорий Константинович, надо только развить у ребенка интерес, побудить его к творчеству.

— Давно я подметил, — рассказывает он, — кто с детства увлечется — часто это на всю жизнь. Отец мой, Константин Петрович, был мастеровой человек, чего только не умел: и печи класть, и плотничать, и сапоги шить. И нас, детей, приучал.

Бардашев — заслуженный учитель школы Российской Федерации, награжден орденом Дружбы народов, лауреат премии Ленинского комсомола. Характерная деталь: получил премию и передал школе — «не только моя заслуга»...

Нашу беседу прерывает школьник Сережа Лебедев. Он просит у Григория Константиновича ключи от музея — пришли учащиеся сельского профтехучилища на экскурсию.

— Пойдемте послушаем, как Сережа будет рассказывать, он у нас отличный экскурсовод, — приглашает меня Григорий Константинович.

Сережа с увлечением говорит о Константине Эдуардовиче Циолковском, Юрии Гагарине, космонавте Ю. В. Малышеве, припомнил и Петра I, что основал их родной город — Таганрог — и строил в нем морские суда. Но особенно много вопросов по ребячьим космическим звездолетам...

«Летающие тарелки», «пауки» начинающих четвероклашек, орбитальные станции выпускников населяют четыре просторных зала. За каждым экспонатом (а их сотни!) — талант и фантазия ребят и взрослых, увлеченных космонавтикой.

На стене карта мира: на угольно-черном поле выступают белые материки, то тут, то там зажигаются красные огоньки — Япония, ФРГ, Норвегия, Италия, Голландия (всего 13 стран), многие точки Союза — это города и села, куда уже «долетали» таганрогские модели. В этом году они уже побывали в США, на Кубе, на фестивале в Индии. И хотя деловитые роботы-

геологи, только что вернувшиеся с Кубы, не могут теперь трудиться в долине кристаллов (что-то сломалось в пути), ребята не сетуют — дело поправимое. Зато отовсюду пришли в Таганрог награды.

Их у школы немало. Главная — присвоение школе имени Ю. А. Гагарина. Узорчатый хрустальный кубок из Звездного, Большая медаль К. Э. Циолковского, диплом Токийской международной выставки, где первенство завоевала ребячья ракета с фотонным двигателем. Только медалей ВДНХ СССР — 85.

— Очень важно до выпуска из школы поддерживать в ребятах творческий накал. Не все, конечно, — делится со мной Бардашев, — станут выдающимися инженерами. Хотя есть среди наших школьников теперь даже конструкторы космической техники. Главное же в том, что останутся они на всю жизнь творческими людьми, где бы им ни пришлось трудиться.

Г. К. Бардашев и его ученики — Алексей Кобыляцкий и Сергей Лебедев.

МОИ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЕ УРОКИ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

Наталия Иосифовна Ильина — известный советский писатель. Автор сборника фельетонов «Светящееся табло» (1974 г.), романа «Возвращение» (1957—1965 гг., кн. 1—2), книги «Дороги и судьбы. Автобиографическая проза» (1985 г.), четырех книжек фельетонов, изданных «Библиотекой «Крокодил».

В июне 1964 года Твардовский подарил мне свою поэму «Теркин на том свете» («Советский писатель», 1963) с надписью: «Наталие Иосифовне Ильиной с большой симпатией к ее перу».

Чем я заслужила такие слова?

К тому времени в «Библиотеке «Крокодил» уже вышли два сборника моих фельетонов. Журнал «Знамя» в конце 50-х годов опубликовал первую книгу романа «Возвращение». Но не эти произведения, думается, имел в виду Твардовский, а статью «К вопросу о традиции и новаторстве в жанре дамской повести».

Впрочем, это не статья была, а литературный фельетон. Моя первая серьезная попытка сатирической критики. В некоторых романах современных писательниц мне бросилось в глаза сходство с писательницами дореволюционными, такими, как Нагродская, Лаппо-Данилевская, а главным образом Вербицкая. Эти читанные в юности романы я освежила в памяти, побывав в Ленинской библиотеке. Мои подозрения подтвердились. Было ясно, что жанр «дамской повести» живуч и продолжает свое дело, развращая читательские вкусы. Следовало доказать это цитатами. Работа предстояла огромная. О публикации этого фельетона я договорилась с «Литературной газетой», где уже не раз выступала. Тему одобрили, и, убедившись в том, что труд мой пригодится, я кинулась в работу. Часами сидела в Ленинке, выписывая цитаты, дома перепечатывала их на машинке, изучала произведения современные,

выписывала цитаты из них, перепечатанных листков становилось все больше, на доске моего секретера эта гора не умещалась, листки раскладывались на кровати, на стульях, на подоконнике, какой-то вот сию минуту понадобившийся исчезал, а вдруг я его случайно выбросила, неужели опять бежать в Ленинку, спокойно, спокойно, без паники, не проклиная себя, этим ничему не поможешь, сейчас все тщательно переберем... Я так и вижу себя той осенью 1962 года на коленях перед кроватью спокойно, спокойно перебирающей листок за листком, и голос моего мужа А. А. Реформатского из соседней комнаты: «Обедать мы сегодня будем когда-нибудь?»

Наконец труд закончен. Статья мне кажется удачной. В «Литгазете» ее тоже находят удачной. Но велика. Сокращаю. С болью, но сокращаю. Теперь все зависит от главного редактора — от В. Косолапова. И тут выясняется, что последнее слово уже не за Косолаповым, а за А. Чаковским. Пока я там писала, страдала, радовалась, произошла смена главных редакторов «Литгазеты». Мне возвращают статью: «Главному не понравилось!»

Главному, значит, не понравилось. Что же именно не понравилось главному? Я догадалась — ЧТО. Не хочет обижать авторов осмеянных мною произведений. Фамилий авторов я не называла, но они сразу бы узнали себя по цитатам и, конечно, обиделись бы. Мне казалось, что я ступила на праведный путь борьбы с пошлостью, я иду по стопам К. И. Чуковского с его ядовитыми статьями о Чарской и Вербицкой, я вспоминала статью дореволюционного журналиста Василевского Не-Буква, начинавшуюся словами: «Народы Греции! Греция глупеет!» — речь шла о бурном успехе сочинений Вербицкой, о том, что ее романы в библиотеках спрашивают в сорок раз чаще, чем романы Льва Толстого... Все это я вспоминала, идучи домой, и думала: «Почему за вкусы читателя дореволюционного бороться разрешалось, а за вкусы нынешнего — ни в коем случае?» И еще я думала о том, до чего же мне не повезло! Задержись смена главных редакторов ну хоть недельки на две, и прошла бы моя статья!

Как часто мы не знаем, что для нас хорошо, а что плохо! Не знала и я в те горькие минуты, что мне как раз повезло, повезло неслыханно, что я на пороге нового этапа своей жизни и «белым камнем» отмечу тот день, когда мое произведение отвергло «Литгазета»!

В «Новом мире» я бывала. Мне давали там на отзыв произведения из так называемого «самотека». А, кроме того, в годы редакторства К. М. Симонова в журнале существовал уголок юмора под названием «Между прочим...», куда я изредка писала сатирические заметки. Но в 1958 году журнал вновь возглавил Твардовский и уголок юмора отменил. Позже я услышала от Александра Трифоновича, что он испытывает не-

приятнь к такого рода «уголкам», ибо это не что иное, как стремление загнать сатиру в угол. Читателя словно бы предупреждают: тут у нас юмор. Мы шутим. Не вздумайте обижаться, это шутка! Твардовский не желал превращать сатиру в шутиху, скромно заседавшую в отведенном ей месте... Он серьезно относился к этому жанру.

Мысль о том, чтобы предложить свое отвергнутое произведение «Новому миру», сначала показалась мне нелепой. Это ведь не статья, а, скажем прямо, фельетон. Не приходилось мне видеть сочинений такого рода на страницах «Нового мира». И все же рискнула. Была знакома с членом редколлегии А. Марьямовым, жил он по соседству, и я отнесла ему свое произведение. Надежд особых не питала. Действовала по принципу: не сдаваться, пока не сделаешь все от тебя зависящее. А там будь что будет!

Было же то, что спустя несколько дней последовал телефонный звонок: меня просили зайти в редакцию. Я помчалась, едва положив трубку. Разговаривал со мной В. Я. Лакшин, возглавлявший тогда отдел критики. В тот день я увидела его впервые. Едва веря собственным ушам, я услышала, что «Новый мир» готов мое сочинение опубликовать. Однако... Тут был сделан ряд замечаний и даны советы. До сегодня помню, что Лакшин предложил дать фельетону подзаголовок: «Опыт литературоведческого анализа». Это подчеркивало пародийность моего сочинения, его псевдонаучность. С этой же целью мне посоветовали поговорить об «истоках жанра», упомянув князя П. Шаликова, редактора нашумевшего в начале минувшего века «Дамского журнала». Интеллигентность, образованность тогда совсем молодого Лакшина радовали и удивляли меня — об этом Шаликове, между прочим, я ровно ничего не знала! Итак, над статьей, которую я считала законченной, предстояла еще работа, работа немалая, но я верила Лакшину, чувствовала, что, следуя его советам, смогу поднять статью на более высокий уровень, и работа не пугала меня.

Мой литературный фельетон «К вопросу о традиции и новаторстве в жанре дамской повести» появился на страницах мартовского номера «Нового мира» за 1963 год. Я читала и перечитывала свое сочинение. Оно нравилось мне. Мне казалось, что оно лучше всего мною написанного в этом жанре. Требовательность журнала, его высокий уровень заставили меня подтянуться, найти в себе возможности, которыми я прежде, видимо, не умела пользоваться. То был мой первый урок.

Тогда же, явившись в редакцию за номерами, я познакомилась с А. Т. Твардовским. Он только что откуда-то приехал, прошел в свой кабинет в сопровождении двух-трех человек (не помню, кто они были), и меня пригласили зайти. Твардовский еще не сел за свой стол, курил, стоя около, а рядом

стояли эти мне неизвестные люди, и вот, пожав мне руку, Твардовский сказал добрые слова о моей работе. И стоявшие с ним рядом стали наперыв меня хвалить, один сообщил о каком-то заседании, на котором мою статью ставили в пример каким-то критикам — вот как надо изящно ругать, — и тут Твардовский произнес: «Да. Без единого грубого слова!»

За моими плечами был многолетний фельетонный опыт. Я была уже автором романа. Но публикация моего сочинения на страницах «Нового мира» казалась мне моим высшим литературным достижением, а под серьезным, благожелательным взглядом Твардовского я испытывала гордость ученицы, не обманувшей ожиданий...

Вскоре я получила еще один урок.

До того времени на страницах советской печати меня еще не ругали. Но особо и не хвалили. Вниманием печати я избалована не была. А тут, едва вышел мартовский номер «Нового мира», и вышел-то, насколько я помню, с опозданием, как уже в июньском номере «Октября» появилась разгромная статья. Все, кому известна неповоротливость наших толстых журналов, оценят оперативность, проявленную журналом «Октябрь»!

Бог ты мой, чуть не три десятилетия миновало с тех пор, и сколько же появилось на свет людей, понятия не имеющих о том, что тогда происходило! Вот им «из другого поколения» и нужно пояснить, какова была расстановка сил. Немало газет и журналов нападало в те годы на «Новый мир» Твардовского. Но главными противниками журнала были: из газет — «Литературная Россия», а из журналов — «Огонек», руководимый Софроновым, и «Октябрь», руководимый Кочетовым.

«Октябрь» я в то время и в руки не брала, но вот меня там обругали, надо же знать: за что?

Выяснилось: ругали не только меня. Заодно поносили И. Виноградова, а также «Новый мир» вообще. Оказывается, в 1962 году Виноградов опубликовал статью «По поводу одной вечной темы», где рассуждал о некоторых характерных признаках «женской литературы». «И тут возникает законный вопрос, — пишет рецензент «Октября», — что же побудило редакцию журнала «Новый мир» на протяжении полугода дважды...» возвращаться к этой теме.

А побудило, оказывается, вот что. «Вечная тема»... «интересовала И. Виноградова не сама по себе, а лишь как возможность более или менее завуалированно протащить концепцию «внутренней свободы». Но тут грянули события, сделавшие эту концепцию особенно уязвимой. Какие же события? А вот встреча Н. С. Хрущева с деятелями литературы и искусства в Кремле. Там среди прочего Хрущев заявил: «Общество не может допустить анархии и своеволия со стороны кого бы то ни

было». Не вовремя вылез Виноградов со своими порочными идеями! Поэту-то «Новый мир» и решился опубликовать опус Н. Ильиной, ибо она «как бы ограничивает смысл статьи своего «предшественника» будто бы борьбой с пошлостью и адюльтером».

Итак, хитрость редакции разгадана. Не удалась попытка прикрыть антиобщественную позицию Виноградова произведением Ильиной, притворившейся, будто она борется против пошлости. Автор рецензии в «Октябре» эти уловки разоблачил. Его не обманешь, «даже если сторонники такого анархистского своеволия рядятся в одежды борцов против пошлости и мнимой безнравственности». Одежды сорваны. Маски тоже. Обнажена суть Виноградова, протаскивающего анархические идеи внутренней свободы и абстрактного гуманизма. Открыто истинное лицо и сообщницы Виноградова — Ильиной. Изпод маски борца якобы против пошлости выглянула неприглядная физиономия клеветника. Ибо статья Ильиной — это «бездокладательный поклев на советскую литературу», это «паксвилль». Заодно вскрыта роль «Нового мира», дающего трибуну анархистам и клеветникам.

Полезный урок я получила, знакомясь с этой статьей за подписью Ю. Идашкина. Я впервые как следует вникла в методы работы противников «Нового мира». Эти методы вызвали чувство изумления и даже некоторого восхищения. Какая ловкость рук! Вы говорите о литературе, но о существе дела с вами не спорят, свои аргументы противник черпает из иной колоды карт. Спор переведен на другую почву, и тут противник вооружен до зубов, в его распоряжении весь хорошо проверенный набор типа «абстрактный гуманизм», «внутренняя свобода, переходящая в анархизм», и разные полезные мелочи, вроде словечек «якобы», «как бы», «будто бы», «не случайно» и т. п. Имеется в колоде и козырная туз: цитата из недавнего высказывания чрезвычайно ответственного лица. И вот вы, решивший невинно поговорить о низком уровне некоторых литературных произведений, уже обвинены не только в поклевке на всю родную литературу в целом, но и в политической неблагонадежности.

Читая тогда эту увлекательную статью, я, кроме изумления, испытывала... Да, да. Я чувствовала себя польщенной! Меня причисляли к авторам «Нового мира». Ругали вместе с ними. Могла ли я этому не радоваться?

С осени того же 1963 года я получила счастливую возможность видеться и говорить с А. Т. Твардовским в обстановке неофициальной. Незадолго до той осени Твардовский приобрел дом в дачном поселке Красная Пахра. Там же жили мои друзья: художник О. Г. Верейский с женой. Я нередко ездила к ним в гости. А с 1968 года мы с А. А. Реформатским проводили летние месяцы в двухкомнатном с верандой домике на участке Верейских.

Идут последние дни октября 1965 года. Звонок из «Нового мира». Просят зайти. Иду. В. Я. Лакшин вручает мне девятый номер журнала «Молодая гвардия». Там опубликовано произведение М. Н. Алексеева «Повесть о моих друзьях-непоседах». Меня попросили откликнуться на эту повесть. Добавили, что к просьбе присоединяется Твардовский... На следующий день я была на Пахре у Верейских. К ним зашел Александр Трифонович. Его первыми ко мне обращенными словами были: «Ну что? Получили заказ?»

Дома вникаю в повесть. Автор рассказывает о том, как он сам, известный литератор, и друзья его, известные литераторы, поехали в глухую деревушку Усук: «...наш брат писатель принужден часто оставлять уютное житье в московской квартире и менять его на беспризорное мытарство где-нибудь в Брянских лесах, в том же Усухе...» Отправиться в Усук братьев писателей вынудила страсть к ужению рыбы. Пло-

хо в этой заброшенной деревушке, ни приличной дороги до райцентра, ни медицинской помощи, ни электричества, и пусто в магазине. Друзья же непоседы удят рыбу, варят уху, выпивают на «лужке-бережке», а также пишут. Кто прозу. Кто стихи. «Илья не приучил себя подолгу корпеть над строкой, копаться в груды словесной руды «единого слова ради». Какое подвернулось, он тому и рад». Сказано шутливо, однако вряд ли другу-поэту будет приятна такая рекомендация... Сообщив, что мужчин в Усухе осталось не больше десятка, автор добавляет: «Когда же мы шагали по улице со своими удочками, женщины хихикали, выкрикивали двусмысленности, явно поощряли нас к активным действиям». Сказано игриво, однако...

Шутливо-игровая интонация повести, описание веселых попок и дружеских розыгрышей не вязались с фоном, на котором эти забавы происходили. Каковы все-таки были намерения автора, зачем он решился поведать об этом читателю? Частная жизнь знаменитых людей, так это надо понимать? И мне вспомнились слова Ахматовой: «Люди часто не слышат, ЧТО они говорят». Передо мной был как раз этот случай!

Мой фельетон «Сказки Брянского леса» появился в первом номере «Нового мира» 1966 года. «Перечитываю Ленина, — сказал мне Твардовский. — Он предвидел, что нам не внешняя опасность грозит, а внутренняя — новая нарождающаяся бюрократия с ее страшным отчуждением от народа. А ведь вы именно об этом написали. Сами-то вы это поняли или нет?»

Чрезвычайно быстро, а именно в марте, недремлющий «Огонек» (№ 11) откликнулся на мое произведение. Было указано, что «...чертики М. Алексеева — это очерки о русской природе, и русском слове, и русском писателе в его отношении к своей земле». Добавлено, что автор повести «выразил свою боль и тревогу: гибнет родная природа. Но этого крика Нат. Ильина не услышала...».

(Читая тогда эту статью, я еще не знала, сколь часто авторы «Нового мира» Твардовского будут обвиняться в равнодушии к русскому слову, к русскому народу и к русской земле!)

Автор этого отклика В. Архипов пользовался тем же методом, что Ю. Идашкин: аргументы черпаются из области, не имеющей отношения к литературе. Обоим авторам, кроме того, требовалось уязвить «Новый мир». Если один приплюсовал к моему сочинению статью И. Виноградова, то другой вспомнил статью Ю. Буртина, которая «...написана в той же манере, в той же тональности. И это наводит... уже на очень грустные размышления». На какие же? А вот на какие: критики «Нового мира» только тем и занимаются, что преследуют истинных патриотов, соль русской земли! Ведь кто такие «друзья-непоседы», герои повести М. Алексеева? Это дети «саратовских, брянских, ярославских мужиков». Это те, кто «ходил за сохой, мыкал нужду... кто отстоял свою страну и всем смертям назло прошел солдатом и с солдатами от Сталинграда до Берлина. Вот кто на подозрении у критика «Нового мира»...

«Новому миру» указывали: существуют авторы, чьи творения, каковы бы они ни были, критике не подлежат. Редакция «Нового мира» этому предупреждению не вняла. Спустя недолгое время Твардовский предложил мне написать о романе В. Кожевникова «Щит и меч». Роман этот Твардовскому резко не нравился. Я даже не уверена, дочитал ли он его до конца. Говорил: «Чтобы узнать, хорош ли арбуз, достаточно съесть один ломтик!» А о Кожевникове говорил так: «Пишет о Германии. А что он о ней знает? Только то, что одного немца зовут Фриц, а другого — Ганс». Я хотела выполнить поручение. Но вмешался мой муж. Узнав, чем я собираюсь заниматься, сказал: «Тебе этого

нельзя! «Знамя» только что опубликовало вторую книгу «Возвращения», а ты будешь кидаться на главного редактора. Это неудобно!»

И я отправилась в редакцию «Нового мира», чтобы сообщить Твардовскому о своем отказе. Разговор шел в его кабинете. На слова своего мужа я не ссылалась, делала вид, что сама дошла до мысли, что мне неудобно, что так не поступают. Мою речь, несколько сбивчивую, Твардовский слушал, не прерывая, выражение лица серьезное, немного хмурое, затем кивнул: «Вы правы. Не будем поступать, как они».

(ОНИ. Так он называл своих противников, тех членов Союза писателей, которые вечно обличали, уличали и обвиняли «Новый мир». Иногда местоимением «ОНИ» назывались высокопоставленные чиновники, бдительно следившие за журналом и ставившие ему палки в колеса.)

Итак, согласился со мной. Что, однако, не помешало ему позже, на Пахре, в обстановке неофициальной, насмешливо меня спрашивать: «Ну что, испугались?», «Скажите честно: испугались?», «А все-таки сознайтесь: испугались?». Я сначала пыталась всерьез оправдываться, а потом рукой махнула, поняла, что меня поддразнивают... Но от своей мысли высказаться о романе Кожевникова Твардовский не отказался: рецензия, отнюдь не хвалебная, в «Новом мире» появилась. Я читала ее и думала, да простит мне читатель мою нескромность: как жаль, что не я писала, а б это сделала острей, я б сделала веселей...

* * *

На рубеже 1966—1967 годов журнал «Москва», руководимый тогда Е. Поповым, сделал своим читателем подарок: в двух номерах (№ 11, 66 г., и № 1, 67 г.) был опубликован роман «Мастер и Маргарита». С купюрами, разумеется. Как обычно, охранялась невинность читателя: этого ему не следует знать, о том не следует напоминать. Но вот вдова писателя Е. С. Булгакова сказала мне, что купюры в № 1 вызваны не столько охранительными соображениями, сколько недостатком места! Текст Булгакова потеснили, чтобы полностью, без сокращений опубликовать рассказ «В Лондоне листопад».

Что ж это за шедевр, ради которого пришлось вырезать куски из прозы Булгакова? Я познакомилась с шедевром. Впечатление было сильное. Возникло желание поделиться моими чувствами с читателем. Об авторе — Б. Евгеньеве — мне было известно лишь одно: член редколлегии журнала «Москва». Ходил ли он за сохой, мыкал ли нужду, воевал ли — этого я выяснять не стремилась: не пошла мне на пользу уроки В. Архипова! И вот в № 7 «Нового мира» за 1967 год появляется мой фельетон «Катя за границей».

Следовало ждать отклика, вернее, окрика. Чему-то будут меня учить, за что ругать? Я высмеивала рассказ, где речь шла о туристской поездке в Лондон, и полагала, что меня вместе с «Новым миром» будут обвинять в «космополитизме», «в размывании идеологических рубежей», а возможно, и в «преклонении перед Западом». Все-го я ждала, но только не того, что случилось: пресса не обратила на мою «Катю» никакого внимания! Мне ее припомнят спустя много лет, но тогда и ухом не повели. В чем дело?

А дело было в том, что мой фельетон прикрывала повесть И. Грековой «На испытаниях», в том же номере опубликованная. Эта повесть взяла огонь на себя. Огонь шквальный: сейчас уже не припомнить, сколько именно газет и журналов почти одновременно обрушилось на повесть. Тут уж и я позволю себе воскликнуть: «Не случайно!» Без команды «сверху» вряд ли было возможно такое единодушие, проявленное самыми разными печатными органами. Повесть осуждалась старым методом:

речь шла не о художественном уровне, а предъявлялись обвинения политические. Метод-то один, но каждое издание стремилось придерживаться своего стиля, применяясь к вкусам своих читателей. «Литературная газета» (17.1.68 г.) интеллигентно говорила о «высоком предназначении человековедения», утверждая, что повесть И. Грековой с ее элитарностью «в системе эстетических отношений к действительности» вступила «в противоречие с этим высоким предназначением». Понимать следовало так: простого советского человека без высшего образования И. Грекова не любит. Это и есть «элитарность», ведущая «к распыленности нравственных критериев».

Журнал «Молодая гвардия» (№ 1, 68 г.) подошел к делу проще. Высоких слов тут нет. Зато налицо солдатская грубоватая прямота. В повести «На испытаниях» несколько раз упомянуто учреждение, именуемое одними «туалетом», другими — «нужником», третьими — «галуном». Этого было достаточно, чтобы находчиво озаглавить рецензию «Проза с запахом» и назвать повесть «душно пахнущей карикатурой на военную и техническую интеллигенцию, на армейское офицерство».

Что касается журнала «Москва», то он выступил защитником нравов, он обеспокоен влиянием повести на молодежь! «Советские офицеры, их жены показаны... людьми ничтожными, отупевшими, погрязшими в обмане, лжи, мелочных дрязгах». «И напрашивается естественный вопрос — какую духовную стойкость и выдержку, опыт приобретут вчерашние ребята, пришедшие в армию, вздумай они подражать таким командирам!» С нападением на И. Грекову журнал немного запоздал (№ 5, 69 г.), но зато в этом же номере в статье под общим заголовком «Правда подвига и правда искусства» стреляет еще по одному новомирскому автору: «Тяжелое впечатление оставляет повесть В. Быкова «Атака с ходу». «...читатель никогда не поверит такому искаженному от начала до конца отображению событий тех грозных лет. И он не может воспринять такое произведение иначе, как оскорбление величайшего подвига Советских Вооруженных Сил, отстоявших свободу и независимость нашей Родины в длительной и кровопролитной борьбе».

Итак, «Новый мир» в лице своих авторов искажает нашу действительность, клеветает на нее и оскорбляет святыни. Все это, видимо, направлено на то, чтобы лишить идеалов нашу смену и всячески развратить читателя. К счастью, на страже читательских интересов твердо стоят органы печати, неустанно разоблачая подозрительные действия «Нового мира».

Разоблачали и в самом деле неустанно. Да было ли в те годы хоть одно значительное выступление «Нового мира» — будь это роман, повесть, публицистика либо критика, чтобы на него с криками не набросились один, два, а то и сразу несколько печатных органов? В искажении действительности обвинялись Абрамов, Быков, Айтматов, Трифонов, Искандер, Шукшин, Астафьев, Можаяев, Яшин, Семин... Это велись атаки на «Новый мир», который ко второй половине 60-х годов остался, пожалуй, единственным журналом, говорившим в своей прозе и публицистике правду о нашей жизни, а в отделе критики — правду о нашей литературе.

Называть и цитировать все органы печати, шельмовавшие повесть И. Грековой, не имеет смысла, это отдельная история. Но вот о статье в журнале «Русская речь» (№ 1, 68 г.) умолчать не могу: из нее я узнала еще об одном приеме, каким пользовались нападающие.

Профиль журнала обязывает, и речь в статье идет, конечно, не о «нужниках», а о «языке и стиле» повести. И вот уже И. Грекова обвинена в «речевом снобизме», в той же, значит, эли-

тарности! Но вот что интересно: статья озаглавлена «В жанре дамской повести», и ее автор, кандидат филологических наук Л. Скворцов, начинает с того, что хвалебно отзываясь о моем обруганном фельетоне «К вопросу о традиции и новаторстве...». А кончает статью так: «Остается добавить только, что дамская повесть «На испытаниях» опубликована в «Новом мире» (№ 7 за 1967 год), том самом «Новом мире», который несколькими годами раньше так блистательно и зло высмеял на своих страницах современных продолжателей этого поистине бессмертного жанра».

А вот это уже что-то новое! Работа одного новомирского автора используется как оружие для битвы другого новомирского автора. А журнал обвинен в непоследовательности: вчера выступал против пошлых дамских повестей, а сегодня сам такую повесть напечатал! Кандидат наук и не пытается доказать, что произведение И. Грековой принадлежит к жанру высмеянных мною «дамских повестей». Доказать это было бы невозможно, но противники «Нового мира» и попыток таких не делали, от этих трудов они были избавлены. Ибо им для их светлой цели многое было позволено. Цель же была одна: задуть «Новый мир». Для этой цели годилось все, включая сюда и метод дышла: куда повернул, туда и вышло. Вчера было выгодно называть новомирскую статью «клеветой на советскую литературу», а сегодня выгодно с этой статьей согласиться...

Пройдет еще год — и светлая цель будет достигнута. Что же касается повести И. Грековой, то эта повесть, одно из лучших произведений писательницы, почти двадцать лет не включалась в ее сборники.

Летом 1968 года на Пахре я услышала от Твардовского такие слова: «Как бы мне хотелось, чтобы вы написали о «Роман-газете»! Да жалко вас. Сколько всего вам прочесть придется!»

Отношение Твардовского к литературе напоминало мне Ахматову. Для нее литература была делом, ее близко касающимся, непосредственно задевающим, тут она ничего не прощала, тут была неумолима. «За такое на Сенной быть батожьем!» — сказала она, прочитав в газете рифмованные строчки, выдаваемые за стихи. Так же страстно относился к печатному слову Твардовский. Он знал меру ответственности литературы перед читателем, понимал ее влияние на нравы.

«Роман-газета» с грошовой стоимостью ее книжек и огромными тиражами должна была сделать доступными для массового читателя лучшие современные произведения нашей словесности. Быть может, в начале деятельности этого издания так оно и было, но вот в 60-е годы так уже не было. Случалось, конечно, что доступными становились произведения истинно художественные, но это случалось не часто. Куда чаще тиражом в один, два, а то и три миллиона выходили книги серые, бесцветные, а то и малоработные. Огромные тиражи сулили хорошие доходы. Издаваться в «Роман-газете» стремились авторы, имевшие связи, пробивную силу, власть. Их атак издательство не выдерживало, и в результате... Результаты были плачевны. Это и тревожило Твардовского.

Я прочитала свыше двадцати выпусков «Роман-газеты». Выбрала три, показавшиеся мне наиболее характерными. Один из них претендовал на то, чтобы называться «историческим», и занял три книжки «Роман-газеты». Отзывы печати на эти произведения были сплошь восторженными — в этом я убедилась, полистав в библиотеке газеты и журналы. Прославлялся даже «исторический роман», автор которого не только не знал предмета, о котором взялся писать, но был попросту малограмотен. И это произведе-

ние выходит тиражом почти в три миллиона экземпляров! Под аплодисменты прессы. Можно было понять тревогу Твардовского...

В начале декабря я пришла в «Новый мир» читать верстку своей статьи, она планировалась в № 1 1969 года под названием «Литература и массовый тираж». Во дворе, у дверей редакции, я почти столкнулась с выходящим оттуда Твардовским. Бледен. Чем-то озабочен. Явно куда-то спешит. Но остановился, чтобы похвалить мою статью. «Хотел вам из Пахры позвонить, да телефон не работает, два дня мастера ждали, а он не идет!» Пошутил, невесело усмехнувшись: «Видно, до него критика дошла!» Двинулся к поджидавшей его машине, но, сделав шаг, обернулся: «Статья-то ваша хороша, да вот журнала не будет!»

Куда он ехал? В каком высоком учреждении предстояло ему в тот день «есть мыло» (его выражение!), сражаясь за свой журнал, добиваясь, чтобы разрешили опубликовать то, что опубликовать не разрешали? Перелистав подшивки «Нового мира» за два последних месяца 1968 года, я предполагаю, что на этот раз бой шел за роман Н. Воронова «Юность в Железнодорожье». Его долго не разрешали печатать. Но поскольку в № 11 первая часть романа все же появилась, значит, кто-то разрешение дал. Но затем, спохватившись, этот «кто-то» (возможно, другой «кто-то») запретил печатать продолжение. Но ведь написано: «продолжение следует», читатель ждет! И пусть его ждет. Но в какое положение поставлен журнал, что ему сказать своим подписчикам? А пускай говорит, что хочет. Рассыпать набор, и все тут! «Журнала не будет!» — сказал мне в тот декабрьский день Твардовский. Видимо, ехал с твердым намерением: либо добиться, чтобы не мешали печатать продолжение, либо заявить о своем уходе из журнала. Выкручиваться перед читателем, его обманывать — в этом позорном деле участвовать не желал. Долго ли ему пришлось «есть мыло», какими доводами удалось добиться своего, я не знаю, но добился. Журнал вышел с большим опозданием, однако продолжение романа напечатал и существовал еще год. Еще ровно год.

Я не пытаюсь писать здесь «повесть дней и страстей» «Нового мира» шестидесяти годов. В штате журнала я не работала, была лишь одним из его авторов. А это значит: чего-то я не знаю, что-то знаю приблизительно и писать, следовательно, не имею права. Но и в моем скромном опыте отразилась какая-то часть того, что происходило в те годы. Кроме того, я виделась и говорила с Твардовским в дачном поселке («Пахра на Десне» — так называл этот поселок Александр Трифонович) и какие-то слова его записывала.

Вот мои записи, относящиеся к 1966 и 1967 годам...

Мы с Верейскими зашли навестить Марию Илларионовну. Она поила нас чаем. Сверху из своего кабинета спустился Александр Трифонович и сел с нами за стол, мрачно пошутив: «Что тут происходит? Почему гостям дают мое лучшее варенье?» Явно был чем-то расстроен. Чем? Скоро выяснилось. Накануне беседовал с одним высокопоставленным лицом. Которому не понравился опубликованный «Новым миром» роман. Какой именно? Не имеет значения. В те годы, что бы «Новый мир» ни печатал, все приходилось не ко двору! Другое имеет значение: из разговора стало ясно, что лицо, романом недовольное, романа не читало. И Твардовский ему: «Если вы не читали «Капитанской дочки», то как бы я смог вам доказать, что Гринев не был бунтовщиком?» А он мне в ответ: «Учитите, вас народ критикует. В депутаты не выдвинул!»

Горестный возглас Марии Илларионовны:

— И ты смолчал?

— Да. Смолчал.

За столом повисла пауза. И снова голос Александра Трифоновича:

— Романа, значит, не читал. А вот что требовать от романа, это ему известно. ТАМ вообще не читают. Это не только не нужно, но и нежелательно. Если сам не прочел, можно потом на других свалить: неправильно информировали! У них теперь новая манера: говорят тихо, уклончиво, и мы, дескать, не запрещаем, сами присмотритесь...

Заговорили о писателях, противниках «Нового мира».

— А все дело в том, что я их не печатаю! Напечатай я их завтра — перестанут ругать! Уж подкупить пытаются. Софроньев звонил. Предлагал издаться в «Библиотеке «Огонек». Верное дело: тираж большой, стихи оплачиваются поштучно, много денег. Отказался.

— Почему ж отказался?

— Из-за тебя, Маша. Хочу, чтобы ты на старости лет уважать меня могла.

К прозе сатирической Твардовский предъявляет столь же высокие требования, как к любой другой художественной прозе. Ему важно: КАК? И ему важно: ЗАЧЕМ? Сказал однажды: «Каламбур — низший сорт юмора. Годится для застолья, не больше!»

Говорили о Хемингуэе, и я сказала, что разлюбила этого писателя. Была рада услышать от Твардовского, что он тоже разлюбил. Сказал: «У Хемингуэя не чувства, а ощущения».

В другой раз я записала его слова, сказанные не помню в связи с чем, слова, меня поразившие:

«Талант — это наказание!»

Не радость, не подарок судьбы, не счастье. Нет. Наказание! Как понимать это? Так, видимо: человеку, обладающему талантом, его дар всю жизнь не дает ни отдыха, ни срока. Это богатство, которое жестоко мстит, если его не тратить. Годы спустя после кончины Твардовского, когда я писала о трагической судьбе актрисы МХАТа Корнаковой, я постоянно вспоминала: «Талант — это наказание!» Талант мстит и тогда, когда его профанируют, используют для целей конъюнктурных, корыстных, вне искусства лежащих. Чем мстит? А тем, что покидает того, кому он дан. А недавно, читая воспоминания об Александре Яшине, я наткнулась на такие его слова: «Слишком долго писал приказчищи стихи, в которых не мог уместиться талант, а я ощущал его с детства, с юности, как страшную, разрушительную для себя силу...» Яшина талант не покинул: он успел искупить свою перед ним вину. Не во все умещается талант. У него есть назначение. Свое для каждого, кому он дан. Это назначение, эту свою дорогу надо еще найти, а найдя, с нее не сворачивать. Вечный труд. Вечная ответственность.

Говорили об одной молодой поэтессе. На страницах «Нового мира» тех лет я не помню ее стихов и не знаю, ЧТО о них думал Твардовский. Но ее одаренность ощущал, и мне кажется, что она как человек была ему симпатична. Сказал о ней так:

— А ведь она ниоткуда! У нее нет корней.

Прочитав в газете очередной выпад против какой-то из публикаций «Нового мира», выпад, весь построенный на перекориваниях и подтасовках, сказал:

«Когда узнали, что можно лгать и подличать на пользу себе — до чего обрадовались!»

Разговор зашел о романе Быкова «Мертвым не больно», опубликованном «Новым миром» в начале 60-х годов. На многочисленных заседаниях в Минске за этот роман Быкова топтали и клеймили. Рассказав об этом Твардовскому, Быков добавил: «У нас в сельском хозяйстве такое неблагополучие, а они

всем миром на литературу навалились!» «А я ему ответил, — сказал Александр Трифонович, — для них не положение важно, а ОТОБРАЖЕНИЕ!» И — после паузы: «Давно хочу написать статью о СТРАХЕ ВЫМЫСЛА, да все времени нет!»

Я не поняла, что означают эти слова. Казалось, что для него, неустанно сражавшегося за возможность говорить правду, было бы естественнее писать о «страхе правды»! Думаю, что Твардовский имел в виду страх ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫМЫСЛА, без которого нет искусства. Одно дело — узнать из газет, что у нас в определенные времена были миллионы невинно осужденных, другое дело — это увидеть, это пережить. А увидеть и пережить помогает литература — роман, повесть, рассказ. Там речь идет не о миллионах, а об одной судьбе, об одном пострадавшем, допустим, о матери или о жене арестованного. О том, как стоит она в несметных очередях, и какая в тот день была погода, и как возвращается домой, в свою комнату, где каждый предмет напоминает того, кого отсюда увели, и каковы ее соседи, и переходы от надежды — «этого не может быть, это недоразумение, это скоро выяснится!» — к отчаянию, и во ЧТО превращается ее жизнь. И чем талантливее писатель, тем больше находит он художественных деталей, чтобы заставить читателя это УВИДЕТЬ, в это вникнуть, и сострадать, и сопереживать.

Этого сострадания, этого сопереживания и боялись те, кто хотел бы утопить в беспамятстве наше прошлое.

Так, во всяком случае, я поняла слова Твардовского о «страхе вымысла».

А вот запись, под которой поставлена дата: 4 мая 1968 года.

В мастерской у Орика * сидит Александр Трифонович. Чем-то очень удручен. Читает стихи Бунина:

Мычит теленок, как немой,

И клонят горестные елки

Свои зеленые иголки:

«Ах, боже мой! Ах, боже мой!»

Дочитал. И повторил: «Ах, боже мой! Ах, боже мой!»

Затем: «И некуда пойти. И некому объяснить... Один полковник-пенсиянер все мне пишет: «Да бросьте вы этот журнал, Александр Трифонович! Да зачем вам это?» Зачем мне это? Я-то знаю, какую роль играет журнал в общественном самосознании, я-то знаю! А он: «бросьте!» Ах, боже мой...»

Я могла бы сказать, что не только полковник-пенсиянер, но и некоторые на Пахре живущие писатели говорят: «К чему он мучается с «Новым миром»? Всенародно признанный поэт. Мог бы жить спокойно». Я не сказала, разумеется, о советах этих людей, умевших жить спокойно. Он так жить не умел. Совесть не позволяла. Чувство ответственности перед соотечественниками, растерянными, ложью замороженными, не позволяло...

Наступил 1969 год. Мне уже не вспомнить, когда — в феврале ли, в марте ли — вышел январский номер «Нового мира» с моей статьей «Литература и «массовый тираж».

Отклик не замедлил появиться в «Огоньке» № 20. На этот раз — обширная статья. Под обстрел был взят весь отдел критики «Нового мира». Одного рецензента ругали за то, что ему не понравился роман В. Закруткина «Сотворение мира», и читателю объясняют, в чем тут дело. А дело, оказывается, в том, что «...В. Закруткин осмелился еще и еще раз напомнить о заслугах Сталина... И этой художнической (!) смелости В. Закруткину не простили в «Новом мире». После чего автор статьи В. Петелин принимается за меня. «Я давний читатель «Нового мира». Ко всему привык... Но когда прочитал статью Наталии Ильиной «Литература и «массовый тираж»... в полном удручении задумался... где же предел необъ-

* О. Г. Верейский.

ективности и цинизму новомировских критиков?..» Далее из этой статьи я узнаю, что я позволила себе «кошунственно иронизировать над мужеством юной девушки, которая переносила вместе со всем народом трудности и лишения». Выясняется затем, что я также иронизирую над «описанием топки печи. Видно, никогда не приходилось Н. Ильиной топить печь. Или хотя бы наблюдать, как это делается». Обвинив меня еще и в том, что я «легко и беззаботно» перечеркиваю «большую и серьезную работу писателя» (речь идет о малограмотном романе, выданном за «исторический»), В. Петелин набрасывается еще на одного новомировского критика. Этого ругают за то что он похвалил сборник рассказов А. Борщаговского «Ноев ковчег». А ведь это клеветнические рассказы, ибо «получается так, что деревня населена людьми жестокими, равнодушными к чужой беде, корыстными, эгоистичными. Какая неправда!»

Что-то трогательное, даже наивное звучит в этом восклицании: «Какая неправда!» Человек, сам на ложь неспособный, изумился, ну просто ушам не поверил, узнав, что есть люди, способные ТАК лгать! Но в сторону эмоции. Поговорим с клеветниками всерьез! Им необходимо кое-что напомнить: «В наши дни как никогда остро перед всеми писателями мира возникает вопрос об ответственности перед своим временем. И потому именно в наши дни художник должен быть правдивым, обладать чувством особой ответственности перед народом, перед читателем». Призвав «Новый мир» Твардовского к правдивости и ответственности перед народом, В. Петелин так заканчивает свое произведение: «Время подготовки прошло. Пришла пора дерзаний, пора полной отдачи сил. А для нас, читателей, наступило время больших ожиданий». Каких именно ожиданий? Чего ждет В. Петелин вместе с народом, на что намекает? А на то, что чаша терпения переполнена. Нет больше сил выносить этот журнал!

На другой, что ли, день после появления этой статьи я встретила на нашем дворе одного писателя, соседа по дому.

«Ну как, читали? Здорово вас вчера в «Огоньке» продернули!»

Это было сказано со злорадством, какого я от этого человека не ожидала. Он давно умер. Имени его называть не хочется. Твардовский, которому я эти слова передала, пожал плечами: «Чему вы удивляетесь? Разве вы не знаете, что есть люди, которые всегда на стороне силы!»

Да. Тем летом всем уже было ясно, что сила не на стороне «Нового мира». И, как справедливо заметил В. Петелин, «пришла пора дерзаний». В мае дерзнул он сам. В июле дерзнули сразу одиннадцать литераторов. И не просто члены Союза писателей, а лица, занимавшие «посты», включая главных редакторов толстых журналов. В коллективном письме «Против чего выступает «Новый мир»?» они возражали против статьи А. Г. Дементьева («Новый мир» № 4, 69). С этой статьей можно было спорить, но зачем для этого понадобилась такая мощная когорта? А затем, что статья Дементьева была лишь предлогом. Велась массированная атака на весь журнал в целом. Ибо журнал этот публикует материалы «кошунственные», «очернительские» и «глумящиеся» над нашими святынями. В письме был назван ряд прозаиков и критиков, занимающихся кошунствами и глумлением. Но имя Твардовского не упоминалось. Этот пробел в том же июле — 31-го — восполнила газета «Социалистическая индустрия». Тоже «Открытое письмо». Но тут уж адресованное прямо «Главному редактору журнала «Новый мир» тов. Твардовскому А. Т.». Некий токарь призывал Твардовского к ответу «перед рабочим классом».

А был ли токарь? А если был, то под чью диктовку писал?

Тем летом 1969 года я часто ездила в Переделкино навещать Корнея Ивановича Чуковского. В один из моих августовских приездов Корней Иванович встретил меня вопросом: «Что Александр Трифонович?» Я ответила: «Мучается». «А как ему не мучаться, — сказал Чуковский, — ведь он — Россия. Какой человек! Какой поэт! Живой классик среди нас ходит... А его деятельности в «Новом мире» нет параллели, кроме разве Некрасова. Но тому было гораздо легче!» Потом добавил: «Его линия победит. Победит непременно — лет через шестьдесят. Только мы с вами этого не увидим!»

Судя по дате, рукой Твардовского написанной, он заходил к нам с А. А. Реформатским в тот маленький дом, где мы жили на Пахре, 24 августа 1970 года. Принес нам в подарок свой темно-зеленый только что вышедший двухтомник: «Василий Теркин» и «Задалью — даль. Лирика». Первый том — Александру Александровичу надписанный так: «С добрым расположением души». Второй — мне: «с добрыми чувствами».

В тот день на нашей маленькой веранде я разговаривала с Твардовским в последний раз. Уже полгода прошло с тех пор, что он был лишен своего журнала, своего детища. «Я-то знаю, что значит этот журнал для общественного самосознания, я-то знаю!» Знал. Знал и то, как этот журнал любя, как тянутся к его правдивому слову. И ради того, чтобы журнал существовал, чтобы продлить ему жизнь, Твардовский, с его гордостью, молча терпел унижения в беседах с высокопоставленными чиновниками, вынужден был читать клевету на страницах печати. Но вот годы страданий кончились. Теперь можно было, следуя совету полковника-пенсионера и других доброжелателей, пожить спокойно. Но начались другие страдания. Твардовскому не давало покоя, терзало сознание своей беспомощности перед стеной лжи, которую ничем не пробьешь. «И некуда пойти. И некому объяснить!» Не в честном бою нанесли ему поражение. Это жгло его. И сожгло.

В тот день на веранде он с грустью и нежностью вспоминал вслух сотрудников и авторов «Нового мира».

Я передала ему слова Чуковского о том, что линия погибшего «Нового мира» победит через 60 лет.

— Раньше, — сказал Твардовский. — Раньше! Лет через двадцать — тридцать!

Исполнилось ли это пророчество? Исполнилось. Уже не в одном-единственном журнале, а во многих мы читаем сегодня правду о нашем прошлом, о нашей жизни. Однако те, кого эта правда не устраивает, возражают, совсем как встарь, передергивая, подтасовывая, заменяя аргументы обвинениями, высосанными из пальца. Что ж. Так привыкли. Честному спору предостойт еще учиться. Но я не верю в победу тех, кто этому научиться не сможет.

Много дало мне десятилетие близости к «Новому миру» Твардовского. Его строки я часто повторяю про себя, как заклинание:

*С тропы своей ни в чем
не сступая,
Не отступая — быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя наша судьба
любая
И чью-то душу отпустила боль.*

НЕ БРОСАЯ ТЕНИ НА ЖИВЫХ И НЕ ОТНИМАЯ ЧЕСТИ У МЕРТВЫХ

Начало см. на стр. 7.

ге, а всего лишь об оппоненте, о противнике в газетной полемике. Речь шла о том, как выгоднее построить ответ Кржижановского на колкую статью Ларина, помещенную в «Правде».

Приводится определение: «Нахал» — «архиловок». Почему «нахал» — в кавычках? Очевидно, потому, что это определение дано «пострадавшим» от ларинской статьи в «Правде» Кржижановским. А суть данного ленинского высказывания в том, что Ю. Ларин — опытный, умелый полемист. Вот в каком смысле он «архиловок».

Остается добавить, что статья члена Госплана Ю. Ларина «Тайны советской промышленности» с резкой критикой своего ведомства (своего! — нашим бюрократам этого никогда не постигнуть) появилась в «Правде» в июне 1921 года, а уже в ноябре «архиловский враг и нахал» становится членом Президиума Госплана. Это я имею в виду, когда говорю: чтобы избежать буквализма в трактовке ленинского эпистолярного наследия (в публичных выступлениях и статьях Владимир Ильич был очень корректен и деликатен, критикуя товарищей), необходимо сопоставлять слова и дела, то есть оргвыводы, которые из слов проистекали.

(Замечу в скобках: когда Ленин в сердцах пишет А. Д. Цюрупе, что ведомства — дерьмо, декреты — дерьмо (выражение, цензурности ради, на порядок смягчено), то нам не след хватать ручку и строчить в ленинскую «объективку», что было, дескать, допущено клеветническое уподобление Советского государства и права содержания выгребной ямы.)

«Да... «ляпала первосортный», «нахал», «враг»... Нет, не жаловал Владимир Ильич... явно не жаловал». Это, как читатель понимает, вывод Ю. Максимова.

Проще всего было бы опровергнуть этот вывод ленинскими же оценками. Например, на XI съезде РКП(б) Ленин отмечает «его (Ларина. — Л. О.) громадные знания, умение увлечь людей», подчеркивает, что «в его преданности и знании дела и тени ни у кого нет сомнения»...

В письме к Л. Б. Красину, «нужные» выдержки из которого Ю. Максимов приводит, Ленин просит: «Берегите его (Ларина. — Л. О.) здоровье. Берегите лучше, назначьте ответственного врача». Отчего бы, спрашивается, столь теплая забота о «нахале» и «враге»?

В письме к А. С. Енукидзе, которое также «должными» изъятиями цитирует Ю. Максимов, Ленин так характеризует Ю. Ларина: «Хороший парень, — как поэт, как журналист, как лектор. Но мы, дураки, ставим его к законодательной работе и этим портим, губим и его, и работу».

«Громадные знания», «умение увлечь людей», «преданность», «хороший парень», «берегите его здоровье»... Да, жаловал Владимир Ильич Ларина. Выходит — жаловал.

Смысл статьи Ю. Максимова прозрачен. Под сурдинку, «фуксом» идет «подыгрыш» тем, кто полагает: Сталин зря не расстреливал, что-то ведь было, сами-де виноваты. Не «ловчили» бы да не «нахальничали»... Чтобы убедить в этом читателя, проводятся весьма рискованные параллели.

Скажем, пишется такое: «Сейчас вот нередко вспоминают нелестным словом высказывания о литературе А. А. Жданова. А ведь у него был предшественник (имеется в виду Н. И. Бухарин. — Л. О.). И если у нас есть «обиженные» за Ахматову и Зощенко, то почему не может быть таких же «обиженных» за Есенина?»

Невероятно! Как же можно развести «обиженных» за Ахматову и Зощенко и «обиженных» за Есенина и других крестьянских поэтов? Сострадание, горечь, скорбь неделимы. Тот, кто скорбит о поэте, не может не сострадать миллионам сосланных и «раскулаченных». Принявшим мученическую смерть на сибирских лесоповалах и колымских нарах, в голодающих селах Украины и Казахстана. Прошедшим круги бериевского ада в тюрьмах и на эстаках.

Может ли быть иное? И можно ли предполагать, что может быть иное?

Ю. Максимов отваживается на такое предположение для того, чтобы поравнять Бухарина и Жданова, представить первого предтечей второго. Он приводит длинную цитату из статьи Бухарина, посвященной Есенину и «есенинщине». Статья эта, бесспорно, грешит полемическими преувеличениями, столь свойственными стилю Бухарина. «Не напоминает ли вам, — спрашивает Ю. Максимов, — стиль этой, с позволения сказать, художественной критики известные выступления Жданова?»

Нет, не напоминает. Надо же в конце концов различать полемические перебранки от политических приговоров. Константин Симонов в опубликованных буквально на днях мемуарах описывает Н. И. Бухарина на Первом съезде советских писателей: «Сначала на Бухарина наскакивали наши поэты... Говорили хлестко, смело, задиристо...»

«Наскакивали» ли на Жданова наши поэты? Говорили поэты со Ждановым «хлестко, смело, задиристо»? И — самое главное — разрешали им после этого писать и печататься, быть свободными и живыми?

В длинном перечне теоретических упущений и политических прегрешений Бухарина, занявшем в статье большой абзац, отсутствует известное указание Ленина, что он «никогда не понимал вполне диалектики». Сделано это, разумеется, неспроста, а во избежание нежелательного Ю. Максимова «ретуширования». Ведь тогда пришлось бы напомнить читателю, что «...Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии...». Пришлось бы объяснять, в чем же ценность для партии крупнейшего ее теоретика Бухарина и как могло произойти, что твердокаменные большевики, утратив бдительность, полюбили человека, не вполне понимающего диалектику. А этого автор не желает, да и не умеет.

Он возмущен тем, что в мемуарах вдовы Бухарина не сказано, что он до революции «занимал антиленинские позиции в вопросах о государстве, о диктатуре пролетариата, о праве наций на самоопределение, доказывал невозможность победы социалистической революции в России». Как видно, критик пребывает в несокрушимой уверенности, что Анне Михайловне надлежит делиться с читателями не воспоминаниями своими о Николае Ивановиче, а надерганными из многочисленных «объективов» сведениями о его ошибках.

Ох, уж эти «антиленинские позиции»! Ленин вспоминает: «...Когда я сам был эмигрантом (больше 15 лет), я несколько раз занимал «слишком левую» позицию (как я теперь вижу). В августе 1917 г. я также был эмигрантом и внес в Центральный Комитет нашей партии слишком «левое» предложение, которое, к счастью, было начисто отклонено. Естественно, что эмигранты часто стоят на «слишком левых» позициях». Но то, что «естественно» для эмигран-

та Ленина, непозволительно, по разумению Ю. Максимова, эмигранту Бухарину. Более чем непозволительно — криминально.

Между тем в письме к А. А. Иоффе Ленин констатирует: «Старый Цека (1919—1920) побил меня по одному из гигантски важных вопросов, что Вы знаете из дискуссии. По вопросам организационным и персональным несть числа случаям, когда я бывал в меньшинстве. Вы сами видели примеры тому много раз, когда были членом ЦК».

«Несть числа» означает, что среди людей, которых мы привычно объединяем понятием «ленинская гвардия», по-видимому, было очень мало тех, кто по тем или иным вопросам теории, политики или практики не занимал бы время от времени «антиленинских позиций». Сам этот термин своим происхождением обязан Сталину, годам, когда появилась нужда в «шитые дел» старым революционерам. Во времена Ленина, как это хорошо известно, политическая практика скорее исключала, чем предполагала всегдашнее и полное единодушие. Беспрепятственно дозволялось занимать антиленинские, антибухаринские, антиларинские, антикаменевские и прочие позиции, лишь бы питались они страстными порывом к социализму и поверялись самоотверженным служением революции.

Читающий Ленина не может не обратить внимания на именные указатели. Почти везде следы участия в различных оппозициях, занятия в том или ином вопросе «антиленинских позиций», прочих ошибок. «Левыми коммунистами» были, помимо Н. Бухарина, И. Арманд, А. Бубнов, В. Куйбышев, И. Вардин, А. Ломов, М. Покровский, А. Солыц, М. Урицкий, В. Яковлева, Е. Ярославский. В «военной оппозиции» участвовали К. Ворошилов, Ф. Голлоцкий, Р. Землячка, А. Мясников и др. Среди членов «рабочей оппозиции» находим А. Коллонтай и А. Шляпникова. Что ни имя, то легенда. Но у всех, увы, «что-то было»...

Зато с воцарением Сталина завелась у нас доселе небывалая порода никогда не ошибающихся политических деятелей. Из характеристики в характеристику, а оттуда — в некрологи кое-чавала фраза: «На всех постах, которые доверили имярек партия и правительство...» Бытует штамп этот и по сей час.

Во времена сталинизма отлились в тип и, по словцу Меринга, «попы марксистского прихода». Назвали их «теоретиками». С «Кратким курсом» наперевес, осторожными перебежками от цитаты к цитате они достигали кандидатских рубежей. Тем же манером, но уже не о «корифее всех наук», а о том, как нашему поколению славно будет жить при коммунизме, изготовлялись докторские диссертации. Наконец, на свет являлись фолианты об экономике, долженствующей быть экономной, толщина которых сокрушала твердыни академического Иерихона. И все это, замечьте, без единой, даже стилистической, оплошности.

Энциклопедические словари, до которых Ю. Максимов такой охотник, полны описаний подобных идеологически выдержанных научных карьер. На фоне этих «титанов мысли» Бухарин, разумеется, выглядит жалким троечником. Но я бы, честно говоря, отдал бы их дюжину за самую грубую ошибку Бухарина. Ибо его ошибки — это главное — честны. Почетны, как увечья, полученные в сражении за истину. Они стимулируют научный поиск. Преодолевая искренние заблуждения Бухарина, наука будет, несомненно, возвышаться.

Диссертации же и монографии, о которых я упомянул, безупречны, как безупречна банальность. Стерильны и по этой причине — бесплодны. Безусловно истинное утверждение «Веревка есть вервие простое», тысячекратно повторенное, способно «привести в состояние духа», как изъяснял чеховский Епиходов, но не дает приращения зна-

ний. Сочинения сии писаны не из органичной потребности познать непознанное, а в робкой надежде угадать «чего изволят».

Читатель, надеюсь, рассудит, какими побуждениями руководствовался Ю. Максимов, берясь за перо. Почерпнута ли его точка зрения лишь из самой исторической науки? Не продиктована ли его попытка свершить нечто противоположное тому, что он называет ретушированием, «чуждыми науке», по словам Маркса, «внешними для нее интересами»?

В статье «Ретушь трагедии?» автор хотел, по-видимому, показать нам, как ретушируют трагедии. Но что-то ему помешало это сделать.

Пытаясь очистить трагедию от того, что ему показалось ретушью, он неудачно выбрал инструмент: вместо ластика — ком грязи.

«...Право же, Бухарин заслуживает большего внимания, большей серьезности», — снисходительно роняет Ю. Максимов... кому? Анне Михайловне Лариной, 50 лет твердившей про себя «завещание» Н. И. Бухарина, чтобы донести его до нас!

«Трагичность его (Бухарина. — Л. О.) личной судьбы глубоко волнует, потрясает», — словно спохватившись, замечает автор. Литературное мастерство, с каковым удалось ему утаить от читателя «волнение», а равно и «потрясение», право же, подкупает.

Как мы недавно с изумлением узнали, на рубеже третьего и четвертого годов перестройки одна «читательница» уважаемой газеты внезапно обнаружила, что не может поступаться принципами. Похоже, не одной ей не может. Понимаю.

Не без опаски в статье повествуется о возвращении в общие фонды библиотек работ Н. И. Бухарина. Нас предостерегают от «сомнительных посредников», которые могут помешать «определить для себя подлинную их значимость». Перечитав еще раз «Ретушь трагедии?», нахожу данное предостережение резонным.

«Антиленинская позиция» отвращает Ю. Максимова сильнее, чем правоверного католика — смертный грех. Боюсь его огорчить, но, возможно, в вопросе об оценке Ю. Ларина и Н. Бухарина с ним как-то незаметно эта беда приключилась.

В «Апологии истории» Марк Блок писал о желании «уберечь целомудренную Клио от слишком жгучих прикосновений». В пору озаботиться и тем, как избавить Клио от касаний, оставляющих на ее хитоне сальные пятна.

Шекспировский могильник мог сказать о мертвеце: «Чума его разнеси, шалопая сумасбродного!» Жутковато, но терпимо. Непереносимо, однако, когда некрофобскую интонацию усваивает современный публицист, да еще в отношении незаслуженно полузабытого Ю. Ларина и только-только возвращающегося из пятидесятилетней ссылки в ложь и клевету Н. Бухарина.

Бедный Йорик, если вдуматься, был не так уж и беден: в отличие от Бухарина он умер в постели и ведал роскошь обладания собственной могилой.

Бог весть, научимся ли мы когда-нибудь вести спор о самых острых проблемах с достоинством, подобающим гражданам своего отечества. Честно и непредвзято. Без бессмысленных подозрений и атак исторических страхов. Не бросая тени на живых и не отнимая чести у мертвых.

Феликс МЕДВЕДЕВ

О времени публикации материала «Он хотел переделать жизнь, потому что ее любил» («Огонек» № 48) прошло около пяти месяцев, а поток читательских писем не иссякает.

«Никогда не ожидал от себя такой необъяснимой, взволнованной реакции на судьбу этого выдающегося партийного деятеля. Я открыл для себя новый, яркий, пылкий и страстный пример для подражания, идеал преданности родной революции, партии. Жалею и не представляю, как раньше мог спокойно жить и существовать, не зная изложенных обстоятельств жизни и смерти пламенного большевика. Я клянусь, что он никогда не умрет в моей памяти. Военнослужащий Фалеев, 19 лет, Благовещенск».

«50 лет Анна Михайловна Ларина

**ДЕРЖУ В РУКАХ ДОКУМЕНТЫ
О РЕАБИЛИТАЦИИ БУХАРИНА:
ОБ ОТМЕНЕ ПРИГОВОРА
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО
СУДА СССР ОТ МАРТА 1938 ГОДА,
ОБ ИМУЩЕСТВЕ ОСУЖДЕННОГО.
— В ГРАФЕ «ПРИЧИНА СМЕРТИ», —
ГОВОРIT АННА МИХАЙЛОВНА
ЛАРИНА, — МОГ СТОЯТЬ ПРОЧЕРК,
НО ВЕДЬ ЧЕЛОВЕК БЕЗ ПРИЧИНЫ НЕ
УМИРАЕТ, И Я ПОПРОСИЛА
НАПИСАТЬ ВСЕ КАК БЫЛО...
ЕЙ СЕЙЧАС И РАДОСТНО, И ТЯЖКО.
СПРАВЕДЛИВОСТЬ
ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА, НО КАКОЙ
ЦЕНОЙ, КА-КОЙ?! ПОЛВЕКА
ОЖИДАНИЙ...**

ждала правительства, к которому было обращено письмо-завещание Н. И. Бухарина. 50 лет неслы она в своей душе клятву, не зная, хватит ли жизни для ее выполнения. 50 лет мук и терзаний. Кому выпадало такое? Не знаю. В. Ковалевская, г. Бердянск».

«С превеликим удовольствием прочитал ваши рассказы, Анна Михайловна. Мир сразу стал намного краше... Нашу революцию творили чудесные люди, преследуя самые благородные, самые возвышенные цели. В. Саркисян, г. Степанаван, Армянская ССР».

«В 1942—1943 годах я была вместе с А. Лариной в лагере в Кемеровской области. Спала на нарах в бараке (огромной длинной землянке) напротив Анны Михайловны. Часто видела ее при свете крошечной копилки, склонившейся над клочком бумаги с карандашом в руке. У нас тогда говорили: «Нюся пишет стихи». Я заплакала, увидев фотографию А. М. Лариной в журнале... По-моему, сегодня надо обо всем сказать и написать открыто, все называть настоящими именами... Но у меня не хватает сил и присутствия духа рассказать моей дочери о том, что я пережила. Права Анна Михайловна, язык беден... Л. Л. Юрко, Латвийская ССР, г. Гулбене».

«Возникла жгучая потребность в правдивой истории нашего государства. Разобравшись в прошлом, мы сможем строить будущее, не повторяя ошибок... А. Калюжный, Новосибирск».

«Уважаемая Анна Михайловна! Вы достойны самых высоких слов за то, что сохранили чистоту нашей славной истории. Кандидат исторических наук М. Новиков, Москва».

«Материал о Бухарине очищает душу, просветляет мысли, облагораживает. Перед нами один из исторических примеров высокой нравственности, такие примеры не просто восхищают, но

и воспитывают. Нужна книга о Бухарине в серии «Жизнь замечательных людей». В. Овчинников, зав. кафедрой философии Калининградского университета, доктор философских наук, профессор».

Письма, письма... Обстоятельные, аналитические. Для многих читателей публикация стала не только ответом на волновавшие их вопросы, но и послужила поводом для новых вопросов.

Я попросил ответить на них Анну Михайловну.

— Считаете ли вы, что Сталин и некоторые его соратники подлежат осуждению за бесчисленные преступления перед народом, что ныне здравствующих клеветников, наветчиков надо судить?

— Я против судов над ними в буквальном смысле этого слова. Хватит крови! Большинство этих преступников нет в живых, а те, кто жив, одной ногой в могиле. Но от суда истории им все равно не уйти. Это самый суровый и долговечный суд.

Посмертное исключение из партии — за совершенные чудовищные преступления — должно быть столь же обязательным, как посмертное восстановление

ПРАВДА СОВРЕ

ние в ней оклеветанных, невинных жертв сталинского террора.

Хотелось дожить до тех времен, когда письмо Н. И. Бухарина, обращенное к «Будущему поколению руководителей партии», которое долгие годы бережно хранила моя память, станет известно советскому народу. Эта надежда и страстное желание увидеть сына, с которым меня разлучили, когда ему был год, а увидела я его двадцатилетним, сохраняли волю к жизни.

— Кстати, Анна Михайловна, многие читатели спрашивают о судьбе сына Юрия.

— После моей высылки Юра переходил из рук в руки — моих и Николая Ивановича родственников. Каждого из них ждала одна и та же участь: арест, лагерь, ссылка. Последними в этой цепи были сестра моей матери Ида Григорьевна Гусман и ее муж Борис Израилевич. Юра прожил у них восемь лет как родной сын (а их собственный сын, примерно мой ровесник, был на Колыме). В 1946 году в Сталинграде инженер-строитель Б. И. Гусман, кстати, ранее принимавший участие в сооружении Мавзолея Ленина, был арестован. Тогда Юра попал в детский дом.

И увиделись мы с ним через девятнадцать лет. Расставшись с Юрой, когда ему был год, я вновь встретилась с ним летом 1956 года. Он приехал ко мне в Сибирь, в поселок Тисуль Кемеровской области.

— Некоторые читатели сравнивают ваш подвиг с подвигом декабристов.

— Я так не считаю. Декабристки поехали в Сибирь к живым мужьям добровольно. Они разделили их тяжкую участь. Слов нет — подвиг!

Но все-таки как они ехали: в шубах, «в на диво слаженном возке», «сам граф подушки поправлял, медвежьей полость в ноги стлал». Наши аресто-

ванные — жены «врагов народа» (и я в том числе), русские и нерусские, украинские и белорусские, еврейские и грузинские, польские, немецкие из Поволжья, женщины, бежавшие из фашистской Германии — сотрудники Коминтерна, женщины других национальностей... Мы — в теплушках, или «столыпинском» вагоне, потом, от станции до лагеря, километры пешком под конвоем, с овчарками, обессиленные, полураздетые, еле тащившие свои жалкие пожитки — чемоданы или узлы с вещами, под окрики конвоя: «Шаг в сторону — стреляю без предупреждения!» Или: «Садись!» Хоть в снег, хоть в грязь, все равно садись! Да и не к мужьям же ехали! Хоть были среди нас такие мечтательницы, которые naïвно надеялись, что в том лагерном потустороннем мире их соединят с мужьями — теми, кто имел десять лет без права переписки, и, как правило, уже расстрелянными. Да и мне бы хоть так, но к Николаю Ивановичу, тогда что мне та дорога! Но я и надеяться не могла... Может, в этом мой подвиг? А может, в том, что сохранила в памяти письмо Бухарина, обращенное к потомкам?!

ВСЕГДА МЕННА

— Вы пишете воспоминания. Какие эпизоды вашей биографии войдут в книгу?

— Среди множества воспоминаний о встречах, размышлений о жизни есть и такие.

...Двое с револьверами в кобуре вывели меня из штрафного изолятора на дорогу, ведущую к оврагу. Это было под вечер, солнце на три четверти упало за горизонт. В мгlistой дали предвечерних сумерок виднелся тот зловещий овраг, о котором я уже знала. Я сделала несколько шагов, и вдруг во мне наступило ощущение того, что я полностью отрешена от жизни. То был конец — конец восприятия реальности. Охватившее оцепенение парализовало мышление. Будто я катилась вниз, в пропасть бессмысленной глыбой при горном обвале... Но вдруг до меня донесся шум, нарушивший гробовую тишину нашего шествия, поначалу воспринятый мной как раздражающее гудение сирены. Потом я различила человеческий голос, а затем стала понимать доносившиеся на ветру слова. Мы остановились у самого края оврага. Я обернулась, вдали бежал человек в светлом полушубке, «Назад! Назад!» — кричал он...

Стоял лютый декабрьский мороз. Я продрогла. На мне была старая, уже изношенная шубка, высокие фетровые валенки Николая Ивановича, с загнутыми голенищами, старые, прохудившиеся, в них проникал снег. На голове теплая пыжиковая шапка-ушанка, принадлежавшая когда-то Сталину, — мое случайное «наследство». В конце 1929 года, после окончания конференции аграрников-марксистов мой отец (а возможно, и Сталин) из двух пыжиковых шапок, висящих на вешалке рядом, по ошибке взял не свою. Шапки отличались друг от друга лишь цветом под-

кладки. По обоюдному согласию шапки не были обменены. В единственной посылке, которую до своего ареста успела прислать мне мать, оказалась и эта шапка. Так, по иронии судьбы шапка Сталина оказалась на мне.

В шапке Сталина я провела весь срок своего заключения.

...Судьба свела меня с матерью, сыном которой гордилась вся страна, а уж мать и подавно неосознанной внутренней гордостью не могла не гордиться. Но и проклинала страна его дружно. Я не была матерью такого сына, я была женой такого всенародно проклятого мужа.

Та, которую я встретила, была не «Орина — мать солдатская», а Мавра — мать маршальская, тоже простая крестьянка. Я встретила с семьей Тухачевского (женой Ниной Евгеньевной, дочерью Светланой) в поезде Москва — Астрахань, 11 июня 1937 года по пути в ссылку. Меня довез на машине до вокзала и посадил в вагон (бесплатный, зато бесплательный) сотрудник НКВД, нарочито вежливо распрошавшись со мной, как в насмешку пожелавший всего хорошего. По дороге на станциях выходили из вагонов пассажиры и хватали газеты с сенсационными известиями. В них сообщалось, что «Военная Коллегия Верховного Суда СССР на закрытом судебном заседании рассмотрела...», что все обвиняемые признали себя виновными... В тот день погибли крупнейшие военачальники. В их числе и маршал Тухачевский... Я заглянула в газету через плечо соседа, чтобы своими глазами прочесть сообщение, но буквы запыгали, я только и смогла прочесть: приговор приведен в исполнение.

Пассажиры бурно выражали свою ненависть к «предателям»:

— Да разве их зря осудят!

— Да не резон же, только урон!

— Сами же признались. От улик никуда не уйдешь.

— И что им только нужно было, и положение, и слава.

И те, кто восхищался ранее их военным талантом, блестящими стратегическими способностями, их героизмом и мужеством, те, кто под их руководством в огне гражданской войны отвоевал Советскую власть и подавлял армии интервентов, те, кто ранее им рукоплескал и кричал: «Ура! Ура!», теперь, обманутые и растерянные, яростно проклинали. Гибли авторитеты, рушилась вера, меркли светлые идеалы.

Среди разъяренного народа сидела, казалось, от горя, от ужаса окаменевшая, застывшая, как лава после страшного извержения, мать маршала Тухачевского. И так же, как щедра была к нему природа, оказалась безжалостна судьба. Необычайная одаренность, редкие полководческие способности, духовная красота сочетались с изумительными внешними качествами. Когда я в детстве впервые увидела Тухачевского, я не могла оторвать от него глаз... Теперь я с волнением смотрела на его мать. Ее мертвенно бледное лицо и дрожь больших, поработавших рук, выдавали волнение. Она сохранила еще следы былой красоты, и я улавливала черты, переданные ею сыну. Была она крупная, казалась еще крепкой и удивительно гордой даже в страдании, даже в унижении. Мавра Петровна горя своего не могла высказать. А в тот день, когда нас свели трагические события 1937 года, она получила похоронную на сына, самую страшную, какая могла быть.

Но видела я Мавру Петровну и плачущую. Она пришла ко мне уже в Астрахани, после ареста жены Тухачевского. Я и жена Якира почему-то были арестованы двумя неделями позже. Мавра Петровна хотела сделать передачу Нине Евгеньевне в Астраханскую тюрьму, но была малограмотна. Сказала: «Пишу плохо», а может, постеснялась сказать, что совсем не могла, и попросила это сделать меня, написать, что она передает: «Напиши: «Ниночка! Передаю лук, селедку и буханку хлеба».

Я написала. Неожиданно Мавра Петровна разрыдалась и, положив голову мне на плечо, повторила: «Мишенька, Мишенька — сынок! Нет тебя больше...»

Тогда она еще не знала, даже, может, никогда и не узнала, что еще два ее сына, Александр и Николай, тоже расстреляны только потому, что родила их та же Мавра. Тогда она еще не знала, что и дочери ее тоже арестованы и осуждены на 8 лет лагерей.

С двумя, Ольгой Николаевной и Марией Николаевной, я была одновременно в Томском лагере. Умерла Мавра Петровна в ссылке.

И вот только теперь, через пятьдесят лет после позорного судилища и бесчисленных моих и сына обращений — в Президиум партийных съездов и между ними о реабилитации Николая Ивановича мое большое мотивированное заявление, направленное в Президиум XXVII партийного съезда и лично Михаилу Сергеевичу Горбачеву, привело к желаемым результатам. Справка о том, что «приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 13 марта 1938 года в отношении Бухарина Н. И. отменен и дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления», лежит у меня на столе.

Грустно и радостно! Грустно оттого, что так долго пришлось ждать и что сам Николай Иванович не может ощутить, что его предвидение сбылось, «фильтр истории» наконец смыл грязь с его головы.

Радостно оттого, что правда наконец восторжествовала, и, пожалуй, от чувства удовлетворения, что и я внесла свою лепту, долгие годы борясь за реабилитацию Н. И. Бухарина.

— Анна Михайловна, в редакцию пришло много писем с просьбой опубликовать полный текст письма-завещания «Будущему поколению руководителей партии», продиктованного Николаем Ивановичем вам перед самым его арестом. Существовавшая лишь в вашей памяти, это письмо тем не менее уже использовалось разными публикаторами как бесспорный документ. Я прошу вас сейчас надиктовать содержание письма Николая Ивановича, как оно сохранилось в вашей памяти.

— Как бы мне ни было тяжело, я сделаю это с глубоким удовлетворением. Этих дней, этого момента я ждала всю жизнь.

БУДУЩЕМУ ПОКОЛЕНИЮ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПАРТИИ

Ухожу из жизни. Опускаю голову не перед пролетарской секирой, должной быть беспощадной, но и целомудренной. Чувствую свою беспомощность перед адской машиной, которая, пользуясь, вероятно, методами средневековья, обладает исполинской силой, фабрикует организованную клевету, действует смело и уверенно.

Нет Дзержинского, постепенно ушли в прошлое замечательные традиции ЧК, когда революционная идея руководила всеми ее действиями, оправдывала жестокость к врагам, охраняла государство от всяческой контрреволюции. Поэтому органы ЧК заслужили особое доверие, особый почет, авторитет и уважение. В настоящее время, в своем большинстве, так называемые органы НКВД, эта переродившаяся организация безыдейных, разложившихся, хорошо обеспеченных чиновников, которые, пользуясь былым авторитетом ЧК, в угоду болезненной подозрительности Сталина, боюсь сказать больше, в погоне за орденами и славой, творят гнусные дела, кстати, не понимая, что одновременно уничтожают самих себя — история не терпит свидетелей грязных дел!

Любого члена ЦК, любого члена

партии эти «чудодейственные органы» могут стереть в порошок, превратить в предателя-террориста, диверсанта, шпиона. Если бы Сталин усомнился в самом себе, подтверждение последовало бы мгновенно.

Грозовые тучи нависли над партией. Одна моя, ни в чем не повинная голова потянет еще тысячи невинных. Ведь нужно же создать организацию, «бухаринскую организацию», в действительности не существующую не только теперь, когда вот уже седьмой год у меня нет и тени разногласия с партией, но и не существовавшую тогда, в годы правой оппозиции. О тайных организациях Рютина, Угланова мне ничего известно не было. Я свои взгляды излагал вместе с Рыковым, Томским открыто.

С восемнадцатилетнего возраста я в партии, и всегда целью моей жизни была борьба за интересы рабочего класса, за победу социализма. В эти дни газета со святым названием «Правда» печатает гнуснейшую ложь, что якобы я, Николай Бухарин, хотел уничтожить завоевания Октября, реставрировать капитализм. Это неслыханная наглость, это — ложь, адекватная которой по наглости, по безответственности перед народом была бы только такая: обнаружилось, что Николай Романов всю свою жизнь посвятил борьбе с капитализмом и монархией, борьбе за осуществление пролетарской революции.

Если в методах построения социализма я не раз ошибался, пусть потомки не судят меня строже, чем это делал Владимир Ильич. Мы шли к единой цели впервые, еще непроторенным путем. Другое было время, другие нравы. В «Правде» печатался дискуссионный листок, все спорили, искали пути, ссорились и мирились, и шли дальше вперед вместе.

Обращаюсь к вам, будущее поколение руководителей партии, на исторической миссии которых лежит обязанность распутать чудовищный клубок преступлений, который в эти страшные дни становится все грандиознее, разгорается, как пламя, и душит партию.

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ ОБРАЩАЮСЬ.

В эти, может быть, последние дни моей жизни, я уверен, что фильтр истории, рано или поздно, неизбежно смоем грязь с моей головы.

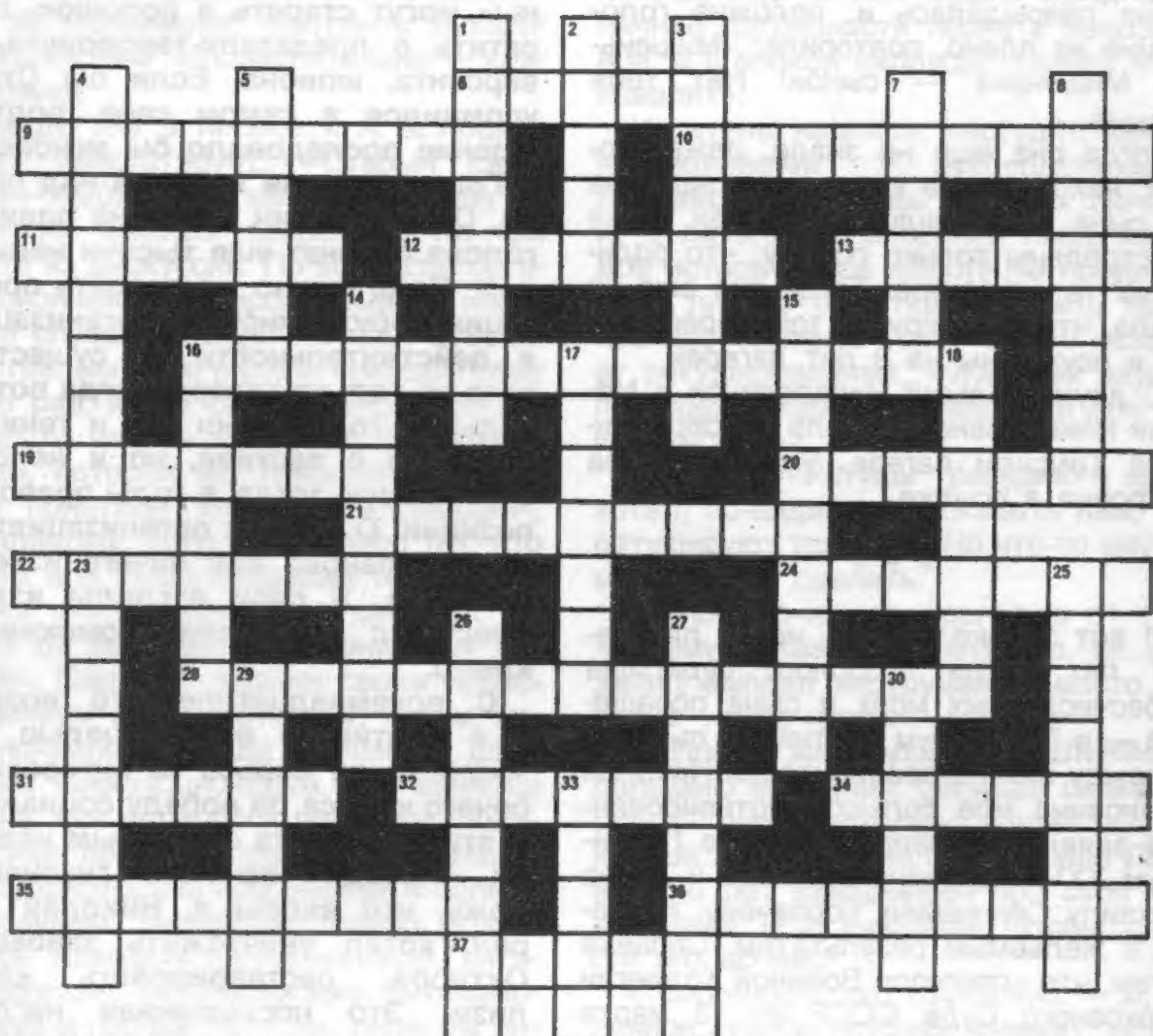
Никогда я не был предателем, за жизнь Ленина без колебаний заплатил бы собственной. Любил Кирова, ничего не затевал против Сталина.*

Прошу новое, молодое и честное поколение руководителей партии зачитать мое письмо на Пленуме ЦК, оправдать и восстановить меня в партии.

Знайте, товарищи, что на том знамени, которое вы понесете победоносным шествием к коммунизму, есть и моя капля крови.

Н. БУХАРИН

* Бухарин в данном случае имеет в виду покушение на жизнь Сталина, в чем его обвиняли. Взгляды Сталина в период коллективизации, как известно, он оспаривал.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Марксистская нелегальная газета, созданная В. И. Лениным. 9. Гидроэлектростанция имени В. И. Ленина. 10. Фильм, снятый народным артистом СССР, кинорежиссером Ю. Я. Райзманом. 11. Английский физик, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 12. Самоотверженность, мужество. 13. Герой гражданской войны. 16. Устройство для записи электрических сигналов изображения со звуковым сопровождением и их воспроизведения. 19. Оценка знаний учащегося. 20. Красноармейская песня на слова Д. Бедного. 21. Работник, возводящий здания, сооружения. 22. Русский пейзажист, передвижник. 24. Ежедневная газета Французской компартии. 28. Город, названный в честь комсомольцев-подпольщиков. 31. Единица времени. 32. Южное декоративное растение. 34. Побуждение к действию. 35. Правдивость, добросовестность. 36. Народный художник СССР, автор серии офортов «Ленинградцы». 37. Областной центр в РСФСР.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Укрепленный участок русла реки за водобоем гидротехнического сооружения. 2. Старинная итальянская монета. 3. Территория, на которой охраняются виды животных и растений при ограниченном использовании. 4. Дом для инвалидов и престарелых. 5. Хребет в Западном Саяне. 7. Озеро в Швейцарии и Италии. 8. Малая планета. 14. Один из первых рабочих-революционеров, ткач. 15. Одно из названий ЭВМ. 16. Социалистическая республика на полуострове Индокитай. 17. Герой повести А. П. Гайдара «Школа». 18. Многолетнее травянистое декоративное растение. 23. Представитель основного населения союзной советской республики. 25. Действующий вулкан на Курильских островах. 26. Рассказ А. П. Чехова. 27. Народный артист СССР, выступавший в Театре имени Вахтангова. 29. Созвездие, в котором находится Южный полюс мира. 30. Детский советский писатель. 33. Действующее лицо маленькой трагедии А. С. Пушкина «Каменный гость».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Гипотеза. 8. Академия. 9. Дудинцев. 10. Окорок. 12. Эскорт. 13. Космонавтика. 18. Резерв. 19. Памфлет. 20. Семинар. 21. Чернов. 22. Гордеев. 24. Гигиена. 26. Стайер. 27. Гидротурбина. 31. Япония. 32. Трепел. 33. Изолятор. 34. Нитрагин. 35. Озонатор.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Дидактика. 2. Станок. 3. Вакуум. 4. Патент. 5. Одесса. 6. Гипербола. 11. Компетенция. 12. Эксперимент. 14. Отечество. 15. Вариометр. 16. Кафедра. 17. Критика. 23. Ортопедия. 25. Несмеянов. 27. Гиджак. 28. Рязань. 29. Биолог. 30. Аргунь.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок И. КОПЕЛЬНИЦКОГО. Черновцы.

В

есной стадион совсем рядом. Стоя среди пушистых елей, наблюдала за Михаилом Ивановичем Поляковым. Урок походил на праздник. Разрумянившиеся шестиклассники весело и ловко играли в мяч, перетягивали канат...

Михаилу Ивановичу сорок шесть. Высокий, подтянутый. О своих учениках готов рассказывать бесконечно. Чувствуется, что физкультура для него дело, которому он служит с любовью. Он легко находит общий язык с ребятами, ну, а вот с дирекцией, учителями не всегда. Он «неудобный».

— Работать с ним не мед, но интересно. Поляков, в бытность мою директором этой школы, иногда чересчур рьяно отстаивал свою точку зрения, я свою, — рассказывал Василий Матвеевич Андреев. — Сначала оба горячились, потом сообща приходили к правильному решению. Мне нравится его равнодушие.

Впрочем, принципиальность и своя точка зрения никому пока не вредили. Скорее наоборот: давно подмечено — именно «неудобные» люди способствуют продвижению вперед, делают гораздо больше тех, кто с невозмутимым спокойствием взирает на окружающее, и никакая нужда, никакое горе не нарушают их равновесия.

Учителем Михаил Иванович стал не сразу. Сын военнослужащего, он много поездил и повидал. Родился в Вологодской области, жил в Одессе, под Горьким. Специальность сварщика получил в Борисоглебском железнодорожном училище. Поработал на Урале. А затем, страстный поклонник спорта, решил пойти преподавать в школу, поступил заочно на факультет физвоспитания Ленинградского пединститута. И вот уже двадцать лет учителем. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За трудовую доблесть». Все, что появляется нового в физвоспитании, Поляков старается внедрить у себя. Стабелская сельская школа первой в Смоленской области ввела зарядку, подвижную большую перемену.

Михаил Иванович — прекрасный учитель-методист. Не без интереса листала я его рабочий журнал. Все 310 учеников — как на ладони. Характер, особенности и способности каждого расписаны по годам — от прихода в первый класс до выпуска! Это дает возможность сравнивать, оценивать результаты, работать вместе со всеми и индивидуально. Учителя физкультуры Смоленского района, области, особенно молодежь, извлекают немало полезного из тематических планов Полякова. Каждый урок у него четко определен: чему научить, какие навыки закрепить, какие качества воспитать. Очень полюбился ребятам ежедневный «час здоровья». Он проходит в лесу, давно обжитом ими.

Рядом с лесом — школьный стадион. Все здесь продумано и рассчитано до мелочей: и площадки для спортивных игр, и беговые дорожки, и полоса препятствий... «Тут столько ребячьего труда вложено, — рассказывает Михаил Иванович. — Одного дерна тонн сто сняли, не меньше, на носилках вытащили, потом асфальт настлали и закатали тоже вручную. А вот там, у самого края, бассейн будет».

Обязательно будет. И бассейн, и многое другое. А главное — здоровые ребята. Ибо их учитель физкультуры такой «неудобный». Такой хороший человек.

Зоя ДМИТРИЕВА,
фото Анатолия БОЧИНИНА

ДАР

Ю ЗДОРОВЬЕ!

И. К. АЙВАЗОВСКИЙ. «БЕРЕГ КРЫМА В ЛУННУЮ НОЧЬ».

РУССКОЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
СТЕКЛО XVIII — XIX
ВЕКОВ.

ОГОНЁК

ISSN 0131-0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

И. К. АЙВАЗОВСКИЙ. «ПЕТЕРБУРГ.
ВИД НА СТРЕЛКУ ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА».

М

ного бесценных произведений искусства передано в дар нашей стране за последнее время. Так, по случаю первого визита М. С. Горбачева в США в декабре 1987 года американский художник Инок

Клоусон подарил свое живописное полотно «Карта Вселенной». Армянский всеобщий благотворительный союз передал русскую рукописную книгу XVII века (дар супругов Калоуста и Эммы Согоян) и картину кисти И. К. Айвазовского «Петербург. Вид на стрелку Васильевского острова» из собрания видного коллекционера А. Шагиняна.

Бесценные реликвии поступили в Орловский литературный музей от профессора Эдинбургского университета Милицы Грин. Кабинет И. А. Бунина пополнился полученными ею в наследство книгами с автографами Ивана Алексеевича, его личными вещами.

Советский фонд культуры получил от Арманда Хаммера в дар полотна художников Богданова-Бельского, Куликова, Верещагина, Айвазовского...

Александр Яковлевич Полонский живет во Франции. Он филолог, юрист. Долгие годы собирает книги и автографы русских писателей. Присланный им этюд неосуществленной картины И. Е. Репина «Чтение о воле» теперь можно увидеть в Государственной Третьяковской галерее. Вернулись на родину и другие реликвии: автограф письма Н. В. Гоголя Варваре Балабиной, «Грамматика» М. Смотрицкого 1648 года издания, рукописный альбом «Ночь темная» с авторскими иллюстрациями русского писателя А. М. Ремизова.

Более двухсот дарителей — из Советского Союза и зарубежных стран — внесли свой вклад в коллекцию Советского фонда культуры. Дочь легендарного героя гражданской войны Сергея Лазо Ада Сергеевна Лазо-Грабенко одна из первых передала русское художественное стекло XVIII — XIX веков, собранное ее мужем, народным художником РСФСР Владимиром Васильевичем Лебедевым. Эти редкие вещи стали достоянием Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства.

Зоя КРУКЛИНА,
фото Михаила САВИНА.